

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el país y el mundo •

- НЕЗАВИСИМАЯ ЛИТВА
- ВОЗЬМЕМСЯ И УНИЧТОЖИМ
- ПРЕЗИДЕНТ НА ТРЕХНОГОМ ТРОНЕ
- ШВЕДСКИЙ ВАРИАНТ СВЕТЛОГО БУДУЩЕГО

МАВЗОЛЕЙ СТАЛИНА

- ШПИОН И КОРОЛЬ
- ДОМ ОБЩЕГО СИРОТСТВА
- РУССКИЙ ПРОТЕСТАНТИЗМ
- ПОСЛЕ СУМГАИТА — НИ СТРОЧКИ

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Эйтана Финкельштейна. Обложка худ. Б.Рабиновича. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

Представители журнала:

В Москве — Сергей Лёзов (125167, Ленинградский просп., 45, корп. 4, кв. 367).

В США — Марк Поповский (65, Hillside Ave., apt. 5H, New York, N.Y. 10040 USA).

В скандинавских странах — Борис Вайль (Lundtoftegade, 59, III tv, 2200 København N. Danmark).

В Израиле — Рафаил Шапиро (Rehovot Halot, 41/9 Gilo, Jerusalem 93384 Israel).

Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле — 53 ам. доллара, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 58 долл. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера — 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию.

СОДЕРЖАНИЕ

Битва за независимость	1
"На смену зависимости должно придти сотрудничество"	
Интервью с К.Прунскене	8
К.Любарский. Начало конца	12
С.Яковлев. "Двухминутки ненависти"	13
М.Якобсон. В Москве снова задумались	15
Политическое обозрение	16
Р.Бахтамов. Президент	27
Страна сегодня	39
"Большая родина не состоялась". Разговор	
с Грантом Матевосяном	48
Ю.Айхенвальд. Московские зарисовки	53
В.Чаликова. Сталинизм и макиавеллизм	65
А.Кибрик. Бомба замедленного действия	73
В.Ларин. Арал... Байкал... Ямал?	78
Р.Лэмфер. Клаус Фукс	82
Признание Клауса Фукса	93
А.Антонов-Овсеенко. Атомный король	99
З. Перед сталинским мавзолеем	109
И.Гришин. Дом, в котором я живу	122
П.Вудолл. Перемена курса	124
Б.Парамонов. Вокруг "русской идеи"	140
Е.Барабанов. Дом общего сиротства	151
В.Войнович. Цоб-цобэ	157

Das Land und die Welt e.V.

Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany

Tel. (089) 530514. Telex 5218017 unbt d. Telefax 534603

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178-5036

СТРАНА И МИР

БИТВА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Нелегка историческая судьба литовского народа.

Окруженное тремя могущественными державами, независимое Литовское государство на разных этапах истории становилось как бы естественной добычей одной из них. Литовские земли захватывали то немецкие рыцари, то польские короли, то российские императоры. Литовский же народ, испытывая сильное влияние трех великих цивилизаций, казался бы, исчезал, растворяясь то в одной, то в другой из них.

Но так только казалось, ибо наступал Момент истории, и литовцы возрождали свой язык, традиции, культуру, обогащая их культурой и традициями соседних народов. Никогда не угасала у этого маленького народа и мечта о восстановлении национальной государственности.

Мечта эта сбылась в 1918 г., когда пала Российская империя, и литовцы ценой героических усилий, ценой самопожертвования и упорства, воссоздали свое государство.

Недолго оказался век Литовской республики, сумевшей в считанные годы стать преуспевающим европейским государством, полноправным членом Лиги Наций, но оказавшейся по-мехой на пути двух тиранов к мировому господству. Литовское государство пало в результате сговора Сталина с Гитлером.

Неисчислимы жертвы маленькой страны, оккупированной сначала Красной Армией, затем гитлеровскими полчищами и, наконец, снова Советской Армией — победительницей.

Характер и масштабы искоренения всего национального в послевоенной Литве, наряду с усиленной советизацией и русификацией, казалось бы, в очередной раз поставили литовский народ на грань национального уничтожения. Многие склонны были считать, что сами слова «литовский народ» и «литовское государство» уже принадлежат истории. Но те, кто так думал, ошиблись, ибо снова наступил Момент истории и оказалось — литовский народ жив!

Lietuvos Respublikos Aukščiausiosios Tarybos

А К Т А С DĖL LIETUVOS NEPRIKLAUSOMOS VALSTYBĖS ATSTATYMO

Užsienio Respublikoms Aukščiausiosios Tarybos, turintys teisę išleisti įstatymus ir įvykdymo įstatymus, priima šiuos įstatymus.

А К Т

Верховного Совета Литовской Республики О ВОССТАНОВЛЕНИИ НЕЗАВИСИМОГО ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Выражая воле Народа, Верховный Совет Литовской Республики постановляет в торжественно провозглашенном, что восстанавливается реализация суверенитета прав Литовского Государства, вытравленного чужой силой в 1940 году, и отныне Литва вновь становится независимым государством.

Акт Литовского Совета о Независимости от 16 февраля 1918 года и Решеция Учредительного Сейма от 18 мая 1920 года о восстановлении демократического Литовского государства являются не только истинной правовой силой и являются конституционной основой Литовского Государства.

Территория Литовского Государства является целостной и неделимой, на ней не действует Конституция любого другого государства.

Литовское Государство лицензирует своим гражданам

путь в общепризнанным принципам международного права, признает неприкосновенность границ, как это оформлено в Заключительном акте Хельсинкского соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятом в 1975 году, гарантирует права человека, гражданские и национальные сообщества.

Верховный Совет Литовской Республики на высшем уровне выражает свою поддержку и участие в реализации воле Народного суверенитета Государства.

Президент Верховного Совета
Литовской Республики
В. ЛАНДСВЕРГИС.
Секретарь Верховного Совета
Литовской Республики
Д. САВУТИС.

Вильнюс, 11 марта 1990 г.

Užsienio Respublikoms Aukščiausiosios Tarybos, turintys teisę išleisti įstatymus ir įvykdymo įstatymus, priima šiuos įstatymus.

Užsienio Respublikoms Aukščiausiosios Tarybos, turintys teisę išleisti įstatymus ir įvykdymo įstatymus, priima šiuos įstatymus.

11 марта 1990 г. Восстановлена независимость Литовского государства.

Верховный Совет Литовской республики отменил действие Конституции СССР и Конституции Литовской ССР на территории Литвы и принял временный основной закон Литовской республики, первая статья которого гласит: «Литовская республика является суверенным демократическим государством, выражающим общую волю и интересы народа Литвы».

14 марта. Съезд народных депутатов СССР избирает на пост Президента СССР Михаила Горбачева. Первым шагом первого Президента СССР стало объявление войны литовской независимости.

15 марта. Внеочередной третий съезд народных депутатов СССР принимает по предложению Горбачева постановление, объявляющее недействительными законодательные акты Верховного Совета Литовской республики, направленные на восстановление независимости. Горбачев направляет Председателю Верховного Совета Литовской республики В.Ландсбергису телеграмму—ультиматум.

Москва, Кремль. 15 марта. 1990 г.

ТЕЛЕГРАММА

Гор. Вильнюс, Верховный Совет Литовской ССР,
Председателю Верховного Совета Литовской ССР
В. Ландсбергису

Направляю постановление внеочередного третьего Съезда народных депутатов СССР, принятое 15 марта 1990 года
В трехдневный срок сообщите о мерах по реализации данного постановления.

Президент СССР М. ГОРБАЧЕВ

17 марта. Верховный Совет Литовской республики назначает Казимеру Прунскене премьер-министром Литовской республики. Заместителями премьер-министра назначаются Альгирдас Бразаускас и Ромуальдас Озолас. ВС Литовской республики образует Постоянные и Временные комиссии, назначает их председателей.

18 марта. М.Горбачев получает ответ от В.Ландсбергиса, в котором решения Съезда народных депутатов СССР отвергаются, как лишенные правовой основы. В.Ландсбергис пишет, что права человека, заботой о которых ВС СССР, в частности, мотивирует непризнание актов о восстановлении независимости Литвы, гарантируются законами Литовской республики. Что касается политических и экономических интересов СССР в Литве, то Ландсбергис предлагает Горбачеву начать переговоры об урегулировании взаимных претензий.

20 марта. Правительство СССР публикует Заявление, в котором подтверждается право собственности СССР на все объекты союзного значения, расположенные на территории Литовской республики. Правительство СССР заявляет, что дало указание министерствам и ведомствам СССР не вступать в переговоры о передаче собственности СССР в руки новых литовских властей, а также сообщает, что распорядилось усилить охрану промышленных объектов, электростанций, средств связи и транспортных узлов на территории Литвы. Заявление выдержано в жестких, бескомпромиссных тонах.

Продолжается формирование комиссий Верховного Совета Литовской республики. Принят ряд постановлений ВС Литовской республики, проводятся назначения на руководящие посты.

21 марта. Президент Горбачев издает новый, еще более грозный указ «О дополнительных мерах по обеспечению прав советских граждан, охране суверенитета СССР на территории Литовской ССР». Прекращена телефонная связь Литвы с внешним миром. Почтовые служащие не скрывают, что связь прервана «по указанию Москвы и по политическим причинам...»

Прекращается иновещание Литовского радио.

На территории Литвы начинаются маневры Советской Армии.

22 марта. Верховный Совет Литовской республики опубликовал «Обращение к народам, правительствам и людям доброй воли всего мира», в котором просит «противодей-

**Председатель Верховного Совета
Литовской Республики
Витаутас ЛАНДСБЕРГИС**

Родился в 1932 г. в Каунасе. Музыковед, кандидат искусствоведения, профессор, в 1955 г. окончил Вильнюсскую консерваторию. С ноября 1988 г. — председатель совета сейма "Саюдиса".

В марте 1989 г. избран народным депутатом СССР, 24 февраля нынешнего года — депутатом Верховного Совета республики.

**Премьер-Министр
Литовской Республики
Казимера-Дануте ПРУНСКЕНЕ**

Родилась в 1943 г. в деревне Василиюшкяй Швенченского р-на. Закончила в 1965 г. Вильнюсский университет. Доктор экономических наук. Член совета сейма "Саюдиса". Депутат Верховного Совета Литовской Республики.

ствовать возможному использованию силы против Литвы».

ВС Литовской республики назначает Прокурором республики Артура Паулаускаса.

23 марта. ТАСС выступил с заявлением о том, что войска КГБ усилят охрану участка границы между Литвой и Польшей, ужесточат контроль за выездом и въездом в Литву иностранцев и провозом туда грузов из-за рубежа.

Министерство внутренних дел СССР издает распоряжение, согласно которому все личное оружие, в том числе и охотничьи ружья, принадлежащие гражданам, проживающим в Литве, должно быть немедленно сдано в органы МВД или милицию.

Колонна танков демонстративно проходит через центр литовской столицы. В небе над Вильнюсом кружат вертолеты.

ВС Литовской республики выступает с заявлением, в котором квалифицирует подобные действия как «продолжение агрессии 1940 г. против Литвы».

24 марта. Демонстрация военной силы продолжается. Опубликован ответ В.Ландсбергиса М.Гобрачеву. Президент Литовской республики разъясняет Президенту СССР, что никакие воинские подразделения в Литве не формируются, а напряжение в Литовской республике вызвано демонстрацией военной силы Советской Армией, подстрекательством разного рода эмиссаров Москвы. В.Ландсбергис пишет: «...мы вооружены одним — верой в нашу правоту, в ценность свободы и демократии».

26 марта. Вооруженные десантники захватили здание Вильнюсской партийной школы.

27 марта. В 7 часов 15 минут утра по местному времени отряд десантников из 40 человек взял под контроль здание ЦК независимой Компартии Литвы. Захвачены также Дом политпросвещения в Вильнюсе и здания горкомов партии в Каунасе и Клайпеде.

В ночь на 27 марта десантники врываются в Ново-Вильнюсскую психиатрическую больницу. Вызванный медперсоналом милиционер жестоко избит. Советские военнослужащие арестовывают 12 литовских юношей, служивших ранее в Советской Армии и покинувших свои подразделения после 11 марта. Юноши находились в больнице под охраной Красного Креста. Той же ночью десантники захватили двух молодых людей, находившихся в Жегждряйской психиатрической больнице. Их обвиняют в дезертирстве, но затем возвращают в больницу ввиду явных симптомов душевного заболевания.

По заявлению Генерального штаба Вооруженных сил СССР(!) всего в Литве захвачено и возвращено в воинские части «двадцать три дезертира литовской национальности».

28 марта. ВС Литовской республики обращается к парламентам и правительствам стран — участниц Хельсинкского процесса с призывом «приложить все усилия для прекращения агрессивных действий со стороны Вооруженных сил СССР, направленных против Литвы».

Захват дезертиров

30 марта. Опубликован закон Литовской республики «О правительстве». Продолжается формирование комиссий ВС и кабинета министров Литовской республики.

Президент ЧСФР Вацлав Гавел направил В.Ландсбергису письмо, в котором выразил беспокойство в связи с «обостряющейся ситуацией в Литве». Гавел призвал СССР и Литву начать политический диалог и предложил «для такого диалога свои услуги и нейтральную территорию».

2 апреля. Президент Литовской республики В.Ландсбергис направил президенту СССР М.Горбачеву телеграмму, в которой выразил

готовность обсудить планы восстановления литовской независимости за столом переговоров. Ландсбергис особо подчеркнул, что руководство Литовской республики не ставит своей целью причинить ущерб Советскому Союзу или политике перестройки.

В Литве создано «Подразделение охраны», подчиненное непосредственно ВС Литовской республики. Министр юстиции Литвы Курис отказывает признать полномочия Антанаса Петраускаса, присланного в Литву и назначенного Москвой прокурором Литвы вместо А.Паулаускаса. Между тем советские военнослужащие силой воспрепятствовали А.Паулаускасу войти в здание прокуратуры.

Десантники рвутся в здание ЦК КП Литвы

Как заявляют работники Прокуратуры Литовской республики, находящийся в Вильнюсе зам.генерального прокурора СССР А.Васильев, ведет себя в прокуратуре не как гость, а как хозяин.

3 апреля. Члены делегации ВС Литовской республики встретились в Москве с членом Политбюро ЦК КПСС и Президентского Совета А.Яковлевым. Встреча носила неофициальный характер.

Практически прекратил работу пограничный пункт на польско-литовской границе. Польша заявила Советскому Союзу официальный протест в связи с закрытием КПП «Огородники» на польско-литовской границе.

Верховный Совет СССР принимает закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Фактически закон лишает союзные республики возможности выйти из состава СССР. Более того, постановлением ВС СССР о введении его в действие, этому закону придается обратная сила. Тем самым Акт о восстановлении независимости Литовской республики от 11 марта 1990 г. объявляется не имеющим юридической силы.

5 апреля. Принят закон «Об удостоверении гражданина Литовской республики», и В.Ландсбергис направляет письмо М.Горбачеву, в котором просит его уточнить позицию Москвы по конкретным вопросам литовско-советских отношений. Ландсбергис в очередной раз предлагает Горбачеву начать переговоры по всем спорным вопросам. Письмо М.Горбачеву направляет и А.Бразаускас, который предлагает генсеку ЦК КПСС начать переговоры по вопросам раздела партийного имущества.

По всей Литве проходят массовые митинги в поддержку независимости. Противники независимости пытаются с помощью военных организовать митинги протеста.

К концу первого месяца независимости ВС Литовской республики принял более 80 законов и постановлений, направленных на утверждение независимости, на создание новых политических и социальных структур. В основном закончено формирование комиссий Верховного Совета и Правительства Литовской республики. Переданы в ведение Литвы, реорганизованы многие правительственные учреждения. Полностью смещено руководство Комитета радио и телевидения. В целом, несмотря на политическое давление Москвы, на травлю в центральной прессе, несмотря на угрозы военных и постоянное присутствие крупных контингентов войск, жизнь в Литве протекает нормально. Работают предприятия, школы, больницы;

Броневики на улице Вильнюса

транспорт и связь функционируют бесперебойно; выходят независимые газеты; не прекращаются передачи радио и телевидения.

13 апреля. Отношения между Москвой и Вильнюсом вступают в новую фазу: за два дня до наступления пасхальных каникул президент М.Горбачев и Председатель Совмина Н.Рыжков направляют в Литву ультиматум, в котором говорится следующее: «... Если в течение двух дней Верховный Совет и Совет Министров Литовской ССР не отменят вышеуказанные решения, то будут даны указания о прекращении поставок в Литовскую ССР из других союзных республик тех видов продукции, которые реализуются на свободном рынке за конвертируемую валюту...» «Вышеуказанные решения» — это акты о восстановлении независимости, а также принятый 5 апреля «Закон об удостоверении гражданина Литовской республики» и постановления о прекращении любой деятельности на территории Литвы, связанной с призывом в Советскую Армию. В первые дни и в самой Литве, и за ее пределами угроза Горбачева воспринималась скорее как попытка усилить политическое давление на руководство Литовской республики. Выступая в тот же день по вильнюсскому телевидению, К.Прунскене обвинила Москву в том, что она проводит в отношении Литвы политику

угроз. В то же время Прунскене заявила: «...не поставляя нам продукцию, Советский Союз не сможет требовать односторонних поставок из Литвы продукции, которую охотно покупают зарубежные государства...». Ультиматум Москвы вызвал серьезную озабоченность в Вашингтоне и практически во всех европейских столицах. О солидарности с Литвой заявил папа римский Иоанн Павел II. Госсекретарь США Д.Бейкер назвал угрозу Горбачева «эскалацией напряженности в политическом конфликте между Литвой и Москвой». Бейкер подчеркнул, что любая экономическая блокада повредит отношениям между США и СССР. Министр иностранных дел Великобритании Хэрд заявил, что «расплатой за применение силы в Литве может стать ухудшение отношений между Востоком и Западом». Премьер-министр Швеции Карлссон призвал советское руководство «проявить ответственность и воздержаться от давления на Литву». Министерство иностранных дел Чехословакии подвергло резкой критике советское руководство за «экономическое давление на Литву, которое напоминает ультимативные действия».

14 апреля. В.Ландсбергис заявил, что ультиматум Москвы равносильен требованию «отрубить самому себе голову». Литва, по его словам, это делать не станет. Президент Литвы категорически отверг возможность отмены принятого 11 марта 1990 г. Акта о восстановлении независимости Литовского государства.

17 апреля. Депутат Александр Абисалас, выступая на заседании Верховного Совета Литвы, заявил, что получил сообщение из Москвы (от Николая Магерьнюка) о том, что поставки природного газа в Литву будут резко сокращены.

18 апреля. К.Прунскене вылетела в Норвегию и другие скандинавские страны с целью заручиться обещанием этих стран поставлять

нефть Литве в случае, если Москва осуществит угрозу блокады.

19 апреля. Министерство нефтяной промышленности СССР сделало следующее заявление: «По распоряжению правительства, 18 апреля в 22.30 по московскому времени остановлена перекачка сырья на Мажейский нефтеперегонный завод». (Мажейский нефтеперегонный завод – крупнейшее предприятие такого рода в Северо-Западном экономическом регионе. Продукция с этого предприятия поступает в Калининградскую область, где расположена крупная база Балтийского флота ВМС СССР, на Украину, в Белоруссию, в Литву и Латвию, а также частично экспортируется (6% общего объема продукции). Регулярные поставки сырой нефти на Мажейский комбинат составляют 35–40 тысяч тонн в сутки.) Как сообщил директор комбината, на 19 апреля запасы сырья составляют 71 тысячу тонн, чего может хватить на 4–5 дней работы. Выступая на пресс-конференции в Москве, представитель МИД Вадим Перфильев заявил, что существенно сокращаются поставки в Литву и природного газа.

Блокада стала реальностью.

20 апреля. Как сообщило Вильнюсское радио, 20 апреля советские солдаты захватили здание типографии ЦК Компартии Литвы. В столкновениях с гражданами несколько человек ранено, в том числе депутат Верховного Совета Литовской республики, народный депутат СССР Зигмас Вайшвила. (В типографии ЦК КП Литвы печатались газеты, поддерживающие курс на независимость Литвы и выступающие против давления Кремля на новое литовское правительство.)

22 апреля. Зам.председателя Совета Министров Литвы Р.Озолас заявил, что Москва готовится к тотальной экономической блокаде Литвы, и, в свою очередь, направил Н.Рыжкову список из более чем 20 наименований товаров, которые Литва больше не сможет поставлять в СССР. В тот же день секретарь ЦК КПСС Андрей Гиренко, выступая в Вильнюсе, отрицал, что советское руководство намерено ввести тотальную блокаду Литвы.

Президент Ландсбергис обратился ко всем странам мира с просьбой помочь Литве противостоять Москве, преодолеть экономическую блокаду.

В интервью радиостанции ВВС маршал Ахромеев заявил, имея в виду события в Литве, что «СССР может применить силу в случае необходимости». М.Горбачев, выступая на митинге в Свердловске, резко осудил руководство Литовской республики за то, что

оно, по его словам, «проявляет авантюризм и спекулирует на демократии».

24 апреля. Верховный Совет Литвы выпустил заявление о том, что поставки сырья в Литву полностью прекращены, ощущается нехватка продовольствия, закрываются предприятия. Заместитель премьер-министра — А.Бразаускас — сообщил, что к концу апреля более 46 предприятий в Литве будут закрыты, и не менее 35 тысяч человек останутся без работы.

Во всех западных столицах, а также в Праге, Варшаве и Будапеште выразили серьезную озабоченность событиями в Литве. Президент США Буш заявил, что в ответ на блокаду Литвы он готов принять против Советского Союза «экономические меры ограниченного масштаба».

Министр иностранных дел Польши Скубишевский выразил недвусмысленную поддержку литовскому руководству, а профобъединение «Солидарность» объявило о создании общественного комитета помощи Литве и призвало население жертвовать деньги, детское питание, одежду в пользу населения Литвы.

Сочувствие целям Литвы в более или менее осторожной форме высказали Маргарет Тэтчер, президент Миттеран, канцлер Коль. Более решительно Литву поддерживали руководители скандинавских стран.

25 апреля. Глава литовского правительства К.Прунскене заявила, что Литва попытается преодолеть экономическую блокаду Москвы путем установления прямых контактов с теми городами и районами СССР, которые возглавляются новоизбранными демократическими советами. Выступая на пресс-конференции в Вильнюсе, К.Прунскене сказала, что она установила контакты с членами таких Советов в Ленинграде и во Львове. По словам Прунскене, в этих двух городах наблюдается нехватка продовольствия и Литва могла бы поставлять им мясо и молоко в обмен на другие товары. Прунскене сказала также, что Литве предстоят большие испытания. К концу месяца, по ее словам, могут потерять работу 35 тысяч человек.

Агентство ТАСС передало, что Верховный Совет Литвы учредил специальную комиссию во главе с Прунскене для разработки мер противодействия блокаде.

Президент Буш заявил, что еще не решил, как ответить на советскую блокаду Литвы. Председатель Верховного Совета Литовской республики В.Ландсбергис подверг критике американского президента за то, что тот не ввел санкции против Москвы. Ландсбергис сказал: «Мы опасаемся, что Америка может нас предать...»

27 апреля. Президент Франции Ф.Миттеран и канцлер ФРГ Г.Коль направили послание В.Ландсбергису с призывом приостановить на время усилия, направленные на укрепление независимости Литвы и начать переговоры с Советским Союзом.

28 апреля. В.Ландсбергис охарактеризовал послание Миттерана и Коля как позитивное и высказал пожелание, чтобы Франция и ФРГ выступили в качестве посредников в конфликте с Москвой. Ландсбергис подчеркнул при этом, что на Акт о восстановлении независимости Литовской республики не может быть наложен мораторий.

30 апреля. К.Прунскене прибыла в Канаду для переговоров с представителями правительства и деловых кругов этой страны. Министр иностранных дел Канады Кларк заявил, что его правительство рассматривает возможность оказать Литве гуманитарную помощь.

2 мая. Сенат США принимает резолюцию, призывающую президента Буша отложить меры по улучшению экономических отношений с Советским Союзом из-за политики Москвы в отношении Литвы. Резолюция предлагает президенту Бушу не вносить на

рассмотрение конгресса Законопроект о предоставлении Советскому Союзу статуса наибольшего благоприятствования в торговле с США до тех пор, пока Москва не прекратит экономическую блокаду Литвы.

Белый дом заявляет, что президент Буш примет К.Прунскене как «избранного представителя литовского народа, но не как главу правительства».

3 мая. К.Прунскене встречается с президентом США Дж.Бушем. После 40-минутной встречи, Прунскене сообщает журналистам, что она проинформировала Буша о ситуации в Литве, о надеждах литовского народа, о планах построения независимого литовского государства. Прунскене сообщает также, что она обратилась к президенту с просьбой официально признать независимую Литовскую республику. По ее словам, Буш не дал конкретного ответа на эту просьбу.

Перед встречей с Прунскене президент Буш заявил, что Соединенные Штаты не могут быть посредниками в конфликте между Москвой и Вильнюсом. Об отказе от посредничества заявляют правительства Франции и Западной Германии.

5 мая. Заместитель премьер-министра А.Бразаскас заявил, что через десять-пятнадцать дней запасы энергетического сырья в Литве будут израсходованы.

9 мая. К.Прунскене встречается в Лондоне с премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер. После встречи, продолжавшейся 80 минут, Прунскене заявляет журналистам, что она и М.Тэтчер достигли взаимопонимания «относительно путей решения литовской проблемы в будущем». Глава литовского правительства встречается

с лидером оппозиции Н.Киннокком. Из британских источников стало известно, что К.Прунскене обратилась к М.Тэтчер с просьбой признать независимую Литовскую республику. В свою очередь М.Тэтчер призвала литовское руководство проявить сдержанность и начать диалог с Москвой.

10 мая. К.Прунскене встречается в Париже с президентом Франции Ф.Миттераном.

11 мая. К.Прунскене встречается в Бонне с канцлером ФРГ Г.Колем.

13 мая. По дороге в Вильнюс К.Прунскене останавливается в Москве. Выступая здесь перед журналистами, Прунскене заявляет, что в ходе зарубежной поездки она добилась фактического признания независимой Литвы западными правительствами.

Прунскене сообщает журналистам, что намерена добиться встречи с М.Горбачевым.

У нового руководства Литовской республики, у литовского народа, у всех граждан республики впереди много проблем, много тревог, много разочарований. Однако Литва сегодня демонстрирует столь сильную волю, столь высокое мужество, столь ясное сознание национальной цели, что можно не сомневаться и в другом – битва за независимость будет продолжаться. ●

«НА СМЕНУ ЗАВИСИМОСТИ ДОЛЖНО ПРИДТИ СОТРУДНИЧЕСТВО»

Интервью с Казимерой Прунскене

В политическом плане процесс отделения Литвы от СССР идет довольно успешно. Что касается экономической независимости, то многие считают, что добиться ее Литва либо вообще не сумеет, либо на это уйдут годы. Что вы можете сказать по этому поводу?

Те, кто говорит, будто Литва вообще не сумеет добиться экономической независимости, как видно, подразумевают под экономической самостоятельностью полное самообеспечение, что-то вроде перехода к натуральному хозяйству. Эти люди забывают, что существует как внутренний товарообмен (внутри СССР), так и внешняя торговля. Сам факт приобретения сырья и товаров в России или в других республиках СССР еще не означает экономической зависимости. В наше время страна, поставляющая сырье, вовсе не ставит в зависимость страну, его приобретающую. Скорее происходит обратное – тот, кто производит конечный результат, оказывается в более выгодном положении...

Да, сейчас мы сильно зависим от СССР прежде всего из-за отсутствия между нашими странами нормальных экономических связей, что, само по себе, – результат политической зависимости, результат прямого диктата. То, что мы сегодня производим, нас обязывают производить. Более того, мы обязаны производить и поставлять продукцию не в силу какого-то договора, пусть неравноправного, но в соответствии с единым, общесоюзным планом производства товаров и распределения ресурсов. А для плановиков из Москвы мы, как отдельная страна, просто не существуем.

Восстановление нашей государственности меняет отношения с Москвой и в области экономических связей. Мы будем заключать двусторонние договоры. Мы нуждаемся в сырье, топливе, изделиях из металла, отчасти – в древесине и изделиях из нее. Мы намерены вести переговоры с Москвой, чтобы обеспечить поступление в Литву необходимого сырья и материалов и чтобы наши товары и изделия экспортировались в СССР на более выгодных, чем в прошлом, условиях. Я уверена, что если советские руководители будут руководствоваться не имперскими амбициями, а трезвым экономическим расчетом, то они быстро убедятся, что и Москве выгодны те условия товарообмена, которые мы предлагаем. Им выгодно получать от нас мясо, молочные продукты и другие продукты питания, а также высококачественный цемент, электронику и прочее. Мы и раньше все это поставляли в Советский Союз, но нас к этому вынуждали, причем, в Москве при этом утверждали, что нам «дают» электроэнергию, нефть и газ. Что касается электроэнергии, то, во-первых, электростанции, в том числе Игналинская атомная, расположены на нашей территории, и они нам очень дорого стоят, если иметь в виду экологию и необходимость принимать и устраивать тысячи людей, которых к нам завозят, не считаясь с нашими собственными социальными нуждами.

Во-вторых, у нас много торфа и нефтепродуктов, причем, все это, в том числе вырабатываемая в Литве электроэнергия, поступает не только к нам, но и в Калининградскую область, Белоруссию и т.д. Так что всем нам выгоднее не спорить о том, кто от кого больше зависит, а пытаться рациональнее использовать производственные мощности, в частности, Мажейкского нефтеперерабатывающего комбината. От этого выиграют все. Главное состоит в том, что обе стороны – Литва и СССР – могут многое предложить друг другу, и если они сядут за стол переговоров как равные партнеры и будут руководствоваться взаимной выгодой, то, я уверена, от этого все только выиграют. Тогда экономическая зависимость перерастет в экономическое сотрудничество, к чему мы и стремимся.

Но мы не хотим, чтобы даже равноправное экономическое сотрудничество с Москвой сковывало наши экономические связи со странами Восточной Европы – Польшей, Венгрией, Чехословакией и другими странами. Мы знаем, что и в этих странах проявляют интерес к сотрудничеству с нами.

Есть ли у вас контакты с этими странами?

Политические контакты – да. В области экономики мы лишь пытаемся их наладить.

Какими видятся вам контакты со странами Восточной Европы в области экономики?

Мне представляется, что предпочтительнее трехсторонние связи, например, по формуле: Россия–Литва–Венгрия или Украина–Литва–Польша. При этом звенья в цепи: «добыча сырья – переработка – конечный продукт» не должны быть жестко закреплены за той или иной страной. Можно развивать совместное производство, кооперироваться в вопросах сбыта. Можно даже сотрудничать по части добычи и переработки сырья.

Здесь возникает очень важная проблема: нам необходимо модернизировать промышленность. К примеру, у нас развито машиностроение и электронная промышленность. Но мы отстаем от Запада в области технологии лет на семь, быть может, на десять. Это очень опасно, ибо сейчас на советский рынок проникают западные фирмы, и мы рискуем остаться без этого важного для нас рынка. Мы должны, не теряя времени, наверстать упущенное. Для этого необходимо наладить сотрудничество, партнерство с западными фирмами. Мы рассчитываем продать западным фирмам и предпринимателям частично, а в некоторых случаях и полностью наши промышленные предприятия. Мы будем обеспечивать такие предприятия рабочей силой, сырьем, энергией. Наши партнеры должны дать высокую технологию. Прибыли будем делить пропорционально вложениям.

Вы думаете, западные фирмы заинтересованы в сотрудничестве с вами?

Да, многие фирмы западных стран проявляют интерес к сотрудничеству с нами. У нас просто наплыв визитеров, звонки раздаются днем и ночью... Мы получаем много предложений начать переговоры, причем, не только на уровне коммерческих фирм, но и на уровне пра-

вительственных организаций. В мае планируем провести конференцию по проблемам экономического сотрудничества в Каунасе. На этой конференции будут сформированы специальные группы, которые займутся разработкой стратегических, что ли, планов сотрудничества. Затем эти планы должны быть перенесены на практический уровень, то есть вылиться в конкретные коммерческие сделки.

И все же пока проявляемый к нам интерес не идет дальше предварительной разведки, зондажа, изучения наших возможностей и потребностей. Потенциальные партнеры открывают у нас представительства, нанимают сотрудников, но не вкладывают или почти не вкладывают капиталы. Прежде всего их интересует степень нашей самостоятельности, то, насколько мы фактически контролируем нашу экономику и общее положение дел в республике. Я думаю, что серьезные инвестиции в нашу экономику невозможны до тех пор, пока мы не возьмем в руки и не начнем в полной мере осуществлять контроль над всеми сторонами нашей жизни.

Второе – это успех экономической реформы. Одно дело, если западные фирмы будут считать, что у нас такая же плановая, централизованная экономика, как и в СССР. В этом случае желающих вкладывать капиталы в Литве найдется немного. Совсем другое, когда потенциальные инвесторы будут уверены, что наша экономика – это экономика свободного рынка. В этом направлении мы и должны работать, хотя ясно, что провести реформы в один день не удастся, тем более, что мы хотим перестроить экономику в контексте общегосударственного строительства, закрепить экономические реформы законами страны, принятыми высшим органом власти Литвы.

Наконец, третья проблема, мешающая развитию сотрудничества с западными фирмами, – отсутствие развитой инфраструктуры. Пока не будут безупречно работать связь, транспорт, банки и пр., трудно говорить о сколько-нибудь широком экономическом сотрудничестве с Западом.

Я слышал, что когда вы были в США, то договорились о печатании там национальных денежных знаков?

Нет, я только изучала этот вопрос. Я думаю, мы скоро займемся этой проблемой вплотную. Мы пригласили из Австралии эксперта по технологии производства денежных знаков. Уже существует четыре варианта национальных банкнот и монет. Нам предстоит сделать выбор и разместить заказ на изготовление денежных знаков в одной из стран – в США, во Франции или в ФРГ. Наша денежная единица будет называться литас – так она называлась в годы независимости, и для нас совершенно естественно сохранить это название. Но рисунок на банкноте будет другой.

Будет ли литас конвертируемой валютой?

Это не так просто. Устойчивость национальной валюты находится в прямой зависимости от состояния экономики и финансов. К конвертируемой валюте мы можем прийти через «конвертируемость» товаров, услуг, труда, через оздоровление и укрепление нашей экономики. На это потребуется несколько лет. А пока что мы будем обменивать рубль на литас в соотношении один к одному. Но литас, тем не менее, будет иметь другой вес, нежели рубль. Дело в том, что одновременно с обменом денег мы будем осуществлять приватизацию нашей экономики. Наш литас сразу же получит реальное обеспечение – имущество Литовской республики.

Что вы имеете в виду?

На литас можно будет купить акции государственных предприятий, целые фабрики, квартиры, участки земли и т.д. Мы пустим в коммерческий оборот имущество, которое лежало мертвым грузом. Так что, если кто-то на Западе будет иметь литасы, он может на них купить или снять в аренду помещения, участок земли, акции и все остальное. За рубли у нас нельзя будет купить ничего, в ходу будут только литасы и конвертируемая западная валюта. Это сразу поднимет курс литаса по отношению к рублю, но еще не сделает его свободно конвертируемым. Не следует забывать, что денежная реформа является только частью

широкой комплексной экономической реформы. От успеха экономической реформы в целом будет зависеть и то, как скоро литас станет конвертируемым. Здесь очень важно доверие к нашей валюте как со стороны населения, так и со стороны западных партнеров.

Важно и другое. После восстановления независимости Литвы, Советский Союз чуть ли не в тот же день предъявил нам имущественные претензии. Размер нашего «долга», по утверждению Москвы, равен стоимости всего имущества Литвы. Такую цифру назвал пресс-секретарь президента Горбачева Аркадий Масленников. Это абсурд. Выходит, что все годы советской оккупации мы не работали, ничего не производили, а только и делали, что все получали из СССР! Но нас не смущают эти претензии. Мы понимаем, что взаимные претензии существуют, но выдвигать их, равно как и обсуждать, нужно за столом переговоров. Когда дело дойдет до переговоров, я уверена, мы придем к согласию по этим вопросам.

Что вы думаете об экономической интеграции вашей страны в Европейском сообществе?

Такая интеграция очень желательна, даже, я бы сказала, необходима нам. Независимая Литва имела тесные экономические связи с европейскими государствами: с Германией, с Англией, с Бельгией, Данией... Но все это в прошлом. Теперь нам надо начинать все с начала.

Как практически представляется вам сотрудничество с Европейским сообществом?

Мне кажется, нам необходимо действовать в трех направлениях. Прежде всего мы хотели бы получить помощь. Помощь в становлении институтов свободного рынка. Конкретно, это в первую очередь подготовка кадров, обучение наших людей маркетингу, банковским операциям, управлению современными предприятиями и многому другому, без чего невозможно строить современную рыночную экономику. Второе – помощь в развитии инфраструктур. Но мы не ищем «бесплатных пирожных». Мы хотим, чтобы нам оказали помощь как потенциальным партнерам. Это, мне кажется, будет выгодно и тем, кто нам поможет, – ведь они как бы подготовят себе партнера для совместной деятельности!

Второе направление – это одновременно и помощь, и коммерческая деятельность – это разработка и реализация крупных дорогостоящих проектов в области экологии и медицины. Не мы виноваты в том, что у нас тяжелейшие проблемы с загрязнением атмосферы, рек, Балтийского моря. Все это следствие советской плановой экономики... Но как бы там ни было, нам нужно приложить максимум усилий, чтобы изменить положение дел. Одни мы не в состоянии решить экологические проблемы. Это вообще проблемы общие для всех стран Европы, кто бы ни был виноват в их возникновении. Нужно разработать проекты очистки вод Немана, Куржского залива, Балтийского моря. Это, с одной стороны, грандиозные проекты, с другой, – в их реализации кровно заинтересованы наши европейские соседи, в-третьих, – это и важнейшие сферы совместной экономической деятельности, сферы приложения крупных капиталов.

Аналогичное положение сложилось в области здравоохранения. С одной стороны, у нас серьезнейшие проблемы и огромное отставание в качестве и ассортименте медикаментов и медицинского оборудования, в подготовке кадров. С другой стороны, – это проблемы международного характера. Успешно бороться с болезнями можно только совместными силами...

Третье и главное направление – совместная коммерческая деятельность, поиск возможностей для взаимовыгодных сделок с той или иной страной в области производства, продажи, сервиса, туризма и т.д. Разработка и реализация совместных проектов на чисто деловой, взаимовыгодной основе. В любой области экономики, на любом уровне – от мелкого предприятия до правительства – мы открыты для партнеров, для делового сотрудничества.

Наша конечная цель – создание здоровой рыночной экономики, конвертируемая валюта, выход на мировые рынки, равноправные и взаимовыгодные отношения со всеми странами. В этом мы видим экономическое будущее независимой Литвы. ●

Интервью у К.Прунсене взял в Вильнюсе специальный корреспондент «Страны и мира» Флеминг Розе.

15 марта 1990 г.

НАЧАЛО КОНЦА

История вынесла свой вердикт империям. Древним — очень давно, колониальным — недавно, другим — только что.

А.Н.Яковлев. член Политбюро ЦК КПСС. Выступление 23 апреля 1990 г. в Кишиневе.

Одиннадцатое марта, несомненно, войдет в число важнейших дат мировой истории, как день, когда начался распад последней империи на Земле — советской. Первой из ее состава вышла Литва. Была, правда, январская попытка бегства из Союза Нахичеванской автономии, но она кончилась ничем и прошла незамеченной миром.

Вот уже несколько месяцев Литва не сходит с первых страниц газет. Ее решительный шаг резко ускорил политическое развитие в соседних республиках, и за Литвой фактически последовали Латвия и Эстония. Они, правда, попытались придать своему уходу более примирительную форму, но М.Горбачев не был этим обманут: о том достаточно ясно говорит его резкая реакция.

Сейчас, когда пишутся эти строки, — Литва в блокаде. В любой момент блокада может распространиться и на соседние республики. Инициатор блокады — Президент СССР. Его ответом на решение Литвы стала не только блокада, но и закон о порядке выхода из СССР, принятый 3 апреля, которому немедленно была придана обратная сила — как известному хрущевскому закону о введении смертной казни за валютные операции (других прецедентов вроде бы и не припомнишь). Закон этот немедленно получил в народе саркастическое название: «Закон о невыходе».

Что ж, теперь Президенту нельзя пожаловаться на то, что у него связаны руки и он не может противиться «правым». Руки ему Верховный Совет развязал, и стало ясно, что правый — это он сам. Нет, он не «ушел» вправо. Просто он настолько прочно укренился на своей «центристской» позиции, что не заметил, как вся страна сдвинулась далеко влево, и он уже давно не в центре.

Президент забыл, что еще в октябре прошлого года Верховный Совет СССР осудил блокаду Армении, установленную Азербайджаном, и вынес в этой связи совершенно определенное решение: «Верховный Совет СССР осуждает применение незаконных насильственных методов и действий при решении вопросов социально-экономической и политической жизни страны». Под этими словами стоит подпись М.Горбачева.

Теперь решение Верховного Совета нарушает открыто сам Президент.

Более того: Президент не признает Декларацию о независимости Литвы и считает, следовательно, население Литвы советскими гражданами. Значит, Президент установил блокаду *своего собственного* — с его точки зрения — народа, прекратив подачу нефти и газа, сократив ввоз угля, промышленного сырья, ряда продуктов питания и даже медикаментов. Беспрецедентный шаг! Может быть, Президенту стоит применить этот столь удачно найденный способ и для решения других наболевших вопросов? Например, растущее социальное недовольство всех слоев населения можно попробовать остановить, пригрозив прекращением добычи нефти по всей стране. Чем не метод?

Что ж, допустим — хотя в это трудно поверить, — что блокадным удушением Горбачев сломает мятежную республику. Что он получит в результате — вновь завоеванную, вторично оккупированную Литву, которая ничего уже не сможет простить? Понимает ли Президент, какие новые гроздыя гнева будут зреть в его и без того немирном винограднике?

Но ничего этого не будет. Слово сказано. Первый шаг сделан, и теперь уже распад империи неостановим. Можно лишь спорить о хронологии распада.

Горбачев — как и во всем прочем — опоздал. Еще два года назад решительно проведенная реформа Союза, заключение нового Союзного договора, как это предлагали А.Сахаров и другие, могли бы спасти конфедерацию. Теперь невозможно даже это. Единственное, о чем нужно сейчас думать: не опоздать еще раз, отпустить республики, добывающие независимости, как можно быстрее и как можно более мирно — пока не начала литься кровь. Сегодня бескровное решение *еще возможно*. Но кто может поручиться за завтра? Закавказье уже показало, чего может стоить безответственное затягивание решений назревших вопросов в попытке сохранить status quo.

В этой связи нельзя не сказать и о позиции Запада. Нет, мы не будем сейчас говорить о морали. В конце концов, Буш — президент США, Миттеран — Франции, Тэтчер и Коль возглавляют британское и германское правительства, и они обязаны думать об интересах *своих* народов, а не народов Литвы и СССР. Это понятно. Политика есть политика.

Вряд ли, как думают многие в Советском Союзе, линия Запада в отношении балтийской независимости определяется безудержной «горбиманией». Дело проще: именно понимая, что акции Горбачева внутри страны

падают, Запад старается сохранить его у власти как можно дольше, чтобы успеть урвать от него как можно больше: вывод войск из Восточной Европы, разоружение, объединение Германии... Кто там знает, кто придет Горбачеву на смену!

Вроде бы логично, но в действительности три важных обстоятельства не принимаются во внимание.

Первое. Горбачев стал Горбачевым тогда, когда он стал лидером реформ в Советском Союзе. Пока он шел впереди событий, был высок и его авторитет внутри страны. Но Горбачев забыл глубокую мудрость слов Герцена: «Мы с Освободителем – пока он освобождает». Перестав освобождать, Горбачев начал терять под ногами почву. Единственный способ помочь сохранить Горбачеву не только почетный титул, но и реальную власть – если это еще вообще возможно – это помочь ему радикализироваться, помочь идти вровень с идущими в стране естественными процессами (а распад империи – один из таких процессов). А Горбачев нужен Западу не на несколько дней, а надолго – чтобы обеспечить не только подписание, но и выполнение далеко идущих договоров.

Второе. «Уступки», которые делает Горбачев во внешней политике, например, в Восточной Европе или в вопросе воссоединения Германии – это не плата за «хорошее поведение» Запада. Он просто не в состоянии удержаться еще и «внешнюю империю» – дай Бог справиться с империей «внутренней». Твердость Запада в вопросе о Прибалтике не может вызвать поворота политики Горбачева в Европе – он уже не контролирует события в этом регионе.

Третье. Интересы Запада не ограничиваются решением локальных вопросов – даже таких масштабных, как объединение Германии или присутствие советских войск на востоке Европы. То, что случится в самом Союзе, – тоже небезразлично для Запада. Если в СССР произойдет крупномасштабный национальный взрыв – осколки его поразят окружающую ойкумену посильнее черныбыльско-го.

Вот почему в интересах Запада – не дать Горбачеву завинчивать крышку имперского парового котла, уже давно готового взорваться. Спустить пар еще не поздно, еще можно избежать катастрофы или хотя бы уменьшить ее размеры.

Пусть в Европейский дом мирно войдут независимые балтийские страны, пусть войдет и свободная Россия, в союзе с которой будут только те суверенные республики, которые добровольно пожелают такой союз заключить. ●

Кронид Любарский

«ДВУХМИНУТКИ НЕНАВИСТИ»

В апреле несколько дней включал программу «Время» – как там в Литве?

Митинг в Вильнюсе с бранью, угрозами и призывами немедленно ввести президентское правление. Симпатии комментатора явно на стороне митингующих. Депутат Алкснис с трибуны обещает донести требование народа до Горбачева. В студии – беседа с комсомольцами, только что встречавшимися с Михаилом Сергеевичем, дабы выразить ему свою озабоченность попранием прав русскоязычного населения. (Этой чести – встречи с президентом – вот уже много дней тщетно добиваются народные депутаты СССР из Литвы и представители литовского правительства; на них у президента не хватает времени.) Литовские колхозники, как бы нечаянно застигнутые репортером на ферме, не одобряют политику республиканского руководства и вообще не понимают, чего хочет этот «Саудис»...

В другой раз программу ведет Владимир Молчанов, известный по передаче «До и после полуночи». Симпатичный, располагающий к доверию. Может быть, он привнесет в разговор о Литве миролюбие? Увы! Снова шумное антилитовское собрание. Снова на экране Алкснис: вольготно расположившись за рабочим столом, вешает на весь Союз, что в Литве нынче террор, у членов КПСС обрезают телефоны (если вспомнить, что так делали в Сумгаите с армянами накануне погромов – представляете, что можно вообразить?), что люди запуганы и боятся высказывать свое мнение. В подтверждение этих его слов – сенсационное сообщение диктора: в Литве возродили сталинскую 58-ю! Судят за антигосударственную деятельность и дают до 10 лет! Репортер терзает литовского партия: здание, в котором вы сидите, – оно принадлежит Литве или КПСС? Литве, сдержано отвечает партиец, ибо построенно задолго до войны, еще до вас... А вот и нет! Здание это – на балансе КПСС! Зачитывают чье-то грозное предостережение (без подписи); некоторые народные депутаты СССР и РСФСР поддерживают новое литовское правительство, не отдавая себе отчета, чем это может кончиться (для Литвы? для самих депутатов?..).

На третий день перед камерой Евгений Киселев, тоже достаточно симпатичный. Излагает ответ Верховного Совета Литвы на обращение Горбачева, с ремарками (не своими, разумеется), сразу дающими понять, что верить литовцам было бы наивно. Репортаж: «Утро этого дня для некоторых предприятий города Вильнюса началось с предупредительных забастовок» (фоном идет вопль оратора

о «государственном перевороте», будто бы совершившимся в Литве). Правда, уточняется, что бастует только «небольшая часть рабочих заводов», но их, конечно, поддерживает большинство – просто «столь острая форма политической борьбы сегодня по душе не каждому». Первый зам.министра обороны Кочетов обещает вопреки всем трудностям «организованный призыв на службу наших юношей» в Литве. Во весь экран повестка в прокуратуру – «такие сотнями рассылаются жителям Литвы, несогласным с курсом на конфронтацию». Объявление: депутатская группа «Союз» взяла на себя защиту прав литовских граждан. Пресс-конференция группы, за столом – Алкснис и Коган. Отдельно интервью с Алкснисом. На вопрос, каким он видит выход из кризиса, следует ответ: путь только один – это введение прямого президентского правления...

Вот такая крошечная «информация». Ни единого просвета. «Каких-нибудь тридцать секунд – и притворяться тебе уже не надо» (Дж.Орвелл, «1984»). А дальше, как известно, – «гнусные корчи страха и мстительности, иступленное желание убивать, терзать, крушить лица молотом» (или, к примеру, саперными лопатками – на выбор).

Какое-то время Центральное телевидение старалось соблюсти видимость объективности, давая высказаться обеим сторонам (именно видимость: у всесоюзного зрителя не должно было остаться сомнений, что в Литве действительно произошел «переворот» и что новая власть крайне непопулярна в народе). А потом в эфир пошли «двухминутки ненависти». Конечно, кампания эта направляется всевластной и жесткой рукой и неучастие в ней грозит неприятностями. Но не такими уж!.. Не научились еще люди класть на чашки весов наказание и возмездие, хоть и имеют богатый опыт по части последнего.

Когда в те дни прорвался в эфир депутат Иванов, небезызвестный Г.Боровик долго и пространно рассуждал по «Времени», как это опасно – бросать в ночь на субботу разгоряченным в подпитии людям необдуманные слова... Я не слышал выступления Иванова и, честно говоря, мало им интересуюсь. Но лучше бы Боровику обратить внимание на другую опасность их «ящика», на каждодневное санкционированное преступление, которого и он сам соучастник.

Сегодня более или менее понятен не только, скажем, механизм «законотворчества» в стране, но и механизмы, приведшие к резне в Сумгаите и в Тбилиси. Сначала казалось, что для Горбачева история с Литвой – лишь «игра нервов». Но ведь каждый из тех, кто эту «игру» обслуживал, не мог не чувствовать, что все мы сегодня сидим на пороховой бочке. Многие из них наверняка от-

крывали Орвелла, и, конечно, все слышали о подобных пропагандистских кампаниях 30-х и 40-х, сопровождавшихся реками крови. Не стоит утешать себя, что Литва – не Карабах, а славяне – не азербайджанцы; в эпохи всеобщего остервенения социальное самочувствие народов уравнивает их внутренние потенции. В один далеко не прекрасный день мы можем очнуться и увидеть, что за полвека нисколько не переменились и продолжаем жить все в такой же страшной, преступной стране по прежним безумным законам.

Во всем этом есть еще одна деталь, скорее всего не «просчитанная». Со стороны отчетливо видно, что на антилитовские сборища собирались люди, так сказать, «особой группы крови». Не потому, естественно, что они русские, белорусы, украинцы; я, например, русский, тоже хлебнул лиха (и теперь хлебаю), но этим, которых изо дня в день показывают на экране злобно орущими – не сочувствую. Отвращает их самоуверенное, ничем не ограниченное плотское начало. Не могу проникнуться состраданием вот к этой толстухе с перекошенным ртом и заплывшими глазами-щелками, которую будто бы преследуют на работе за то, что она «русскоязычная». Что хотите со мной делайте, не могу. Кучкование в Прибалтике с самого начала шло не по национальным, а скорей уж по социально-биологическим признакам (иначе как объяснить, почему и в народных фронтах так много русских?). Теперь, кажется, все духовное там – с прибалтами, а все варварское, грубое, грязное – в «интерфронтах». Это не мое предубеждение, просто такой уж телевидение выстраивает (помимо своего желания) изобразительный ряд, оказывая тем самым плохую услугу и русским, и украинцам, и белорусам, ибо нации эти невольно отождествляются зрителем с образами далеко не лучших представителей. По убеждению работников телевидения, камера способна «раздевать» людей; она делала это, надо признать, вполне безжалостно. Ненависть, бесспорно, возбуждается, но к кому – это еще нужно посмотреть.

Я не пытаюсь решать здесь проблемы, связанные с выходом Литвы из СССР. Права меньшинства (в том числе русскоязычного), бесспорно, должны быть защищены, но чистыми руками. Положа руку на сердце: верите ли вы, что Алкснис с Коганом – правозащитники? Как-то очень мало подходит к ним это освященное иными именами слово. Как-то не вяжется оно с призывами к насилию над целыми народами, с раздуванием в Прибалтике большого Тбилиси, помноженного на гигантский Сумгаит.

И еще один вопрос: где, по-вашему, выше социальная защищенность русских – в

Вильнюсе или в Москве? Прошел недавно слух, будто объявились беженцы из Литвы. Когда одно официальное лицо заикнулось об этом на пресс-конференции в редакции «Литературной газеты», его приперли к стенке прямым вопросом, и лицу пришлось признаться: точных данных у него нет, но, кажется, кто-то оттуда действительно приезжал — разузнать на всякий случай, как тут, в России, русским живется. Огляделся — и умотал поскорее к себе домой, в Литву. ●

Сергей Яковлев (Москва)
Помещено в самиздатском
журнале «Реферendum»

В МОСКВЕ СНОВА ЗАДУМАЛИСЬ

Западные правительства сильно встревожены литовским кризисом. Они не столько боятся за судьбу маленькой прибалтийской республики, сколько опасаются, что кризис может испортить отношения между Востоком и Западом. Однако гораздо более важным является воздействие литовской проблемы на внутреннее положение в самом Советском Союзе.

В этом отношении, разразившийся вокруг Литвы кризис зловеще напоминает чехословацкие события 1968 г. Когда войска Варшавского пакта вторглись в Чехословакию для защиты «необратимых завоеваний социализма» — то есть советского господства в Восточной Европе, — общественное мнение Запада было возмущено, и президент Линдон Джонсон отменил свой планировавшийся визит в Москву.

Но подавление независимости Чехословакии не отвлекло западные правительства от их стремления добиться заключения договора о контроле над вооружениями и других соглашений с Советским Союзом. Как сказал тогдашний французский премьер-министр Мишель Дебре, оккупация Чехословакии была всего лишь «дорожным происшествием на пути к разрядке».

В Советском Союзе, однако, чехословацкий кризис имел далеко идущие последствия. В это время в Москве готовилась реформа экономической системы. Но события в Чехословакии были использованы ортодоксальными элементами в советском руководстве как доказательство опасных политических последствий экономической реформы. Ортодоксы победили, реформы были отложены в долгий ящик и наступили лишь спустя два десятилетия брежневского зстоя.

Сегодня Москва смирилась с обратной стороной «необратимого» в Восточной Европе.

Но в Литве поставлено на карту нечто гораздо более важное. Отделение прибалтийских республик приведет к пересмотру результатов полтавской битвы, где Петр Великий, разбив армию Карла XII, распространил свои владения до берегов Балтийского моря. Одно дело пожертвовать «завоеваниями социализма», и совсем другое — отказаться от части петровской империи. Крутые меры президента Михаила Горбачева как раз и имеют целью утвердить советский суверенитет над Литвой.

Реакция Запада следовала знакомой схемой. С одной стороны, выражение величайшей симпатии и моральной поддержки литовскому делу; с другой — правительства тщательно избегали каких-либо шагов, которые могли бы помешать переговорам между Востоком и Западом о воссоединении Германии и о сокращении обычных вооружений. Как указывал швейцарский министр иностранных дел Рене Феллбер, было бы безответственно дать литовцам повод думать, что Запад сможет помочь им добиться независимости.

Но, возможно, что теперь уже поздно, — литовцы упорно игнорируют здравый смысл Макиавелли: не полагаться на далеких друзей в борьбе с врагом, который находится под боком.

С точки зрения отношений между Востоком и Западом, литовский кризис — всего лишь еще одно дорожное происшествие, и пока не пролилась кровь, его еще можно избежать умелым маневрированием. Но с точки зрения борьбы за власть, которая происходит сейчас в Советском Союзе, необходимо вновь поставить решающий вопрос о политических последствиях экономической реформы: совместим ли переход на рыночную экономику и многопартийную систему с сохранением многонациональной империи? Если нет, то чем придется пожертвовать?

Горбачев, несомненно, будет стараться сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Симптоматично, что программа радикальных экономических реформ, подготовленная главным экономистом Горбачева — Леонидом Абалкиным и его командой, вновь столкнулась с серьезными трудностями.

Горбачев, видимо, движется вперед с большой неохотой. Очевидно, что оппозиция нарастает. Следующие месяцы окажутся решающими. Дело не в том, останется или нет у власти советский президент, а в том, каким путем он пойдет. ●

Макс Яковсон, финский дипломат и политик, бывший посол Финляндии в Организации Объединенных Наций (Хельсинки)

Материалы о Литве подготовил Э.Финкельштейн

ЯЛТА И ЕЕ МИФЫ

Н адо полагать, я один из немногих ныне здравствующих участников Ялтинской конференции, в ходе которой мне пришлось непосредственно заниматься германскими и польскими проблемами. Я – свидетель Ялты и ее мифов, первый из которых в самом названии «Ялтинская конференция». Дело в том, что Рузвельт и Черчилль не хотели встречаться в Ялте и приложили немало усилий, чтобы убедить Сталина провести встречу на Западе, но Сталин все же настоял на Ялте как на месте проведения встречи. По утверждению Черчилля, трудно было найти более неподходящее место для этого, но, тем не менее, он уступил, направив предварительно телеграмму Рузвельту: «Ялта, так Ялта. Но сначала нам надо встретиться на Мальте. Любые неувязки между нами нежелательны». Рузвельт всеми силами старался избежать малейшего подозрения в существовании некоего «англосаксонского сговора». Тем не менее Черчиллю удалось, хоть и не без труда, убедить его в необходимости провести встречу на Мальте для согласования позиций западных союзников. Там я и увидел впервые американского президента, отмеченного неизлечимой болезнью, которая через несколько недель после встречи свела его в могилу.

Итак, мы прилетели в Симферополь, а затем последовал 100-километровый «автопробег» через горные перевалы к Крымской Ривьере. Прибыв на место, мы убедились, что немцы оставили после себя выжженную землю и пригодных для жилья домов явно не хватало. Участников конференции разместили в различных зданиях на значительном

Ялта, год девяностый Европа в поисках будущего Единая Германия: за и против Досье

расстоянии друг от друга, и только самые высокопоставленные из них могли встречаться друг с другом помимо заседаний.

Общие заседания проводились в старинном царском дворце «Ливадия», который одновременно служил резиденцией Рузвельту. Черчилль поселился километрах в двадцати от «Ливадии», в Воронцовском дворце, летней резиденции царского посланника в Лондоне. Более мелкие чиновники из британской делегации нашли приют в зданиях, разбросанных вдоль дороги на Балаклаву и Севастополь, и жили там в спартанских условиях. На севастопольском рейде стоял британский военный корабль, служивший штаб-квартирой и узлом связи нашей делегации. Такие условия, естественно, делали практически невозможным неформальный обмен мнениями, который обычно весьма облегчает официальные дискуссии на международных конференциях. А поскольку там, по понятным причинам, не было представителей международной прессы, то ситуация «вокруг встречи» целиком и полностью контролировалась советской стороной. Все это и привело к рождению множества мифов, связанных с Ялтинской встречей.

Главный миф сводится к тому, что Черчилль и Рузвельт, якобы, были легко обмануты Сталиным, не в последнюю очередь из-за болезненного состояния Рузвельта. В действительности же американский президент руководил ходом всей конференции с непрекращаемым авторитетом и добился именно тех результатов, достичь которых он заранее планировал.

Другой миф представляет собой попытку выдать Ялтинскую встречу за некий мирный договор, подводящий черту итогам Второй мировой войны и представляющий собой новый раздел Европы – что-то на манер Венского или Версальского мирных договоров. В действительности же речь шла

лишь об очередном звене в длинной цепи трехсторонних встреч, проводившихся порой на уровне министров иностранных дел, порой на высшем уровне, как это было в Тегеране в 1943 г., в Москве в 1944 г., в Ялте и Потсдаме в 1945 г.

Наиболее опасный, но далекий от действительности миф заключается в представлении, будто на Ялтинской встрече Большая Тройка расчертила карту Европы какими-то невидимыми линиями, поделив континент на сферы влияния. На самом деле в Ялте были всего лишь зафиксированы реальности того времени, первой и главной из которых был факт освобождения и одновременной оккупации Восточной Европы частями Красной Армии, включая всю территорию Польши.

В 1956 г., после подавления венгерского народного восстания, маршал Тито в беседе со мной заметил, что если мы и имеем возможность свободно обсуждать эту проблему, то только потому, что Югославия была освобождена своими собственными вооруженными силами, а части Советской Армии, участвовавшие в ее освобождении, были незамедлительно выведены в Венгрию. Аналогичным образом сталинские имперские амбиции в Северной Африке, Средиземноморье и на Ближнем Востоке были эффективно парализованы победами англо-американских войск в этих регионах.

Таким образом, критика в адрес западных лидеров за то, что те «продали» Польшу и всю Восточную Европу Сталину, лишена смысла. Если отказаться от мифов и обратиться к реальности, то Восточная Европа, при всей своей важности, была лишь одним из четырех основных вопросов, обсуждавшихся в Ялте. Первым, стоявшим в то время наиболее остро, был вопрос о том, как добиться скорейшей победы над Гитлером и организовать жизнь в оккупированной Германии. По этому вопросу существовало принципиальное согласие сторон.

Обсуждение проблем второстепенной важности, в частности, послевоенных репараций, было отложено до Потсдамской встречи. Что касается договоренности о возвращении из Центральной Европы на родину военнопленных, беженцев и лиц, угнанных на принудительные работы, которая в последующие годы вызвала немало нареканий, то в 1945 г. принятое по этому вопросу решение представлялось естественным и было составной частью послевоенного соглашения. Особых симпатий к советским или, скажем, югославским националистам, сражавшимся на стороне Гитлера, в то время никто не испытывал.

Что касается самой Германии, то президент Рузвельт вызвал вздох облегчения у Сталина и сильную озабоченность Черчилля

своим заявлением о намерении в течение двух лет вывести американские войска из Европы. Это заставило Черчилля, преодолевая сильное сопротивление Рузвельта и Сталина, настоять на участии Франции в оккупации Германии и Берлина, что впрочем не вызвало особой благодарности со стороны де Голля.

Рузвельт видел свои первостепенные задачи в том, чтобы, во-первых, заручиться советским сотрудничеством в деле создания Организации Объединенных Наций, а во-вторых, склонить Сталина к вступлению в войну против Японии. Тогда считалось, что, несмотря на наличие первых прототипов атомных бомб, без советского участия окончательная победа над Японией обойдется Америке дополнительно в несколько сот тысяч жизней.

Поставленных целей Рузвельт достиг ценой некоторых уступок Сталину и определенной напряженности в американо-британских отношениях. Мне вспоминается одно из заседаний, на котором Рузвельт, подыгрывая Сталину, отзывался о Черчилле как об империалисте старого толка. Оскорбленный Черчилль покинул зал заседаний и вернулся только после продолжительных уговоров и обхаживаний, предпринятых не Рузвельтом, а Сталиным.

Восточная Европа была четвертой по важности проблемой, но именно с ней связывают в первую очередь Ялтинскую встречу. В судьбе Восточной Европы был заинтересован не только Сталин, но и Черчилль. У британского премьера был долг чести по отношению к Польше, из-за которой Великобритания и вступила в войну и бойцы которой отличились беспримерным мужеством на всех фронтах. Сталинский почерк проявился уже при заключении Пакта Риббентропа–Молотова в 1939 г. В секретном протоколе к Договору Сталин оговорил для себя возможность восстановления империи в дореволюционных границах. Таким образом он прибрал к рукам балтийские государства, Бессарабию, Буковину, восточные провинции Польши и часть Финляндии. Все это было потеряно в 1941 г., но затем вновь отвоевано Красной Армией, и ничто на свете не могло заставить Сталина отказаться от перспективы советской гегемонии в Восточной Европе.

Такова была суровая действительность, с которой пытался бороться Черчилль без особой поддержки со стороны Рузвельта. Все же им удалось добиться соглашения по Польше, предусматривавшего создание Временного правительства национального единства и проведение свободных выборов, что в то время казалось сносным достижением – во всяком случае, на бумаге. Декларация об освобожденной Европе, которая прилагалась

к соглашению по Польше, предусматривала проведение свободных выборов и восстановление традиционных демократических свобод во всей Восточной Европе. При всем том речь шла всего лишь о респектабельных дипломатических документах. Загвоздка в том, что Сталин — как того и опасались многие из нас — просто проигнорировал обязательства, вытекающие из этих документов, и вывернул наизнанку западные представления о свободных выборах и гражданских свободах.

Зададимся вопросом: мог ли Запад в Ялте добиться большего для Восточной Европы? Хотя в то время я и ожидал от Рузвельта более ощутимой поддержки в общем деле, сегодня я дал бы на этот вопрос отрицательный ответ. В атмосфере военного союзничества, в канун Победы, в которую советский народ внес ни с чем несравнимый вклад, никто не мог позволить себе прибегнуть к угрозам: будь то угроза применения атомной бомбы или даже угроза прекращения послевоенной экономической помощи. Единственной мыслимой санкцией был наш отказ подписать соглашение по Польше или Декларацию об освобожденной Европе — документы, которые сами по себе были вполне приемлемыми. Но от этого шага Восточной Европе было бы не легче, зато Сталину не пришлось бы нарушить данные обещания и жить затем с клеймом клятвопреступника. С другой стороны, в этом случае сотрудничество по ряду других вопросов, обсуждавшихся в Ялте, оказалось бы под угрозой срыва. А ведь нам тогда еще только предстояло работать вместе со Сталиным в Германии и Австрии, воевать с Японией, сотрудничать в создании Организации Объединенных Наций! ●

Фрэнк Робертс, бывший высокопоставленный дипломат, член британской делегации на Ялтинской конференции 1945 г.

ЯЛТА НЕСЛА НАРОДАМ СВОБОДУ, НО...

Принято считать, что по мере того, как Европа засыпает ров, разделявший ее в течение сорока с лишним лет и совпадавший с передовыми позициями Красной Армии в момент окончания Второй мировой войны, она заодно «преодолевает последствия Ялты» в том смысле, что отменяет политическую карту, творцом которой считают Сталина. Но эта карта была размечена не в Ялте. Нет никаких исторических фактов, подтверждающих широко распространенное представление о том, что тяжело больной Рузвельт «продал» Восточную Европу. Напротив, в ходе встречи с Рузвельтом и Чер-

чиллем, официально именовавшейся Крымской конференцией, Сталин торжественно обещал не препятствовать проведению в странах Восточной Европы свободных выборов и формированию демократических правительств. Попыткой наметить какое-то разделение сфер влияния можно считать разве что клочок бумаги, на котором Черчилль во время встречи со Сталиным в октябре 1944 года набросал свои знаменитые «процентные доли». В Москву, на встречу с советским руководителем, Черчилля привела забота о будущем Греции и стремление заручиться гарантией того, что после войны «Британия останется ведущей средиземноморской державой». В этой записке поименно названы четыре страны. В Румынии и Болгарии, которые были союзниками нацистов, советское влияние, по мнению Черчилля, должно было достигнуть 90% против 10% британского. В Греции это соотношение должно было быть обратным. В Венгрии и Югославии — пятьдесят на пятьдесят. Рузвельт в этом «дележе» вообще не принимал участия, да и записка Черчилля никогда не имела силы официального документа.

В дни Ялтинской встречи (4–11 февраля 1945 г.) как западные союзники, так и Советский Союз вели широкомасштабные наступательные операции на всех фронтах. Двумя неделями раньше ход военных действий заставил Черчилля сказать своему личному секретарю: «Все Балканские страны, за исключением Греции, окажутся большевизированными, и воспрепятствовать этому я не в силах. Я ничем не могу помочь даже Польше». Тем не менее, на встречах в верхах и он, и Рузвельт вели переговоры очень жестко и заставили Сталина подписать Декларацию об освобожденной Европе. Декларация возлагала на Большую Тройку ответственность за создание условий, в которых освобожденные народы смогут «создавать демократические институты по собственному выбору». Позднее и Аверелл

Гарриман, американский посол в Москве, и Чарльз Болен, личный переводчик и консультант Рузвельта, в своих мемуарах выражали недоумение по поводу того, почему вообще Сталин решился принять эти условия. Возможно, это объясняется тем, что Сталин, проявляя неуступчивость в некоторых особо важных для него вопросах, старался в целом произвести на своих партнеров благоприятное впечатление. Западные участники встречи добивались в первую очередь сохранения военного союза, благодаря которому только и можно было вынудить Германию подписать безоговорочную капитуляцию, а также вовлечения Советского Союза в войну с Японией. Накануне решительного наступления на Японию, американские военные специалисты оценивали свои будущие потери в 200 тысяч человек в случае, если советские войска не начнут военные действия против Японии (испытание атомной бомбы состоялось лишь в июле, во время Потсдамской конференции, после смерти Рузвельта). Особой заботой американского президента было достижение такого соглашения, которое предусматривало бы активное участие Соединенных Штатов в деле поддержания мира и тем самым препятствовало бы любым рецидивам американского изоляционизма.

Важной проблемой, к которой участникам встречи приходилось снова и снова возвращаться, была судьба Польши. Сталин настаивал на том, чтобы западные границы Советского Союза были восстановлены в том виде, в каком они существовали до подписания Брестского мира и, следовательно, до восстановления польской государственности, когда Ленин вынужден был пойти на существенные территориальные уступки в обмен на выход России из Первой мировой войны. Сталин добивался территорий, которые ему обещал Гитлер в тайном приложении к пакту, подписанному накануне войны, и которые тогда же, в 1940 г., были оккупированы Красной Армией. К моменту Ялтинской встречи Советский Союз уже ввез в Польшу, в обозе Красной Армии, «временное правительство». В этих условиях все, чего могли добиться западные лидеры, было включение в условия соглашения пункта о возрождении «сильной, свободной, независимой и демократической Польши» и об участии в правительственной коалиции в Варшаве деятелей лондонского правительства в изгнании и польского Сопротивления. Учредительная конференция Организации Объединенных Наций, открывшаяся в апреле того же года в Сан-Франциско, оказалась под угрозой срыва, когда ее участники узнали о том, что в Москве были арестованы 16 польских политических деятелей, прибывших для переговоров о составе правительства.

Пару лет назад молодой поляк с горечью сказал мне, что он не может простить Соединенным Штатам того, что они «продали» его страну. Западные участники Ялтинской встречи действительно тешили себя иллюзией, что Сталин сдержит свое слово. Очень скоро, однако, стало ясно, что он не намерен этого делать, но у Запада уже не было средств оказать нажим на него – если не считать, конечно, развязывания новой войны в Европе, на этот раз против Советского Союза, который в глазах западного общественного мнения продолжал оставаться военным союзником. 24 марта 1945 г., в последний день своего пребывания в Белом доме, вспоминает Гарриман, Рузвельт пришел к окончательному выводу: «Со Сталиным нельзя вести дела. Он не выполнил ни одного обещания, данного в Ялте». Но завершение войны и оккупация Германии ставили другие, более неотложные требования. «В Потсдаме, – пишет Гарриман, – я подошел к Сталину и сказал: «После всех перипетий и трагедий этой войны, вы, полагаю, испытываете чувство глубокого удовлетворения от того, что советская армия находится в Берлине?» Сталин ответил: «Император Александр дошел до Парижа!» Было совершенно очевидно, что он имеет в виду. Нет никакого сомнения в том, что при пособничестве сильных компартий Италии и Франции он вполне мог распространить свое господство до Атлантического океана, если бы мы не пресекли эти поползновения.»

В Европе в то время преобладали чувства облегчения и радости от победы над фашистской Германией. Популярность коммунистических партий достигла апогея – ведь они сражались с фашизмом! Очень многие еще верили в идеализм коммунистических лидеров. А Красная Армия казалась тогда непобедимой.

Для преодоления последствий Ялты потребовалось не только время и новая «аккумуляция энергии» народов Восточной Европы, изнуренных и обескровленных войной, но и радикальные изменения в поведении и восприятии мира со стороны как Запада, так и Востока. Убеждение в том, что советской внешней экспансии весьма способствовало слепое доверие американцев к словам коварного диктатора на конференции в Ялте, особенно глубоко укоренилось среди французов, недовольных тем, что их не пригласили на эту встречу в верхах.

Европейская империя Москвы – это порождение войны. Считается, что Ялтинские соглашения узаконили ее существование. Но это не более, чем миф. В действительности тогда, как и во все времена, выбор стоял между дипломатией и войной. Тогда ставка, обещавшая мир и свободу для народов всей Европы, не оправдала себя, но и шулерский

выигрыш Сталина оказался не вечным – советская империя разваливается на глазах. ●

*Флора Льюис, ведущий обозреватель
газеты The New York Times*

ЕВРОПА: ПОИСК НОВОГО ОБЛИКА

Перемены, происходящие в Центральной и Восточной Европе, стремительны и необратимы. Они знаменуют конец статус-кво, существовавшего в большинстве стран региона в течение последних четырех десятилетий, а в России и того больше – целых семьдесят лет. Эти перемены можно оценивать по-разному, но одно очевидно – Европа уже никогда не будет выглядеть так, как она выглядела в период после Второй мировой войны и до самого последнего времени.

Будущее устройство Европы будет в значительной степени зависеть от политического руководства, от способности европейских лидеров генерировать нетривиальные идеи, от их понимания проблем, от умения сочетать осторожность с готовностью принимать смелые решения.

Перед Соединенными Штатами и другими державами, входящими как в НАТО, так и в Организацию Варшавского договора, новая ситуация ставит две серьезные комплексные проблемы, которые не следует путать, ибо это лишь затруднит их решение. Первая, краткосрочная проблема, заключается в необходимости поддерживать стабильность в Центральной и Восточной Европе в предстоящие месяцы, чтобы каждый участник процесса мог в спокойной обстановке изучить свои возможности и найти подходы к решению второй, более сложной и долгосрочной проблемы. Об этой второй и главной проблеме нельзя сказать в двух словах: она слишком обширна и многогранна. По сути, она включает в себя не только выработку нового статус-кво для упомянутой выше части Европы, но и становление новых политических, экономических и оборонных структур в остальной части континента, которые заменили бы устаревшие, базирующиеся на концепциях холодной войны и стратегических соображениях, утративших ныне силу.

Все это, как недавно отметил бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, в первую очередь, дело самих европейцев. Американцы не могут взять на себя всю полноту ответственности, да и не должны стремиться к этому. Тем не менее центральным вопросом всей долгосрочной проблемы является будущее Североатлантического Оборонительного союза, и Соединенные Штаты, будучи при-

знанным лидером западных стран, не могут избежать вовлеченности в процесс перестройки Европы.

Процесс преобразования Европы включает в себя поиск новых связей между Восточной Европой и Европейским Сообществом. Он включает в себя разработку концепции будущего НАТО и Варшавского Пакта. Он включает в себя переосмысление военного противостояния, продолжающегося по сей день в центре континента. Он включает в себя ведущиеся в настоящее время переговоры о сокращении обычных вооруженных сил и вооружений в Европе. Он включает в себя отношения между двумя частями Германии и выработку нашей политики относительно возможности и желательности ее воссоединения. Все это – частные проблемы, но ни одна из них не может быть решена и даже не может серьезно обсуждаться в отрыве от остальных. Решение каждой из них потребует специальных исследований, предварительных обсуждений и длительных переговоров. Стоящие перед нами проблемы имеют глубокие исторические корни. Любой, кто возьмется за их изучение, неизбежно придет к выводу, что оптимальные решения каждой из них могли быть найдены – но не были найдены – еще в конце последней мировой войны, а некоторые (в частности, возникшие в результате распада Австро-Венгерской империи) остаются нерешенными с 1918 или 1919 года.

Закрепление нового порядка в Европе представляет собой комплексную и сложную задачу, так что ее непозволительно решать в один присест или закреплять в одном-единственном документе или соглашении. Речь идет о здании, которое должно покоиться на многих столпах. Его возведение займет не месяцы, но годы. Если нам очень повезет, то этот процесс будет в основном завершен к концу столетия. Поэтому пора, пока не поздно, начать обдумывать, как подступить к этой работе. Важно, однако, не допустить, чтобы под воздействием текущего момента были приняты поспешные и непродуманные решения или начаты неразумные споры, которые могут лишь затруднить урегулирование жизненно важных проблем.

Что касается воссоединения Германии, то некоторые представляют дело так, словно бы этот процесс явился результатом радикальной демократизации Восточной Германии. Такая точка зрения никак не отражает всей проблемы. В настоящее время на территории обеих Германий размещены армии общей численностью более чем в миллион человек, оснащенные самым современным, в том числе и ядерным, оружием. Американские и советские вооруженные силы находятся здесь не только и не столько по приглашению немецких властей, сколько в

соответствии с долгосрочными договоренностями, выработанными при участии других держав, состоящих в двух противостоящих военных союзах. Немцы не могут в одностороннем порядке разоружить эти силы или заставить их покинуть свою территорию. Тем более не могут они игнорировать договорные обязательства, обусловившие присутствие этих вооруженных сил, численность и характер которых сейчас пересматриваются в рамках переговоров при участии 28 государств. Объединение Германии немислимо без согласия между всеми этими странами — в индивидуальном порядке или коллективно, — по вопросу о политическом и военном контроле над этими силами.

Вряд ли кто-то станет спорить с тем, что система военных блоков, обеспечивавшая европейскую безопасность в течение трех с половиной десятилетий, строилась на концепциях холодной войны, стремительно выходящих из употребления. Это подводит к мысли о необходимости альтернативной системы безопасности для всего континента. Поиски такой альтернативы вращаются вокруг Германии. На территории этой страны в настоящее время сосредоточена большая часть вооруженных сил и вооружений на континенте. Географическое положение Германии и ее экономический потенциал обеспечивают ей центральное место в любой новой системе безопасности. Любые проблемы, которые сейчас встают в отношениях между обеими Германиями или между Германией и ее соседями, могут быть разрешены только в рамках новой, широкой системы европейской безопасности.

Когда 40 лет назад перед нами встал вопрос о будущей Германии, мы решили его, руководствуясь следующим принципом: в Европе никогда больше не должно быть единой, хорошо вооруженной и политически изолированной Германии. Эта страна должна была быть вписана в широкую международную структуру, что означало бы гарантии безопасности ее соседям. Но если исходить из необходимости включения Германии в более широкую структуру (а такая перспектива сегодня представляется более реальной, чем четыре десятилетия назад), то возникает вопрос: какой должна быть Германия в эту структуру? В качестве единого целого? Или, может быть, было бы лучше, безопаснее для соседей, если бы обе части Германии, объединенные в культурном и экономическом отношении, вошли бы в будущий мирный европейский союз в качестве отдельных политических единиц, каковыми они и являются сегодня? Ответ на этот вопрос будет зависеть от характера всеобъемлющей системы безопасности в Европе, которую только предстоит выработать, причем процесс объединения Германии ни в коем случае не

должен опережать строительство новой системы безопасности. В противном случае возникнут осложнения, которых сегодня никто не желает, но которые завтра, возможно, никто не сможет устранить. Вот почему, даже если в ближайшем будущем либерализация политической жизни в Восточной Европе достигнет таких высот, которые сделают страны Восточной Европы неотличимыми от, скажем, Федеративной Республики Германии, этого все равно будет недостаточно для нашего согласия на немедленное объединение Германии.

Наша непосредственная задача сегодня: добиться того, чтобы процесс перемен, происходящих нынче в странах Восточной Европы, был направлен на укрепление мира и безопасности в Европе на весь предстоящий период. Мы должны выиграть время, необходимое для более масштабного и продолжительного процесса становления нового порядка в Европе. Лучший вклад, который Соединенные Штаты и их союзники по НАТО могут внести в решение первой, не терпящей отлагательств, задачи, — это достичь совместными усилиями радикального сокращения обычных вооружений в Европе. Если допустить, что до выработки окончательного всеобъемлющего урегулирования оба оборонительных блока и их военные структуры продолжат существовать, то и тогда нельзя привести ни одного вразумительного аргумента против решительного сокращения размещенных в центре Европы вооруженных сил, которые уже сегодня представляются чрезмерно раздутыми в сравнении с любыми мыслимыми потребностями. Такое сокращение уже само по себе способствовало бы улучшению политического климата, что немаловажно для успеха переговоров о создании системы европейской безопасности.

Чтобы хоть как-то продвинуться в этом направлении, Вашингтону и его союзникам по НАТО следует отказаться от нелепой веры в то, что первейшей задачей НАТО по-прежнему является отражение нападения на Западную Европу воинственного Советского Союза и его верных и столь же воинственных союзников по Варшавскому Пакту. Вместо этого пора приступить к серьезному изучению вопроса о том, как обеспечить безопасность Европы в эпоху, когда нашим главным противником является не Советский Союз, а стремительное разрушение нашей планеты как основы для цивилизованной жизни людей.●

Джордж Кеннан, бывший посол США в СССР, профессор Института фундаментальных исследований в области политики и международных отношений

ПОЧЕМУ МЫ БЕЗУЧАСТНО НАБЛЮДАЕМ ЗА ПРОИСХОДЯЩИМ?

В последний день войны с Германией я вместе с одним из моих коллег-разведчиков находился в штаб-квартире генерала Эйзенхауэра в городе Реймсе, на северо-востоке Франции. Разумеется, мысль о конце Третьего рейха радовала и опьяняла нас, но в то же время меня не покидало ощущение, что союзникам просто чертовски повезло. Если бы Гитлер вел войну не на двух фронтах одновременно, а сосредоточил бы свои силы на одном из них, то неизвестно, чем бы все кончилось.

В день Победы память настойчиво возвращала меня в недавнее прошлое, в Германию середины 30-х годов. Будучи молодым журналистом, я наблюдал эйфорию, охватившую немецкий народ, когда Гитлеру удалось его первый гамбит на международной арене — занятие Рейнской области в 1936 г. Допускаю, что мой подход к проблеме несет на себе отпечаток личных переживаний и не объективен, но в конце 30-х — начале 40-х гг. у меня была возможность убедиться в том, сколь колоссальны возможности народа, охваченного единым порывом к достижению своих внешнеполитических целей.

Наблюдая в последние месяцы за стремительными темпами воссоединения Германии, я, как и многие люди моего поколения, испытываю беспокойство. И дело не в том, что я опасуюсь возрождения нацизма, — в это я не очень верю. Меня смущает другое — тот напор, с которым западногерманское правительство Гельмута Коля добивается поставленной цели, без всякой оглядки на тревоги и опасения своих союзников и соседей. Скажу прямо: похоже на то, что объединение Германии превратилось в процесс, которым ни Запад, ни Восток не в состоянии больше управлять, как невозможно управлять несущимся на всех парах товарным составом с сорванными тормозами. А это не сулит ничего хорошего, если иметь в виду будущее, ибо, что бы ни говорил Коля, объединение Германии касается не одних только немцев. Оно затрагивает и интересы остального мира — отметим хотя бы пресс-инфляцию, связанный с планами Коля учредить валютный союз, то есть сделать взаимно конвертируемыми восточную и западную марки. Знакомясь с поступающими из Германии новостями, неизбежно приходишь к выводу, что «паровозом», влекущим страну к ускоренному политическому и экономическому объединению, является сам канцлер Коля. Его помыслы могут быть чисты и высоки, но

факт остается фактом: в декабре этого года в Западной Германии состоится всеобщие выборы, победу на которых специалисты предсказывают оппозиционной социал-демократической партии, и канцлеру Колю, чтобы сохранить власть, совершенно необходима «горячая» тема вроде объединения Германии.

Политические факторы играют немало важную роль и в таком исключительно деликатном деле, каким является вопрос о германских границах. Польша, по понятным причинам, озабочена тем, что объединенная Германия может выдвинуть притязания на свои исторические земли — Силезию и Восточную Пруссию, Чехословакия испытывает тревогу в отношении Судет. Канцлер Коля не удосужился заверить эти страны в нерушимости их нынешних границ. Почему? Одна из очевидных причин — голоса тех 8–10 млн. западногерманских избирателей, семьи которых родом из этих спорных земель.

Г-на Коля нельзя упрекать в том, что он руководствуется общегерманскими национальными интересами — или даже собственными политическими целями. Поражает другое: с какой удивительной готовностью весь мир, следуя примеру Соединенных Штатов, воспринял сугубо немецкие представления о том, как должна выглядеть будущая Германия. Словно другие народы боялись оскорбить достоинство немцев, открыто выражая свои мысли; словно все сговорилось, что лучше всего молчанием задобрить эту экономическую сверхдержаву в центре Европы. Вот почему мы не слышим ни громких протестов, ни даже серьезных дискуссий о том, куда идет Германия. Процесс воссоединения набрал такую скорость, что на каждом этапе скептики и пессимисты не успевали и рта раскрыть, как события опережали любые их возражения. Казалось бы, народы Европы, понесшие неисчислимые человеческие жертвы в годы Второй мировой войны, должны испытывать огромное беспокойство от такого развития событий. На деле одна лишь премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер решилась высказать какие-то скромные возражения. Мне трудно поверить в то, что норвежцы, датчане, голландцы, бельгийцы, не говоря уже о французах, могут быть довольны собой, беспомощно наблюдая за ходом событий и понимая, что их попросту выставили за дверь зала заседаний, где решается вопрос о единой Германии.

Но что же тогда сказать о Советском Союзе, в прошлом самом непримиримом противнике германского единства? Можно было ожидать, что хотя бы русские займут жесткую линию в этом вопросе, раз уж они постоянно повторяют, что потеряли 26 мил-

лионов человек во Второй мировой войне. Ничуть не бывало: они молча проглатывали каждый последующий свершившийся факт, перед которым их ставила Западная Германия. Возможно, Советский Союз втайне надеялся, что Соединенные Штаты – союзник канцлера Коля – остановят несущийся без тормозов состав; вполне вероятно и то, что Соединенные Штаты рассчитывали переложить эту неприятную обязанность на Советский Союз. Но когда поезд тронулся, ни одна из сверхдержав не пошевелила пальцем, предоставив тем самым канцлеру Колю полную свободу рук.

Разумеется, возможности администрации Буша в этом вопросе весьма ограничены. Соединенные Штаты не хотят настраивать против себя Западную Германию, верного союзника, позволившего разместиться на своей территории тысячи и тысячи американских военнослужащих и после Второй мировой войны отличавшуюся примерным поведением. Вдобавок, они не хотят какими-то вызывающими действиями в Центральной и Восточной Европе создавать дополнительные проблемы для Михаила Горбачева и его перестройки. Сдается, что среди американских политиков получила хождение точка зрения Генри Киссинджера и его единомышленников, согласно которой противодействие германским национальным чаяниям имело бы катастрофические последствия для Соединенных Штатов. Когда идея Киссинджера овладела умами нынешней администрации, Вашингтон просто "отыграл мяч" канцлеру Колю, и тот уверенно повел его дальше.

Процесс объединения набрал такие обороты, что сейчас уже нелегко разобраться, на каком этапе, собственно, он находится. А всего лишь год назад представители западногерманского правительства монотонно повторяли, что ФРГ не очень-то серьезно заинтересована в воссоединении Германии. В сущности, все началось прошлой осенью, когда Венгрия открыла свои границы и разрешила восточногерманским туристам бежать на Запад. Это повлекло за собой нарастающую волну беженцев. Многие из того, что произошло затем, было сделано в попытке остановить поток беглецов.

Эрик Хонеккер считал, что лейпцигских демонстрантов можно запугать суровой расправой, и распорядился проучить их 9 октября. Но Эгон Кренц, ведавший в ЦК вопросами внутренней безопасности, отменил приказ шефа, и 18 октября сам сел в кресло Хонеккера. Отдавая приказ открыть ворота Берлинской стены, Кренц надеялся таким образом устранить главную причину бегства. Он полагал, что многие восточные немцы, получив возможность свободно уехать, захотят остаться в ГДР. Но поток беженцев продолжал нарастать. Что касается объединения Германии, то вначале Кренц пытался утверждать, что этот вопрос не стоит на повестке дня, но 6 декабря он сам ушел со сцены, и с этого момента решающий голос в восточногерманских делах принадлежит западному немцу, Гельмуту Колю.

28 ноября Коль окончательно определил свою позицию в этом вопросе, обнаружив план воссоединения из 10 пунктов. И хотя его предложение носило явно судьбоносный характер, оно предварительно не обсуждалось даже с западногерманскими политиками. Тем более оно застало врасплох американцев и русских. Канцлер Коль сделал все, чтобы успокоить критиков. Он заверил их в том, что процесс воссоединения будет поэтапным, долговременным и будет проводиться чрезвычайно осторожно. По словам Коля, процесс этот должен быть чем-то вроде постепенного срастания двух

1950

1970

1990

государств. Но слово было сказано и цель поставлена. Коль превратил объединение двух Германий в реальную политическую проблему. Поскольку никто в Восточной Германии не имел ни возможности, ни желания сопротивляться идее немецкого единства, весь процесс очень скоро вышел из-под контроля. Первоначально выборы в ГДР намечались на май, но были перенесены на март, так как никто больше не хотел ждать.

Тот же ничем не сдерживаемый напор мы наблюдаем теперь в вопросе о валютном союзе. Вначале Западная Германия погодивалась о возможности обмена немецких валют по курсу пять к одному. Даже такой курс был бы завышенным, ибо он не отвечает реальной покупательной способности восточногерманской марки. Но сейчас уже не исключается возможность обмена по курсу один к одному, что неизбежно приведет к колоссальной инфляции.

Сегодня совершенно ясно, что противиться объединению Германии – гиблое дело. Процесс объединения невозможно остановить, но, учитывая его головокружительную скорость, можно и нужно приложить усилия для того, чтобы определить новую роль Германии в обороне Запада. Один из способов включить объединенную Германию в международную систему безопасности – сделать ее членом НАТО. Но должны быть и другие пути. Представляется целесообразным объединить усилия Запада в деле развития восточного региона в целом, чтобы это дело не попало в руки и не стало сферой влияния одной лишь нарождающейся германской сверхдержавы. К примеру, Вашингтон мог бы взять на себя создание особого восточноевропейского банка развития; это позволило бы Америке, Германии, Японии, Франции и другим государствам разделить ответственность за реконструкцию Восточной Европы – и, соответственно, разделить влияние в ней. Страны Восточной Европы могли бы прибегнуть к помощи американских специалистов в самых разных сферах, от сельского хозяйства до банковского дела, – во времена президента Гарри Трумэна такая помощь предоставлялась по так называемой «программе четвертого пункта». Стоило бы подумать о возможности возобновления такой программы. Может быть это помогло бы ослабить стремление Германии проводить собственную восточноевропейскую политику.

В любом случае нельзя допустить появления нейтральной, демилитаризованной Германии. После Первой мировой войны в центре Европы оказалась разоруженная и фактически нейтральная Германия. А что из этого вышло? Гитлер тайно вооружил

страну. И то, что за этим последовало, народы мира помнят и по сей день. ●

Ричард Хелмс, бывший директор ЦРУ, президент фирмы Salfic Co., консультирующей по вопросам политики и безопасности

НЕМЦЫ НЕ ДОЛЖНЫ ССОРИТЬСЯ С СОСЕДЯМИ

Исходя из своих собственных интересов, Германия необходимо первым делом и как можно скорее убедить мир в том, что она тщательно соблюдает интересы других государств Европы. Многие народы Северной и Южной Европы живут на периферии нашего континента и лишь немногие – среди них немцы и поляки – занимают центральную часть материка. Так что у нас, немцев, больше непосредственных соседей, чем у любого другого народа.

Кроме того, мы, немцы, не должны забывать, что Европейское сообщество – это не только фактор, оказывающий стабилизирующее воздействие на экономику региона, это еще и центр политического притяжения на континенте. И мы не можем позволить себе поставить под угрозу срыва процесс экономической, валютной, а в конечном счете и политической интеграции стран континента. Только в качестве членов ЕС мы можем развеять сомнения и страхи наших соседей. Вот почему нам следует стремиться к дальнейшему углублению сотрудничества в рамках ЕС – как путем создания центральной банковской системы в Европе, так и выработкой единой внешней, а в не столь отдаленном будущем и оборонительной политики.

Важнейшими соседями нашего народа являются французы и поляки. Именно по отношению к ним мы должны проявлять максимум внимания, осторожности и щепетильности. Прежде всего это означает ясное и недвусмысленное признание западных границ Польши – безо всяких оговорок и территориальных претензий. Поляки несут ответственности за то, что границы их страны были насильственно, во исполнение злой воли Сталина, передвинуты на Запад и что часть населения была переселена западнее из прежних мест проживания. Поляки никогда не стремились к этому: они просто вынуждены были смириться с новой ситуацией. Но возникла эта ситуация вследствие германской агрессии – сначала против Польши, затем против Советского Союза.

Нам следует раз и навсегда развеять страхи польского соседа, что когда-нибудь

ему придется вновь передвигать свои государственные границы. Общая территория Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии достаточно велика для того, чтобы на ней могли свободно разместиться 77 или даже все 80 миллионов человек. Ни одна страна, ни одно правительство мира не поддержит немецких территориальных претензий к Польше. Цепляться за них – значит добровольно встать на путь самоизоляции и сделать невозможным международное признание объединения обеих Германий.

С точки зрения международного признания объединения двух наших государств особое значение имеет отношение к немецкому единству французского народа. Как показывают опросы общественного мнения, на протяжении последних десятилетий большинство французов считало немцев своими верными друзьями. В то же время подавляющее большинство немцев называли Францию своим самым надежным другом. Чувство взаимной симпатии, которое французы и немцы испытывают друг к другу, стало результатом многолетних усилий таких выдающихся людей, как Жан Моннэ, Роберт Шуман, Шарль де Голль, Валери Жискар д'Эстен, Конрад Аденауэр, Франсуа Миттеран и другие. Из всех народов мира одни только французы могут быстро и безболезненно придать законный характер желанию немцев из обеих Германий жить вместе, под одной крышей. Однако мне достоверно известно, что на этот счет в политических кругах Франции существуют определенные сомнения. Они возникают всякий раз, когда во Франции сравнивают экономический потенциал и численность населения обоих государств. Эти сомнения в большой степени питают память о печальных событиях прошлого, а иногда и бестактное поведение Бонна. Но в будущем возражения Франции могут быть сняты, так как у этой страны есть такие козыри, которыми мы не располагаем и в обозримом будущем располагать не будем.

Франция является постоянным членом Совета Безопасности ООН. Более того, она является одной из сторон Парижского Соглашения по Германии (с правом решающего голоса по всем вопросам, касающимся Германии в целом) и Четырехстороннего Соглашения по Берлину. Что еще более важно, она располагает собственной стратегической ядерной мощью, от которой мы отказались, подписав Договор о нераспространении ядерного оружия. Международный авторитет Франции, как страны с великой историей и высокой культурой, исключительно высок, в то время, как память об Освенциме и других преступлениях нацистов будет тяготеть над многими поколениями немцев.

Мы, немцы, верим в то, что Франция намерена добиться превращения Европейского Сообщества в политический союз европейских государств, чего в настоящее время нельзя сказать о Британии. Так что не Британия, а Франция, в частности президент Миттеран, смогут помочь объединенной Германии присоединиться к Европейскому Содружеству, а 77 миллионам немцев стать органической частью Западного мира. ●

Гельмут Шмидт,
бывший канцлер ФРГ

ДОСЬЕ «ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБОЗРЕНИЯ»

ЮБИЛЕЙ КОРОЛЕВЫ И СУДЬБА СКАНДИНАВСКИХ МОНАРХИЙ

«Монархия мешает разворачиванию борьбы трудящихся за революционные преобразования. Именно поэтому коммунистические партии Швеции, Норвегии и Дании выдвигают требования упразднить монархию и установить республиканскую форму правления».

М.Могунова. «Скандинавские государства: центральные органы власти». М., 1975

16 апреля 1990 г. Дания отмечала 50-летие королевы Маргрете II. Королева родилась в тяжелые для Дании времена: за неделю до ее рождения страна была оккупирована гитлеровской Германией, и хотя условия этой оккупации были неизмеримо легче, чем в какой-либо другой из покоренных нацистами стран, все же датчане не могли смириться с мыслью, что ими управляет иностранная держава. Именно тогда обозначилась роль монарха как символа единства нации перед лицом оккупации. Дед Маргрете II, Кристиан X, совершал ежедневные конные прогулки по Копенгагену, и датчане радовались, видя, что их король – с ними: значит, надежда на лучшее оставалась.

Рождение внучки короля было воспринято населением как «луч света в темное время» – как писали тогдашние датские газеты. Маргрете стала королевой Дании в 1972 г. после смерти своего отца, короля Фредерика. Этому предшествовал новый Закон о престолонаследии – 1953 г., допустивший к наследованию престола женщин. Причина

была в том, что у Фредерика IX все дети были женского пола.

Еще будучи принцессой, в 1965 г., Маргрете познакомилась в Лондоне, где она тогда изучала социологию, с французским графом Анри де Лаборд де Монпеза, который служил во французском посольстве в Англии. Отец графа Анри был против предстоящего брака своего сына с датской наследной принцессой, поскольку в этом случае Анри должен был сменить религию: перейти из католичества в протестантизм. Дело в том, что датский монарх — как и шведский, и норвежский — является одновременно главой протестантской церкви своей страны, и естественно, что супруг или супруга монарха должны принадлежать к той же конфессии. Для самого графа Анри переход в протестантизм не был проблемой, и в 1967 г. состоялась свадьба, которая отмечалась во всей Дании как народный праздник. С тех пор граф Анри официально зовется на датский лад Хенриком.

Королева Маргрете — как и ее предки — является родственницей последнего русского царя. Ведь его матерью была датская принцесса Дагмара, жена Александра III. Дагмара, как и граф Анри, вынуждена была сменить религию. Она перешла в православие и в России называлась Марией Федоровной. Неудивительно, что когда лет 15 назад Маргрете ездила с официальным визитом в СССР, то русские монархисты на Западе критиковали ее, полагая, что она не должна была ездить в страну большевиков, убивших ее родственника Николая II.

Каковы же функции монарха в скандинавских странах? Монарх принимает глав иностранных государств и послов, но эти приемы носят не столько деловой, сколько церемониальный характер. Монарх подписывает законы, но эти законы до того принимаются парламентом или правительством. Короли и королевы не вмешиваются в политику и не могут себе позволить политические высказывания, тем более — не могут поддерживать ту или иную политическую партию. В этом смысле у них меньше прав, чем у любого гражданина страны. Впрочем, бывают и срывы. Год назад шведский король Карл XVI Густав публично заявил, что норвежский премьер-министр Гру Брундланд не подходит для своего поста. В Норвегии на это обиделись, но шведские официальные лица разъяснили, что король — «тоже человек» и тоже может нервничать (конкретно речь шла о норвежском тюленьем промысле).

По старой традиции будущие монархи вступают в брак если не с членами королевских семей других стран, то, по крайней мере, с дворянами. Но и эта традиция в Скандинавии оказалась поколебленной в по-

следнее время: кронпринц Норвегии Харальд и шведский король женились на «обычных» женщинах. Притом поговаривают, что королева Швеции Сильвия (немка, переводчица на Олимпиаде 1976 г.) даже более популярна в народе, чем ее супруг.

Монархии в Скандинавии — как и в других странах Западной Европы — являются парламентарными, а функции монархов — чисто представительские. В Швеции в 1974 г. и без того чисто номинальная власть короля была еще более урезана. Теперь законы, принятые парламентом, не нуждаются более в подписи короля, он не выступает с тронной речью, не назначает правительство и т.д. В этом смысле шведская монархия уникальна.

Ограничение королевской власти — результат усилий шведских социал-демократов. В программах скандинавских социал-демократов с давних пор есть пункт об отмене монархии и введении республики. Но похоже, датские и норвежские социал-демократы «забыли» об этом пункте, в то время как их шведские единомышленники кое-чего добились в этом направлении. Однако и в Швеции социал-демократы не готовы отменить монархию, ибо этому воспротивился бы народ.

В Дании проведенный недавно опрос общественного мнения показал, что королева Маргрета как личность гораздо более популярна, чем глава правительства или лидер оппозиции. Опрос показал также, что королеву любят больше в провинции, чем в столице, и женщины более, чем мужчины.

Датская королева переводит вместе с мужем книги с французского, она — прекрасная художница и иллюстратор. Ко дню своего пятидесятилетия королева получила множество подарков от простых людей. Подарки принимались в королевском дворце.

По иронии судьбы в те же самые дни в здании датской компартии, расположенном в двух шагах от королевского дворца, состоялась распродажа подарков, полученных датской компартией от других компартий. Распродавались по дешевке портреты коммунистических вождей, пионерские галстуки, книги... Дело в том, что датская компартия испытывает тяжелый финансовый кризис и вынуждена переехать из своего роскошного здания в более скромное помещение. Заодно надо было избавиться от старого хлама, притом выручив за него деньги.

Маловероятно, чтобы скандинавские компартии вошли в XXI столетие. Скорее всего они сильно трансформируются, да и название свое изменят. А вот монархии, надо думать, сохранятся. С многовековыми традициями люди так просто не расстаются.

ПРЕЗИДЕНТ

1990 ГОДА, МАРТА 15-ГО ДНЯ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ГОРБАЧЕВ ПЕРВЫМ В СОВЕТСКОЙ (ДА И В РОССИЙСКОЙ) ИСТОРИИ ВСТУПИЛ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ ЭТОМУ СОБЫТИЮ, ВО МНОГОМ ЗАГАДОЧНЫ; ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ — ТРУДНО-ПРЕДСКАЗУЕМЫ. ЯСНО ОДНО: УСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ НАДО РАССМАТРИВАТЬ В ОБЩЕМ КОНТЕКСТЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, В КОНТЕКСТЕ ВСЕОБЩЕГО КРИЗИСА СИСТЕМЫ — ЕЕ ИДЕОЛОГИИ, ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА. АНАЛИЗУ ЭТОЙ СЛОЖНЕЙШЕЙ АМАЛЬГАМЫ И ПОСВЯЩЕНЫ НАСТОЯЩИЕ ЗАМЕТКИ.

1. Доводы в пользу введения в СССР президентской формы правления лежат на поверхности. Развал экономики, кровавые национальные конфликты, рост преступности, общая безответственность — все это требует сильной власти. Сильная власть нужна и для того, чтобы преодолеть сопротивление консервативных кругов и осуществить перестройку.

Рядом, на той же поверхности, лежат и доводы против. Сосредоточение власти в руках одного человека может привести к единоличной диктатуре, последствия которой достаточно известны. Президентская форма правления оправдана лишь в условиях четкого разделения властей — законодательной, исполнительной и судебной, структур, которых пока нет, их еще предстоит создать.

Число доводов с обеих сторон можно умножить. Только зачем? Ситуация ясна: в данных обстоятельствах стране нужен институт президентства; но он и опасен — именно в данных обстоятельствах. Или наоборот: институт президентства опасен, но необходим.

Разумеется, выбор сложен, а последствия ошибочного решения могут быть для страны трагическими. Поэтому признаем, что право на существование имеют обе точки зрения: и твердое "за", и твердое "против".

Вначале казалось, что так оно и есть. Несколько месяцев назад Межрегиональная депутатская группа решительно высказалась за учреждение президентской власти. Бесспорный кандидат на эту должность, М.С.Горбачев, столь же решительно отверг эту идею. А затем... Затем стороны поменялись местами. С предложением ввести в стране институт президентства выступил Горбачев, против (хотя и не очень дружно) проголосовала Межрегиональная депутатская группа.

Вообще-то рокировка — явление в политике нередкое. Никому не возбраняется менять позицию. Тем более — политику, имеющему дело с таким изменчивым материалом, как общество. И тем не менее столь крутой (на полные 180°) поворот, к тому же выполненный одновременно обеими сторонами, представляется странным. Если исключить воздействие космического излучения, придется признать, что на протяжении этих месяцев что-то произошло. И настолько значительное, что дало основание и Горбачеву, и его оппонентам пересмотреть свою (вроде бы продуманную и четко обозначенную) позицию.

2. Сейчас уже мало кто помнит, что идея советского президентства восходит к 1936 году. Трудно сказать, кто рискнул тогда высказать эту идею. Зато хорошо известно, кто ее отверг. "По системе нашей Конституции, — сказал товарищ Сталин на VIII съезде Советов, — в СССР не должно быть единоличного

президента, избираемого всем населением наравне с Верховным Советом и могущего противопоставить себя Верховному Совету. Президент в СССР коллегиальный — это Президиум Верховного Совета..., избираемый не всем населением, а Верховным Советом и подотчетный Верховному Совету. Опыт истории показывает, что такое построение верховных органов является наиболее демократическим, гарантирующим страну от нежелательных случайностей”.

Видимо, кроме “врожденного демократизма” Иосифа Виссарионовича тут имели значение и иные факторы. Человеку, удостоенному звания “величайшего гения всех времен и народов”, еще один земной титул был не нужен. По старой конспиративной привычке он вообще избегал без особой надобности высываться из подполья, а отдавать эту высокую (хотя бы и номинально) должность кому-то другому было рискованно. Соратникам полагалось стоять плотной толпой в точном соответствии с ранжиром. Вождь же у народа мог быть только один, товарищ Сталин.

После смерти Сталина идея президентства выдвигалась, кажется, только один раз. Это было в 1964 году, на излете хрущевской эпохи. Все остальные вожди (даже такой любитель титулов, как Брежнев) ни о чем таком не заговаривали. Что это, суеверный страх?

Отчасти и суеверный. Никто особенно не скрывал, что власть в стране принадлежит партии. Понятно было, что не всей партии, а ее руководящему звену, *комсоставу*. Дальше, однако, начиналась тайна. Кто, собственно, образует этот властный ареопат: секретари райкомов, обкомов, партийный аппарат, члены ЦК, члены Политбюро, секретари или единолично Генеральный секретарь? На этот вопрос нет общего ответа. В каждом случае решали обстоятельства, существовавшая в тот момент расстановка сил.

Появление всякого нового Генерального секретаря сопровождалось дружным хором голосов в поддержку *коллегиальности*, “коллективного разума нашей партии”. Вспоминали Владимира Ильича: это он гениально предсказал, что руководство — *после него* — может быть только коллегиальным. Ругали или мягко журили (по обстоятельствам) Иосифа Виссарионовича: отошел, нарушил волю, создал культ; отсюда и последствия.

Новый генсек (прежде известный как ярый поклонник коллективного руководства) обычно быстро набирал силу. Голоса поклонников коллективного разума стихали. Оно и понятно: как возражать, если генсек по счастливой случайности оказался носителем неслыханной мудрости, выдающимся теоретиком, самым верным продолжателем великого дела...

А как же коллективное руководство? Оно не только не протестует, оно приветствует и восхваляет. И это закономерно. Во-первых, потому, что “коллектива” нет; есть *одинокие* волки, волею обстоятельств сбитые в партийную стаю. Во-вторых, каждый надеется, что при очередной смене власти именно его судьба вынесет на вершину пирамиды. Наконец, и это, может быть, главное: генсек первый, но *первый среди равных*, последнее слово все-таки остается за ними. Если генсека уж очень занесет, тогда они покажут ему, у кого власть. Неважно, что возможность эта почти теоретическая; важно, что она *существует*. Это учитывают все: и третьи, и вторые, и сам Генеральный секретарь. Вот за эту *привилегию*, за право последнего контроля над первым, они были готовы стоять на смерть, с удовольствием вспоминая, что и Ленину случилось оказываться в меньшинстве, и атаку Молотова с компанией отбили они, и Хрущева они спровадили, и маразматику Черненко возвели.

Горбачев очень хорошо понимал, как *опасно* лишать их этой привилегии, ставить себя “над партией”. Поэтому, изобретя межеумочный пост Председателя Верховного Совета, он позаботился, чтобы и они, все эти секретари райкомов, обкомов, республиканских ЦК, поднялись на аналогичную ступеньку — стали председателями Советов. Они растерялись: им, привыкшим к заведенному порядку,

трудно было сразу уразуметь, выгодно это или невыгодно. А пока они, глухо ворча, разбирались, Генеральный секретарь стал уже и Председателем. Ситуация смутная, ибо его как генсека они могли отправить на покой. Но тогда сразу возник бы вопрос: а что делать с Председателем?

Но непонятный Председатель Верховного Совета — одно, а Президент, официальный глава государства, — нечто другое. Это уже подрыв системы, переворот, противопоставление себя партии. Естественно, что идею президентства (то есть по сути предложение стать президентом) Горбачев демонстративно отверг: он не желает отрываться от выраставшей его партии. Заодно были отвергнуты и другие предложения Межрегиональной группы — прежде всего об отмене шестой статьи Конституции.

Однако прошло всего несколько месяцев... Да, но каких! Буквально наспигованных событиями. Забастовки шахтеров. Погром в Баку и захват города войсками. Отделение Литвы. Угроза отделения Латвии и Эстонии... И все-таки это совсем не те события, которые могли бы коренным образом изменить расстановку сил в партии, повлиять на настроения в ее руководящем слое. Надо помнить: тут придают значение только тому, что непосредственно затрагивает власть партии, все прочее (забастовки, землетрясения, национальные конфликты, катастрофы) — дело десятое.

Но в том-то и суть, что и *такие* события произошли. В Чернигове, Волгограде, Тюмени массы заставили уйти в отставку местные бюро обкомов партии. В Азербайджане и Таджикистане подобные же попытки удалось предотвратить только с помощью войск. В Донбассе население потребовало ликвидации областного комитета вообще. В Латвии появились лозунги: "Запретить компартию!". Лозунги, может быть, и нереальные, но логичные.

Вот тут они всерьез испугались — тем более, что перед глазами был опыт государств Восточной Европы, где режимы валились как карточные домики. Даже в Болгарии, даже в Румынии, даже в ГДР. Конечно, среди партийного руководства нашлись бронтозавры, обвинившие во всем Горбачева с его перестройкой. Но большинство оценило обстановку правильно. Чтобы сохранить то, что еще можно сохранить, нужен человек одновременно и сильный, и гибкий. А главное — наделенный *достаточной* властью. Выбирать не приходилось: таким человеком мог быть только Горбачев.

Эти перемены — и в общей ситуации, и в настроениях партийного руководства, — разумеется, ощутили и депутаты Межрегиональной группы. Если партийная власть зашаталась, то какую роль возьмет на себя Горбачев-президент? Роль реформатора, использующего слабость партаппарата для углубления перестройки, или прежде всего роль выразителя интересов того слоя, который дал ему власть? Судя по многим признакам, Горбачев в последнее время стал осторожно, но вполне определенно сдвигаться вправо. Нужен ли стране *такой* Президент?

3. Сложность состояла, однако, в том, что в самом этом вопросе было скрыто два (в сущности, разных) вопроса. Первый относился к *институту* президентской власти. Нужен ли подобный институт? Видимо, да — это признавали почти все, потому что при частных его недостатках (скажем, симбиоз государственной и партийной власти) в президентстве все-таки была заложена возможность создания структуры власти, зависящей уже не от партии, а от народа.

Конечно, хорошо бы начать формирование подобной власти не сверху, а снизу, с советов. Еще лучше было бы предварительно подготовить противовесы президентской власти: сильный законодательный орган, независимый и авторитетный суд. Но ничего этого нет, и неизвестно, когда и каким образом они появятся. Система управления, существовавшая до перестройки, в правовом отношении была полнейшим нонсенсом. По *горизонтали* пестрая смесь номинальных, бесправных и

полубесправных органов власти, нити управления которыми сходились в партийном комитете; по *вертикали* бесчисленные главки, министерства и комитеты, распоряжающиеся всеми огромными материальными ресурсами страны, но лишённые права вырабатывать политику даже в своей узкой области, ибо политика — сфера высших партийных инстанций. Лишь с большими оговорками эту структуру вообще можно назвать государственным устройством. Конструкция этой странной государственной машины создавалась с единственным расчетом: обеспечить партийной верхушке *максимальный контроль* над жизнью человека и общества. Именно с этой и только с этой точки зрения система имела смысл.

Реформы Горбачева и течение событий лишили конструкцию даже этих признаков логики. Подобие свободных выборов в *надпарламент*, настолько плохо понимавший свои функции, что он не посмел объявить себя высшим органом власти. Верховный Совет, который не парламент уже потому, что над ним есть надпарламент. Местные советы, способные только запретить, только не дать — ибо давать им *ничего*, у них ничего нет. Суды, подчиненные всем и каждому: по любой оси — X, Y, Z...

Если исключить революцию, то реальной возможности перестроить эту систему в обозримые сроки нет или почти нет. "Почти" относится к той (гипотетической) ситуации, когда Президент обнаружит, что при существующей структуре управления "сильная" власть висит в воздухе, что система, когда Президент правит страной через Политбюро, ЦК, обкомы и райкомы совершенно абсурдна. И значит, нравится это самому Президенту или нет, нужно создавать другую структуру, наделяя реальной властью парламент, суды, местные органы управления. Потому что иначе никакого управления не будет, а будет *балаган*, который мы ныне и наблюдаем на всех уровнях. И тогда дело неизбежно кончится революцией, сколько бы ее ни заклинали.

Конечно, при обсуждении вопроса об учреждении президентской власти Межрегиональная группа оказалась в трудном положении. Уже одно то, что партийный аппарат, раньше не желавший и слышать о таком решении, довольно дружно поддержал Горбачева, не могло не вызвать подозрений. Наделить огромной властью человека с философией марксиста и замашками диктатора было страшно. Но альтернативный вариант был только один: сохранить систему в неприкосновенности. Весь этот балаган из Съезда, Верховного Совета, партийных секретарей, министерств, фиктивных советов, фиктивных прокуроров и судей. Или... Или надо было призывать к революции, для которой нет условий и чьи последствия непредсказуемы.

Как восприняла эту дилемму оппозиция? Часть Межрегиональной группы выступила против самого института президентства на том основании, что для него пока нет предпосылок (полноценный парламент, независимый суд и т.д.). На практике, независимо от намерений, это и означало сохранение системы. Другая часть депутатов, в принципе одобряя переход к президентскому правлению, настаивала на всенародных выборах. Зачем? Из принципа. Ведь было ясно, что альтернативы Горбачеву нет: итоги голосования были бы примерно такими же, как на Съезде. Самое худшее, что противопоставить ему своего кандидата группа была не в состоянии. Вряд ли Рыжков или Бакатин — те фигуры, которых межрегионалы предпочли бы видеть в президентском кресле.

Пожалуй, убедительнее позиции тех депутатов, которые голосовали за президентство, но против Горбачева. Интересно сравнить данные: если голосование по первому пункту дало 133 голоса против, то по второму (против Горбачева *лично*) голосовало уже около пятисот — почти четвертая часть всего состава Съезда. Факт, над которым стоило бы задуматься всем: и самому Президенту, и его оппонентам.

Очевидно, что авторитет М.С.Горбачева совсем не так велик и продолжает падать. Об этом свидетельствуют и отзывы ("У нашего будущего президента мно-

го качеств, характерных для диктатора". — "Собеседник"), некоторые опросы. Популярность Горбачева колеблется. Временами он лишь немного опережает депутата Собчака, заметно уступая покойному Сахарову. И если положение его достаточно прочно, то потому, что он, во-первых, умело *балансирует* между левыми и правыми, причем и те, и другие не столько поддерживают его, сколько считают *меньшим злом*. А во-вторых, его относительная сила в слабости оппозиции, которая до сих пор не сумела выдвинуть из своей среды авторитетного лидера. С особой наглядностью это выявилось при выборах председателя Верховного Совета. Лукьянов — не Горбачев, с ним можно конкурировать уже сегодня. Однако оппозиция раздробила свои голоса между многими кандидатами. А ведь бывают обстоятельства, когда рекомендацию классика следует трактовать наоборот: "Чтобы потом размежеваться, надо сначала объединиться".

Странно, что время идет, а оппозиция ничему не учится. Те же митинговые речи. То же неумение уложиться в регламент. Та же беспомощность в вопросах процедуры. Легкость, с какой Горбачев при голосовании поправок к Закону о президентстве обвел почтенных депутатов вокруг пальца, вызывает уныние. Разумеется, Президент, жонглирующий параграфами (а то и просто передергивающий правила), — фигура не очень достойная. Но и депутаты, неспособные разгадать простейшие приемы фокусника, особого уважения не вызывают. Тем более что прошедший Съезд был уже не первым, а *третьим*.

Чему-то, наверное, не грех бы и поучиться.

4. Сейчас специалисты — и отечественные, и зарубежные — глубокомысленно рассуждают о том, *какую* из президентских систем больше напоминает наша: американскую или французскую. Если судить по объему полномочий... Но если принять во внимание, что сохраняется пост премьер-министра... Думаю, что ни судить, ни принимать во внимание не надо. Наша система не имеет с двумя указанными *ничего* общего. Единым термином "институт президентства" обозначаются в данном случае два *принципиально различных* строя: демократический и авторитарный.

Важно не то, *кто* выбирает президента: парламент или народ. Важно — *как* его выбирают, по какому признаку. Очевидно, что таким главным, характеристическим признаком является *программа*. Говорят, что программы основных кандидатов на пост президента США, республиканского и демократического, мало отличаются одна от другой. Это верно в том смысле, что никто из претендентов не выступает за войну, не предлагает объединить фермеров в колхозы или конфисковать банковские вклады частных лиц, если они превышают 10 тысяч долларов. Верно, на *наш взгляд* различия в программах невелики. Только ведь наш взгляд тут ни при чем, ибо голосуем не мы, а американцы. Для американцев же различия в программах достаточно существенны, даже принципиальны.

К сожалению, на выборах президента нам снова не повезло: и Бакатин, и Рыжков сняли свои кандидатуры. В результате мы лишились уникальной возможности сравнить их программы с программой Горбачева. Ведь на сей раз (не в пример первому Съезду, когда Михаил Сергеевич баллотировался на скромный пост Председателя Верховного Совета) его программа была оглашена заранее. Это так называемая Платформа ЦК КПСС к XXVIII съезду партии.

К самой Платформе мы вернемся чуть позже, пока же отметим тот поразительный факт, что программа Президента почему-то имеет вид Платформы ЦК некой (теперь уже одной из многих) партии и адресована она не народу и не высшему органу государственной власти, а будущему съезду партии. Я понимаю, конечно, что КПСС — партия правящая. И все-таки, согласитесь, есть здесь какое-то *неуважение* к выборам. Главное — их внутрипартийные дела, а уж в том, что Съезд

депутатов выберет Президентом кого следует (с программой или без) никто не сомневается.

То же неуважение явственно ощущалось и на самом Съезде — при обсуждении статуса президентской власти. Будущий Президент, выступавший в роли председателя того собрания, которому предстояло его избрать, играючи отметал вносимые депутатами поправки. Да и сами депутаты, по-моему, относились к этой процедуре не очень серьезно. Всем участникам действия было ясно, что в конечном счете совсем не так важно, каким будет закон о президентстве, ибо полномочия Президента будут определяться чем угодно, *но только не законом*.

Президентский режим в США существует двести лет. Правовая основа этого режима, конституция, хорошо известна. Допустим на минуту, что наш Съезд просто принял бы американскую конституцию со всеми ее многочисленными поправками и многотомными комментариями. Гарантировало бы это нас от злоупотреблений президентской властью? Разумеется, нет. Потому что разделение властей, зафиксированное в американском законе, — лишь *одно* из условий соблюдения этого принципа на практике. Другое, еще более важное, — наличие органов, *обладающих* реальной властью и ревниво следящих, чтобы их прерогативы не нарушались, чтобы какая-либо из "конкурирующих" инстанций не посмела вторгнуться в отведенную им законом сферу деятельности.

Естественно предположить, что соперничество должно было приводить к трениям и конфликтам между тремя полюсами власти. Так оно и есть. Не станем рассматривать тот гипотетический для Америки (но весьма актуальный для нас) случай, когда бы исполнительная власть арестовала гражданина, объявив его, например, "врагом народа". Последствия такой самодеятельности очевидны, очень серьезные последствия. И если в истории Соединенных Штатов не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего массовый террор, то объясняется это не "духовными традициями народа", а вполне земными, материальными причинами.

Конфликты президента с конгрессом хорошо известны: Уотергейт "иранское дело", отклонение сенатом предложенных президентом кандидатур министров, послов, членов Верховного суда. Менее известны случаи, когда одной из сторон в споре оказывался Верховный суд. Конечно, суд не может отменить распоряжение президента или закон, принятый конгрессом. Зато он может признать закон "неконституционным" и лишить его правовой защиты. В результате создается парадоксальная ситуация: закон есть, но его как бы и нет, ибо нарушение *незаконного* закона в судебном порядке не наказуемо, а другого в Америке нет.

Понятно, что само существование "треугольника сил" предполагает полную независимость каждого из носителей власти. У нас этой независимости и не было, и быть не могло, ибо любые органы (законодательные, исполнительные, судебные) были *органами партии*.

Давайте посмотрим, что происходит сейчас. Предложение передать функции конституционного надзора Верховному суду отклоняется — а то как бы этот суд не вообразил, что он и в самом деле верховный, наделенный реальной властью. Избран парламент, но такой, что и сам он почти не работоспособен, и его депутатов председатель может обрывать на полуслове, как мальчишек.

Все это говорит к тому, что сравнивать нашу президентскую систему с американской или французской — занятие пустое, зряшное. Если свобода действий *тамошнего* президента ограничена другими центрами власти и законом, то у нас *подобных* ограничений нет. Наш Президент может спокойно обойти закон, может нарушить. Кто с него спросит?

И тем не менее отсюда не следует, что наш Президент обладает несравненно большей властью, чем французский или американский. Все обстоит как раз наоборот. Да, власть их президента ограничена рамками, но зато в этих рамках она действительна и реальна. Напротив, власть нашего Президента вроде бы безгранична. Однако это иллюзия, ибо практически у этой власти нет *опоры*, она суще-

ствуется в *вакууме*. Едва ли не *единственный* инструмент, с помощью которого Президент может заставить выполнять свою волю, — внутренние войска. А это средство не только не очень надежное, но и отнюдь не универсальное.

5. Время от времени наш Президент напоминает публике, что стоит на марксистско-ленинских позициях и является убежденным сторонником социалистического пути. Однако на Западе его считают прагматиком, то есть человеком, сверяющим свои действия с результатом. Именно этот подход вынуждает Горбачева — при всей его осторожности, при всей оглядке на консерваторов — вяло и медленно, но идти вперед. И продвинулся в этом направлении он довольно далеко — во всяком случае, от правоверного марксизма. Пресловутая "платформа" может вызывать раздражение (расплывчатостью, половинчатостью, обилием лозунгов и заклиний), но будем объективны: подобная платформа не могла появиться ни в начале перестройки, ни даже два года назад. Лишь сейчас значительная часть общества подошла к восприятию таких институтов, как частная собственность, право народов на самоопределение, многопартийность.

Разумеется, степень постижения этих понятий *партией* не следует преувеличивать. В лучшем случае Платформа ЦК КПСС соответствует уровню сознания сегодняшнего обывателя. А ведь это *программа*, то есть план действий, рассчитанный на *будущее*. Иначе говоря, платформа заранее ориентирует страну на *отставание*. Впрочем, все последние годы партия только тем и занимается, что отстает от событий. Это ее *перманентное* состояние.

Я собирался подробно анализировать платформу. Но, кажется, в этом нет надобности: такую работу уже проделал Гавриил Попов в статье "За что голосует Россия" ("Огонек", № 10, 1990). Меня сейчас интересует другое: *взаимосвязь* между тем, что записано в платформе, и конкретными действиями Горбачева. Поэтому что хотя это вроде бы и его программа, но все-таки так прямо об этом нигде не сказано. Да и сама *расплывчатость* платформы в данном случае, может быть, и благо: она способна вместить едва ли не любое содержание.

Момент этот чрезвычайно важен. Ведь если Платформа ЦК КПСС рассчитана на очередной "междусобойчик", будь то прошедший Пленум ЦК или предстоящий съезд партии, — то особого значения она не имеет. Но если Президент Советского Союза намерен в своей деятельности руководствоваться партийным толкованием этого документа, вот тогда беда.

Попробуем показать это на примерах. Каждому мало-мальски думающему человеку сейчас ясно, что среди множества проблем есть две *ключевые*, от решения которых зависят судьбы страны. Это отношения собственности и национальный вопрос.

Начнем с первой. Соответствующий раздел платформы озаглавлен так: "За эффективную планово-рыночную экономику". Перед нами явный оксюморон — конструкция того же типа, что горячий лед или веселый покойник. Правда, нас уверяют, что и Запад теперь шагу не делает без *планирования*. Пусть так. Только ясно, что это совсем не то планирование, *другое*. Не более логичен и следующий основополагающий пассаж: "КПСС считает, что современному этапу экономического развития страны не противоречит наличие трудовой индивидуальной собственности, в том числе на средства производства. Использование любой формы собственности должно исключать отчуждение работника от средств производства и эксплуатацию человека человеком".

Лет пять назад появление подобной абракадабры можно было объяснить обычным экономическим невежеством авторов платформы и приверженностью к пустой риторике. С тех пор, однако, нам столько толковали про собственность, отчуждение, эксплуатацию (человека человеком и человека государством), что на вульгарную безграмотность всего уже не спишешь. И тот, кто сочинял этот текст, и тот,

кто его редактировал, преследовали совершенно определенную цель. Любопытно в этой связи, что стенограмма заседаний февральского Пленума ЦК, посвященных обсуждению *именно этого пункта* платформы, не попала в массовую "Правду", а появилась лишь в специальном издании — "Известиях ЦК КПСС".

Итак, академик Шаталин, экономист с мировым именем, пытается объяснить участникам Пленума, что запрет на "эксплуатацию" надо из платформы убрать — иначе никакой реформы не будет. Публика возмущена, Шаталину не дают говорить. Заместитель председателя Совета Министров Бирюкова, курирующая производство товаров для населения, считает, что и этой формулировки недостаточно, надо еще запретить применение *наемного труда*...

Экономическое невежество? Само собой. Однако не надо упрощать. Ничего не понимая в собственно экономике, эти люди кожей чувствуют *опасность*. Их общественную собственность хотят у них отобрать и отдать частнику, хотят лишить их исключительного права эксплуатировать человека. Конечно, от имени государства!

Пункт об эксплуатации вносится в Платформу ЦК и становится, таким образом, обязательным для Генерального секретаря. Он, этот пункт, повторяется и в Законе о собственности, а закон, разумеется, обязателен и для Президента. Таковы исходные позиции, с которых Горбачев собирается приступить к радикальным экономическим реформам. А ведь именно ради выполнения этой великой задачи он и взвалил на себя тяжкий груз президентства...

Конечно, мне скажут, что все не так просто. Горбачев — опытный человек, и принял он эту нелепую оговорку затем, чтобы успокоить консервативных участников Пленума, которые в свою очередь выражают настроение консервативных слоев населения. Зато потом, пользуясь данной ему властью президента... Но в том-то и суть, что проводить в жизнь закон будет не президент, а те самые консерваторы, которые потому и оказались участниками Пленума, что занимают соответствующие посты. И толковать закон в нужном направлении им будет тем легче, что у них и среди населения немало сторонников — тех самых консерваторов, ради которых Горбачев отказался от самого термина "частная собственность" ("поскольку многие товарищи из рабочих коллективов, секретари парткомов... поднимали вопрос о том, что у народа, в массе, так сказать, он вызывает негативное отношение").

У этой тактики (может быть, и не лишенной своей логики) есть, однако, принципиальный недостаток: она не учитывает реального положения в стране. Сейчас я имею в виду даже не пустые прилавки магазинов и не инфляцию. Речь идет о чем-то неизмеримо более существенном — о *развале самого экономического механизма*. Консерваторы в ЦК и партийных комитетах могут сколько угодно упражняться в риторике, требуя нажать, обязать, подтянуть дисциплину; консервативные слои населения могут поддерживать их звонкими возгласами одобрения; экономисты-антирыночники могут предлагать превосходные методы лечения ("нравственная экономика", "патриотическая экономика", широкое использование соцсоревнования), — все это *бесполезно*. Сломанный механизм работать не будет, даже если все его винтики, шестерни и целые узлы примутся дружно призывать друг друга трудиться с полной отдачей сил. В последние месяцы это стало вполне очевидным. Если раньше публикуемые статистические показатели еще как-то ковыляли вверх, то с нынешнего года (и это признано официально) они поползли вниз: в первом квартале этого года национальный доход был ниже, чем в предыдущем, уменьшился и объем товарной продукции.

Но это бы еще полбеды, ибо негодный механизм можно заменить, как это делается сейчас в Восточной Европе. Однако — и вот это уже настоящая беда — общественное мнение в стране настолько взвинчено, что любые серьезные перемены способны вызвать *взрыв*. Это вовсе не значит, что основная масса населения отвергает рыночную экономику. Просто в сознании среднего человека все переме-

шано. Осколки старых лозунгов о социальной справедливости и рассказы, как живут там, страх перед безработицей и душераздирающие истории о ста тысяч отечественных миллионеров, рвущихся к власти, вопли об эксплуатации ("зато, знаете, как они вкалывают") и робкая надежда иметь на старости лет свой домик, свой огород...

Преодолеть эту сумятицу настроений можно только одним способом — полной *откровенностью*. Давно пора объяснить людям простые, в сущности, вещи. Что государственная собственность на средства производства полностью себя дискредитировала. Что переход к свободному рынку будет трудным для всех: и для народа, и для государства. Что иного выхода нет, ибо альтернатива рыночным отношениям сегодня — не привычная *командная экономика*, а *экономическая катастрофа*.

Я знаю, что обо всем этом теперь пишут газеты, говорят экономисты, сам Михаил Сергеевич осторожно намекает, что без свободного рынка нам, похоже, не обойтись. Но тут же печатаются совсем другие статьи, бьют в набат защитники трудящихся — профсоюзы, призывают "защитить социализм" отставные полковники и герои-антирыночники, рассказывает колхозные сказки дед Кузьмич, тот же Михаил Сергеевич клянется в верности марксизму-ленинизму...

При желании все это можно назвать плюрализмом, можно и гласностью. Но можно найти и слова попроще — скажем, *нерешительность*. Похоже, что Горбачев, как выражаются в их кругу, пока не *определился*. Понимая, что старый механизм не работает, он все еще надеется, что механизм удастся починить, придумать какую-то хитрую деталь, которая сделает его работоспособным. Уж очень ему *не хочется* расставаться со всей этой стройной системой: ЦК и обкомов, Госплана и министерств, просто управлений и управлений главных.

Между тем, если стране нужен Президент (а я думаю, что он нужен), то прежде всего именно затем, чтобы осуществить этот тяжелейший переход. Переход не только экономический, но и всякий иной — психологический, нравственный, политический. И тут не грех употребить ту действительно большую власть, которую закон дает Президенту. Не для того, конечно, чтобы сажать противников перестройки или ограничивать гласность. Совсем для другого. Для принятия четких, не допускающих "кривого" толкования законов. Для наказания лиц, которые *законов* не выполняют. Для *защиты* всех типов собственности — в том числе частной. Для разъяснения народу, что белое — это белое, а черное — черное и никакими идеологическими заклинаниями этот простой факт не изменишь.

Вторая проблема, которую предстоит решить Президенту, — национальная. Проблема, и сама по себе трудная, до предела осложнена бездарностью режима, преступлениями, бесконечной демагогией, где все перемешано: национальное, интернациональное, дружба народов, первый среди равных...

Чтобы выйти из той невероятной ситуации, когда все народы страны оказались в положении униженных и оскорбленных, нужна программа, построенная на совсем иной основе, *антиимпериалистической*. Каждая республика должна сначала ощутить себя суверенным государством, входящим в Союз *заново* — на добровольных и четко обозначенных условиях, которые включали бы реальные гарантии ее прав.

Что же предлагает в этом смысле Платформа ЦК КПСС? Слова, много слов, полный набор слов. Слов об экономической самостоятельности и необходимости центра, действующего на макроуровне... о независимости и единстве в многообразии... о самоопределении наций и сохранении целостности страны... Только пробившись через этот плотный частокорд, начинаешь улавливать *главную* идею, общую для всей программы перестройки: *сохранить* прежнюю систему, внеся в нее лишь те коррективы, без которых система сегодня существовать не может.

Первый (но весьма впечатляющий) пример реализации этого принципа платформы — "Закон о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР". Закон этот, видимо, заслуживает отдельного разговора. Однако

основная его тенденция очевидна: разрешить выход республик из Союза на условиях, делающих его *невозможным*. "Центр" явно исходит из того, что нынешнее положение вещей республикам надлежит принимать как *данность*, а любое действие, направленное на восстановление суверенитета, — как *подарок* центра республикам; подарок, который центр вовсе не обязан был делать, ибо за ним — *сила*. Ясно, что если такова исходная позиция, то ведет она прямо в тупик.

6. С момента установления в СССР президентской власти прошло совсем немного времени. Но именно первые шаги Президента заслуживают особого внимания, ибо, делая их, Горбачев не мог не учитывать того, что по ним и страна, и мир будут судить о *направленности* его политики.

Автор апрельской статьи "Правды", которая так и озаглавлена: "Первые шаги президента", вынужден констатировать, что "ощущение свежести, новизны, которого мы ожидали сразу же после введения президентской власти, еще не пришло" ("придет, видимо, позднее"). Гораздо печальнее, однако, что за этот месяц успело возникнуть другое ощущение — сохранения прежней политики. Политики топтания на месте, риторики, подменяющей дело, полумер, которые в конкретных обстоятельствах равнозначны бездействию.

В самом деле. Легко видеть, что основное внимание Президента сконцентрировано на Литве. Казалось бы, это естественно: от того, как будет урегулирован первый открытый конфликт между республикой и Союзом, во многом зависит будущее страны. В этих обстоятельствах следовало бы ожидать, что Президент проявит лучшие качества: государственную мудрость, терпение, широту... Вместо этого нам продемонстрировали полный набор приемов совсем другого рода: детский спор на тему о том, может ли Союз вести переговоры с собственной республикой, решение конфликтов между компартиями с помощью арбитров из состава внутренних войск, угрозы, ультиматумы, придирки, просто мелкие пакости. А в общем, хорошо знакомая нам по прежней, допрезидентской, эпохе *практика демократического централизма*...

Другая заметная акция — создание Президентского Совета. При нынешней нашей любви к передовому зарубежному опыту этот Совет тут же поспешили объявить аналогом американского Совета национальной безопасности. Однако что же тут общего? Американский Совет имеет абсолютно четкую направленность: он призван содействовать президенту в кризисных ситуациях, ставящих под угрозу национальную безопасность Соединенных Штатов. Понятно, что в его состав входят соответствующие специалисты: министр обороны, председатель Объединенного комитета начальников штабов, руководители разведки.

Знакомство с составом нашего Совета свидетельствует, что для этой цели Совет мало пригоден. Писатели, ученые, партийные деятели, хозяйственники... Вряд ли от этих людей можно ожидать *компетентных* рекомендаций в сфере национальной безопасности. Можно, разумеется, допустить, что Президент ввел в свой Совет толковых и умных людей, которым доверяет. Но все-таки по специальным вопросам желательно слышать мнение не просто умных людей, а еще и специалистов. Пока же впечатление такое, что Президента больше всего волнуют проблемы партии и литературы. Именно эти проблемы он собирается, видимо, решать в первую очередь.

А перестройка экономики? А национальный вопрос? От кардинальной перестройки экономики в очередной раз отмахнулись с помощью постановления Совета Министров "О подготовке материалов, необходимых для осуществления перехода к планово-рыночной экономике". Смысл этого документа можно выразить словами: "Ужо грядет, честное слово, грядет". Но, помилуйте, *что* грядет? О *какой* реформе идет речь? Как же все-таки страна собирается переходить от командно-административных методов к рыночным? Наверное, граждане страны имеют право

это знать. Оказывается, очень просто: до 1 мая будут представлены 12 проектов законов, 3 проекта постановлений Верховного Совета, 14 проектов постановлений Совета Министров. Уф!

Еще проще с национальным вопросом. Тут, слава Богу, Президентский Совет может не напрягаться, поскольку есть другой совет — совет федерации. О его составе нам ничего не сообщили. Да и зачем? В него входят по должности "первые лица" республик. Как известно, первыми их сделал не народ, а тот же "центр". И теперь центр будет совещаться с ними, вырабатывая условия союзного договора, приемлемые для республик. Я не хочу сказать, что интересы этих "представителей" республик полностью совпадают с интересами центра. Есть у них, несомненно, и собственные интересы: например, сохранить за собой кресла первых. Конечно, по нынешним временам им придется лавировать, учитывая не только волю центра, но и процессы, идущие на местах. Но способны ли эти люди выразить волю представляемых ими народов? Да и просто, знают ли они эту волю? Вспомним, что первого секретаря ЦК КП Азербайджана не только сняли с высокого поста, но и исключили из партии, что другой деятель того же ранга, секретарь ЦК КП Таджикистана, лишь с помощью внутренних войск удержался на пьедестале, что национальные бури пронесли над Узбекистаном, Молдавией, Казахстаном, Грузией.

Похоже, что политика Президента по отношению к Литве как раз и направлена на то, чтобы разом решить все проблемы. Как, каким способом? *Устрашением*. Смотрите, народы, что будет с теми, кто воспримет 72-ю статью Конституции буквально и вообразит, что республика в самом деле может выйти из СССР.

Все это поразительно плоско и примитивно. *Рубить* узлы власть уже не решается, *развязывать* еще не может, не приучена. Любой вопрос — экономический, политический, национальный — *прорабатывается* в кругу: секретари, председатели, зав и замзав отделами. Где одобренный Верховным Советом закон о печати? Гуляет по кабинетам. Президент и его совет заняты делом куда более важным: придумывают, чем бы еще досадить Литве.

7. На Западе Горбачева считают фигурой трагической. Правые никогда не простят ему подрыв основ, поддержке левых он теряет. Его критикуют со *всех* сторон: развалил социалистический лагерь... нет четкой программы действий... идет на поводу у радикалов... потакает консерваторам... теряет популярность...

И все-таки опросы свидетельствуют, что популярность Горбачева пока достаточно высока: его деятельность одобряет от 40 до 72% опрошенных. Кто же составляет его опору? *Обыватель*. Тот самый рядовой человек, что, прожив семьдесят лет в призрачном мире лозунгов и заклинаний, сумел сохранить здравый смысл и живое ощущение реальности. Этот здравый смысл подсказывал ему, что надо не строить коммунизм, а просто жить: правдами и неправдами что-то доставать, тянуть до зарплаты, выводить детей в люди. И мечтать лучше не о светлых далях, а о пенсии, скромном достатке, маленьком домике у реки.

Этот человек привык *бояться*. Сначала он боялся наших славных *органов*, потом войны. Чего он боится сейчас? Многого. Роста цен и введения карточек. Погромов и кооперативов. Революции и возврата к эпохе культа.

Горбачев и привлекает его умеренностью, видимым стремлением избегать крутых мер, резких шагов, внезапных поворотов. Ничего худого в этом "консерватизме" нет. Переход из мира *призраков* в *живой мир* (со всеми его действительными и воображаемыми сложностями) требует осторожности. Человек должен освоиться с новыми для него понятиями: *частная лавочка, своя земля, банк, акции*... Страна хотела бы избежать крайностей. Это хороший признак — значит, семьдесят лет не прошли бесследно, чему-то мы научились.

Обыватель умеет терпеть, привык. Все, однако, имеет свои пределы. Положение не улучшается и даже не остается неизменным. Оно *ухудшается*. Об этом свидетельствуют уже не только полки магазинов, но и официальные сводки. Похоже, все *настолько* плохо, что скрывать дальше невозможно. Пора что-то делать.

Именно этим обыватель и объясняет введение поста Президента. До сих пор, должно быть, Горбачеву не хватало власти. Теперь она у него есть. Генеральный секретарь мог *говорить*, Президент обязан *делать* — такая это должность. Конечно, ему не возбраняется ссылаться на кого угодно: на Президентский Совет, на ЦК и Политбюро, на противников перестройки. Однако спрашивать будут с него. Впервые со времен Ленина в Советском Союзе появился руководитель, *открыто* взявший на себя всю полноту власти и всю полноту ответственности. Круг замкнулся. До сих пор мы не знали, кто послал войска в Афганистан, кого осенила идея перебросить на юг северные реки, кто не предотвратил погромы в Баку. Теперь мы будем это знать, — у страны появился Президент. Ему и предстоит создать государственную систему, которая сможет функционировать *нормально*.

И Горбачеву придется этим заняться, ибо правила игры изменились, в системе появилась обратная связь. Генсека избирали за кулисами. Понятно, то, что происходило в этом *кругу*, и было для него *самым важным*. Но времена единогласия (пусть даже иллюзорного) кончились. Горбачев получил 500 голосов против. Что будет завтра?

Именно эти обстоятельства, по-моему, и дают основания для *сдержанного* оптимизма. Начав управлять, Президент очень скоро обнаружит, что режим партийного подполья для этой цели не подходит, что все атрибуты демократического строя — сильный парламент, независимый суд, выборные органы на местах — возникли в мире не потому, что кому-то так захотелось, а потому, что без них государство жить не может. Не может нормальное государство жить и без многого другого. Не без "индивидуальной трудовой", а без частной собственности; не без планово-рыночной, а без просто рыночной экономики; без законов, закрепляющих не "открытый" классиками, а естественный, формировавшийся столетиями порядок вещей.

С установлением президентской власти страна вступила в новый этап своей жизни. Конечно, может случиться так, что сам Президент, воспитанный в добрых старых традициях партвласти, этого не поймет. Что ж, и в этом случае он останется в истории как человек, давший первый толчок. Президент уйдет, институт президентства останется. ●

Эстония Снова о Баку

ЭСТОНСКИМ ПУТЕМ

На фоне бурных литовских событий Эстония выглядит как зона штиля. Центральная пресса старается не привлекать к эстонским делам внимания, чтобы Литва выглядела одинокой, изолированной мятежницей. Даже о постановлении Верховного Совета Эстонии «О государственном статусе Эстонии», которое в сущности является декларацией о восстановлении независимости, «Известия» сообщили под туманным заголовком: «Объявлено о начале переходного периода», и лишь по последним строкам этого нарочито невнятного текста можно догадаться о существовании происшедшего. Москва явно не хочет открывать «второй фронт».

С другой стороны, такое «отсутствие внимания», очевидно, вовсе не удручает эстонцев. Цель их — как, впрочем, и цель всех прибалтийских республик — вовсе не шумная конфронтация и скандал, а реальное осуществление государственной независимости при сохранении всех взаимовыгодных связей с бывшей метрополией (разумеется, на основе равноправия). Литва тоже предпочла бы более спокойный вариант, но кому-то надо прокладывать путь. Эстонцам, идущим в литовском кильватере, — легче. Между тем, процессы, протекающие в Эстонии, имеют не меньшее историческое значение, чем события в Литве.

Магической формулой, найденной эстонцами, стала идея «переходного периода». Здравая идея, позволяющая смягчить реакцию Москвы на разрыв. С другой стороны, какой-то переходный период так или иначе неизбежен — так почему бы его не предусмотреть в законодательном порядке?

Впервые идея «переходного периода» была воплощена в политический документ на XX съезде компартии Эстонии. Съезд провозгласил 25 марта создание самостоятельной компартии Эстонии. Однако, в отличие от литовской компартии, был установлен 6-месячный переходный период. Согласно «Статусу», «в переходный период коммуни-

сты республики путем индивидуального волеизъявления на основе программных документов, принятых XX съездом КПЭ, решат принадлежность к Коммунистической партии Эстонии».

Содержанием переходного периода «является формирование самостоятельного членства и организационной структуры КПЭ». Несмотря на это, руководители КПЭ (новым 1-м секретарем избран Э.-А.Силлари, а для теряющего популярность В.Вялса создана почетная должность председателя) упорно подчеркивают, что создание самостоятельной партии вовсе не означает выхода из КПСС. Вопрос этот, говорят они, решится после XXVIII съезда КПСС. Мудрое решение: есть серьезные основания полагать, что на этом съезде КПСС развалится вообще, так что уход маленькой эстонской компартии пройдет незамеченным — не в пример демонстративному уходу Браззавского со товарищи.

Впрочем, не пасьянсом компартий определяется теперь судьба Эстонии. В игру вступили другие силы.

2 февраля, в день 70-й годовщины Тартуского мирного договора между Эстонией и Советской Россией, подписанием которого закончилась Эстонская освободительная война, в Таллине в Городском холле состоялось собрание народных депутатов всех уровней, обсудившее вопрос о статусе эстонского государства. На собрании выступили председатель Президиума Верховного Совета А.Рюйтель и премьер И.Тооме, представители уездных и городских советов Эстонии, представители Народного фронта и Союза трудовых коллективов, Союза земледельцев и «зеленых», Совета церквей и Общества охраны памятников старины.

Собрание приняло декларацию по вопросу о государственной независимости Эстонии, которая оканчивается следующими словами:

«Собрание обращается к Организации Объединенных Наций, участникам Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, правительствам всех государств и к мировой общественности с

призывом понять и поддержать наши законные требования, наше очевидное право вернуть себе насильно отнятое у нас законное место среди независимых государств, к которым мы относились и к которым продолжаем морально и де-юре причислять себя уже семьдесят лет. Никогда больше решения и соглашения великих держав не должны определять судьбу малых народов и государств.

Собрание обращается к Верховному Совету СССР с предложением начать с законными представителями эстонского народа переговоры о восстановлении независимости Эстонского государства.

Собрание провозглашает:

в целях восстановления независимости Эстонской Республики и исходя из того, что Тартуский мирный договор продолжает действовать, Эстония через своих представителей начинает конструктивные переговоры со всеми сторонами, от которых зависит восстановление независимости Эстонской Республики де-факто.»

На принятие этой декларации немедленно резко отреагировала группа депутатов от Кохтла-Ярве, Нарвы, Силламяэ и Таллинна, представляющих русскоязычное население республики. Ими был создан Комитет защиты советской власти (красноречивое признание единства имперских и «советских» интересов»). Возглавил комитет В.Яровой. Однако трудно спасать пустую оболочку власти, которая на территории республики потеряла даже видимость легитимности.

23 февраля Верховный Совет ЭССР принял «Постановление о подготовке к государственной независимости Эстонии», в котором, в частности, говорилось: «предложить Съезду народных депутатов СССР начать официальные переговоры между Союзом ССР и Эстонской ССР о восстановлении независимости Эстонской Республики де-факто, основывающейся на признании действительности Тартуского мирного договора». Была сформирована Комиссия по вопросам экономической и политической независимости Эстонии.

30 марта открылась I сессия ВС ЭССР двенадцатого созыва, которой предстояло принять судьбоносные для республики решения. В новый эстонский парламент входит 105 членов, причем политический спектр депутатов представить нелегко. С одной стороны, в нем как будто 55 коммунистов, но эта цифра мало о чем говорит. Здесь и «самостоятельные», и приверженцы КПСС, и такие, которым, видимо, вскоре предстоит стать членами других партий. Более отражает суть дела другая классификация: 46 депутатов стоят на платформе НФЭ, 27 – сторонники «Интердвижения», Объединенного совета трудовых коллективов (русскоязычных) и Комитета защиты советской власти,

13 – члены блока «Свободная Эстония» (умеренные), по несколько человек представляют Союз земледельцев, «зеленых», Союз трудовых коллективов (не путать с ОСТК) и др.

Первым важным шагом нового парламента стала Декларация о сотрудничестве ВС ЭССР и Конгресса Эстонии: «Верховный Совет Эстонской ССР признает Конгресс Эстонии в качестве представительного органа граждан Эстонской Республики, восстанавливающего государственную власть Эстонской Республики.

Верховный Совет Эстонской ССР готов к сотрудничеству с Конгрессом Эстонии и Комитетом Эстонии в деле восстановления Эстонской Республики на основе правовой преемственности.»

Открытие Конгресса Эстонии

Конгресс Эстонии – уникальное политическое образование, аналогов которому нет в других прибалтийских республиках. Выборы в него были организованы Комитетами граждан и проходили параллельно с выборами в Верховный Совет. Выбирали граждане независимой Эстонской Республики (до 1940 г.) и их прямые потомки, что и обеспечивало упомянутую в Декларации ВС ЭССР «правовую преемственность». Первая сессия Конгресса, на которую было избрано 499 делегатов, прошла в Таллинне 12–13 марта. Признание Верховным Советом представительных функций Конгресса – важный шаг на пути дальнейшего формирования национальной солидарности в республике. За Декларацию о Сотрудничестве голосовали 71 депутат. 27 «защитников советской власти» высказались против.

Следующий шаг был еще более значительным. Большинством в 73 голоса против 8 при 3 воздержавшихся («защитники советской власти» в голосовании не участвовали) было принято Постановление о государственном статусе Эстонии:

«Верховный Совет Эстонской ССР утверждает, что оккупация Эстонской Республики Союзом ССР 17 июня 1940 г., не прервала существование Эстонской Республики де-юре: территория Эстонской Респуб-

лики является оккупированной до настоящего времени.

Верховный Совет Эстонской ССР, учитывая ясно выраженную волю эстонского народа к восстановлению самостоятельности Эстонской Республики и законной государственной власти:

- признает незаконной государственную власть Союза СССР в Эстонии с момента ее установления и провозглашает начало восстановления Эстонской Республики (*restitutio ad integrum*);

- объявляет переходный период, который закончится формированием конституционных органов государственной власти Эстонской Республики.

Верховным Советом Эстонской ССР разрабатывается временный порядок правления на переходный период, включающий правовые гарантии для всех жителей, независимо от национальности.

Настоящее постановление вступает в силу с момента принятия.»

Верховный Совет избрал Председателя Президиума, которым вновь стал уважаемый в Эстонии Арнольд Рюйтель. За него голосовало 84 депутата, против — 18. Премьер-министром был избран лидер Народного фронта Эдгар Сависаар, но куда меньшим большинством голосов: 54 против 32. Он приступил к формированию правительства.

По просьбе «Страны и мира» с премьер-министром Эстонии Э.Сависааром беседовал журналист Флеминг Розе.

* * *

Говорят, что вы — очень деловой человек, но вместе с тем вам, как большинству индивидуалистов, трудно будет работать в команде. И при голосовании в Верховном Совете по вашей кандидатуре вы получили минимальный перевес.

Э. Сависаар

По-моему, каждый эстонец — индивидуалист. Я не знаю, хорошо это или плохо, но это так. Что касается голосования, то, скажем, в Западной Европе или Америке, часто бывает, что человек, избранный на определенную должность, получает на 0,1–0,2% голосов больше, чем его соперник. Не следует это обстоятельство драматизировать.

Запад весьма осторожно реагирует на события в Литве, и в Прибалтике вообще, во всяком случае на официальном уровне. Каково ваше отношение к этому?

16 ноября 1988 г., когда мы приняли декларацию о суверенитете Эстонии, первоначальная реакция Запада тоже была довольно осторожной. Запад хочет посмотреть, что будет дальше. Я и не ожидал, что он очень быстро, очень энергично отреагирует.

Вы хотели бы другой реакции?

Конечно. Я считал бы естественным, если бы западные государства более положительно, более энергично отнеслись к литовским делам. Если потом произойдет реакционный переворот в политике Москвы, то будет уже поздно сожалеть, говорить: «Мы этого не хотели, извините». Тогда уже поздно будет реагировать и протестовать. Реагировать надо сейчас.

Сейчас процессы восстановления самостоятельности в Эстонии и Литве идут более или менее параллельно. Вы считаете, что это помогает вам или мешает?

Я думаю, что Прибалтика сейчас более интегрирована, чем в первой половине XX века. По-моему, в 1939 г. нас потому и сумели включить в Советский Союз, что каждая республика занималась только своими вопросами, и не было интеграции. Сейчас такая интеграция есть и на экономическом уровне, где заключен договор о Балтийском рынке, и на политическом уровне. Наши депутаты в Москве работают совместно. Так что, по-моему, вопрос об интеграции мы решили. Проблемы у нас ведь одинаковые и цели тоже одинаковые. То, что литовцы начали немножко иначе, чем мы, я думаю, — положительное явление. И наш путь, и литовский путь имеют свои преимущества, это зависит от местных условий. У нас, скажем, демографическая ситуация совсем иная, есть и другие различия. Но это не мешает нам совместно работать.

Вы могли бы подробнее рассказать об экономической и политической интеграции? Что представляет собой Балтийский рынок?

В мае прошлого года состоялось первое заседание Балтийской ассамблеи, где собрались представители Народных фронтов Эстонии и Латвии, и литовского «Саюдиса». Был образован так называемый Балтийский Совет. Это политический координационный орган народных движений Прибалтики. Он заседает примерно один раз в месяц, если надо и чаще. Мы заседаем в Литве в городе Паневежисе, в Латвии в городе Цесисе и у нас в городе Пярну. После этого началось сотрудничество и на уровне определенных министерств, а также на уровне правительств. Договор о Балтийском рынке был подписан еще в конце прошлого года, но тогдашнее литовское правительство старалось не заниматься этим, потому что это была инициатива «Саюдиса». У них там были свои противоречия. Конечно, с образованием нового правительства в Литве ситуация изменилась: оно было очень заинтересовано в том, чтобы как можно быстрее подписать этот договор.

К чему сводится этот договор? В каких областях именно собираетесь вы сотрудничать?

Наши экономисты считают, что мы втроем сумеем обеспечить сельскохозяйственный рынок, рынок пищевых продуктов на 90% и рынок промышленных товаров – примерно на 70%. В случае экономической блокады или просто упадка экономики на Востоке, если мы не сможем оттуда получать сырье или комплектующие изделия, то мы сможем все-таки в какой-то мере обеспечить свой внутренний рынок. Это один момент.

Второй момент – обеспечение разделения труда между тремя республиками. Я приведу такой пример. Когда мы первый раз встречались, мы узнали, что каждая из трех республик собирается строить завод по производству маленьких тракторов для крестьян-единоличников. Но, видимо, в этом нет необходимости, хватит, если только один из нас будет строить такой завод.

Предусмотрена также координация экономической политики и в восточном, и в западном направлении. Это касается и инвестиций, и закупок. Часто бывает, что за большую партию товара мы платим меньше, тогда мы заинтересованы в том, чтобы три республики производили закупки совместно. Есть и другие преимущества.

Если говорить о политической координации, то я слышал в Вильнюсе, что уже разработан план действий на случай ввода советских войск.

Ну, советских войск и сейчас достаточно много. Насколько мне известно, их пример-

но такое же количество, как в сороковом году, то есть плотность войск в несколько раз больше, чем в среднем по Советскому Союзу. Вопрос не в том, что у нас есть советские войска. Скажем, американские войска есть и на Филиппинах, в Западной Европе и т.д. Вопрос в том, что мы не контролируем свою территорию.

Вы оптимистически относитесь к осуществлению реальной независимости Эстонии?

В жизни я оптимист, а в политике скептик. Я считаю, что историей нам дан определенный шанс, и глупо было бы не использовать этого. Но одновременно я знаю, что есть много не зависящих от нас факторов, создающих неопределенность. Наш народ настроен однозначно в пользу независимости, и все-таки воля всего народа – это очень сильный фактор.

Вы являетесь соавтором программы IME. Вы могли бы вкратце рассказать, как появилась эта программа и на каком этапе осуществления вы сейчас находитесь?

Программа появилась давно, еще в 1987 г. Программа имеет две основные цели. Во-первых, эта экономическая самостоятельность. Вторая цель – это переход к рыночной экономике.

Что мы до сих пор сделали? У нас выработано новое законодательство. В течение последних месяцев прошлого года принят целый ряд новых законов по основным вопросам экономики и народного хозяйства.

Далее, во второй половине прошлого года происходили важные переговоры с Москвой, в результате которых нам удалось добиться контроля над связями эстонского бюджета и всесоюзного бюджета. До сих пор мы не могли контролировать движение своих денег между Таллинном и Москвой, сейчас мы можем это делать. Далее, у нас подготовлен целый ряд законопроектов по внешнеэкономическим вопросам, и, кажется, мы получим здесь положительную реакцию Москвы. Мы на это надеемся, по крайней мере.

Наконец, у нас с Рыжковым подписано соглашение о том, что более сорока общесоюзных предприятий и организаций они передают в ведение Эстонской Республики. Но мы хотим добиться, чтобы их было гораздо больше – сто пятьдесят. Мы продолжим эти переговоры. Я надеюсь, что в будущем мы этого добьемся.

А что вы собираетесь делать с валютой? Прунскене планирует замену валюты, она хочет выпустить литы, и уже, по-моему, там разработан конкретный план действий. А как у вас?

У нас тоже эстонский банк этим занимается, и мы надеемся перейти на свои деньги с начала следующего года.

И как вы собираетесь определить курс своей валюты?

Есть несколько вариантов. Видимо, об этом будут большие споры. Здесь возникает и вопрос о деньгах, которые находятся в сберкассах, и целый ряд других горячих вопросов.

А конечная цель — это конвертируемость эстонской валюты?

Это, я думаю, цель каждого государства.

Прунскене говорит, что она хочет сначала установить курс по отношению к рублю 1:1, но по мере приватизации литовской экономики курс лита автоматически возрастет, и рубль не будет более иметь обращения в литовской экономике. Будет ли рубль иметь обращение в Эстонии?

Я думаю, что на определенном переходном этапе будут иметь обращение обе валюты. Ну, это, конечно, не окончательное решение.

Как вы конкретно себе представляете выход из прибалтийского кризиса? Не кажется ли вам, что Верховный Совет в Москве сделал поворот вправо, приняв целый пакет законов, имеющих в общем-то направление, противоположное тому, к чему вы стремитесь?

Выход может быть найден только посредством политических переговоров. Но, по-моему, все-таки в Москве сейчас имеет место не только правый уклон. Одновременно усиливается и демократическое крыло. Посмотрите на результаты выборов в Верховный Совет Российской Федерации, в городской совет Москвы и т.д. Нельзя сказать, что происходит только поворот вправо, одновременно есть тенденция и к движению налево.

Что бы вы хотели сказать западным руководителям, если бы получили возможность сделать это в двух словах?

Если вы сейчас хотите помочь Эстонии, тогда помогайте Литве. Ключ к балтийским вопросам сейчас находится в Вильнюсе.

* * *

Да, литовская и эстонская линии постоянно переплетаются. Не зря через несколько дней после принятия Постановления о государственном статусе Эстонии депутаты принимают и заявление «О восстановлении независимости Литовской Республики»:

«Необходимо безотлагательно прекратить военный нажим со стороны СССР и политические провокации, цель которых — заставить народ Литвы отказаться от стремления к независимости и увековечить оккупацию Литовской Республики.

В это трудное для народа Литвы время Верховный Совет Эстонской ССР выражает полную поддержку его устремлениям, высоко ценит его мужество и выражает признание независимой государственности Литвы. Эстония готова к всестороннему сотрудничеству с Литовской Республикой.»

Решение эстонского парламента о восстановлении независимости сформулировано очень осторожно. Изменение государственных структур будет происходить постепенно. Действие Конституции СССР на территории Эстонии не отменяется немедленно. Тем не менее, смысл произошедшего от Москвы не ускользнул. О заседании Верховного Совета ЭССР 4 апреля ЭТА сообщило так:

«А.Рюйтель проинформировал депутатов о том, что накануне вечером у него состоялся продолжительный телефонный разговор с М.С.Горбачевым. Речь шла о принятом Верховным Советом ЭССР 30 марта постановлении о государственном статусе Эстонии, а также о коллективном письме депутатов СССР, избранных от Эстонии. М.С.Горбачев поставил под сомнение ряд принципиальных вопросов в документе, принятом нашим Верховным Советом, и не считает его постановление юридически верным. Он предложил А.Рюйтелю представить сегодня или завтра Верховному Совету СССР детальное разъяснение. М.С.Горбачев сказал, что если Верховный Совет Эстонской ССР не аннулирует названный документ, в Эстонии будет установлен такой же режим, как в Литве.»

Это серьезная угроза. Будет ли она приведена в исполнение или нет, во многом зависит от того, удастся ли М.Горбачеву поставить на колени Литву. Это понимают все. Народный депутат СССР от Эстонии Клара Халлик сказала нашему корреспонденту Ф.Розе:

«Если удуют Литву, то это будет доказательством того, что перестройке не бывать. Это будет означать, что решено пожертвовать перестройкой для того, чтобы сохранить империю, потому что их нельзя сочетать. Между ними глубокое внутреннее противоречие. Или — или. Экономическая и политическая реформы не прошли, и осталась последняя надежда — выходить из кризиса локально, по частям. Балтийский вариант как раз и мог бы стать таким вариантом частичного выхода. Но имперские амбиции этого не позволяют. И это значит, что на долгое время и другие реформы тоже будут спускаться на тормозах. А расплачиваться будет, как всегда, народ.

Мы всегда были уверены, что будет учтена историческая особенность балтийского варианта, признана вина Советского Союза перед балтийскими народами. Мы надеялись также, что будет принято во внимание, что именно в Прибалтике началась самая содержательная поддержка перестройки. Нигде, кроме Прибалтики, не предложили комплексного подхода к перестройке, начиная от экономики и кончая идеологией, комплексной платформы демонтажа существующей системы. Были предложены различные идеологические платформы, но за ними нет реальной социальной базы. В балтийских же странах это было именно так: за всеми реформами выступали реальные социальные силы.

Но то, что делает Москва, не поддается нормальной политической логике. Ведь мы же помогли перестройке, буквально протаскив через Второй съезд народных депутатов СССР аннулирование сговора с Гитлером. А это было воспринято как национальное унижение. Разве можно гордиться своим жандармским прошлым? От него надо отказываться как можно быстрее!

Нельзя же вечно вести войну против своего народа, хотя она и ведется пока в ограниченных масштабах. Ссылаются на необходимость борьбы с экстремистами, сепаратистами и т.д., ссылаются на имперский опыт других крупных государств. Но во всем мире просто нет аналога той структуры, которая есть у нас.

Мы можем действовать только политическими средствами. Мы пытались это делать в Верховном Совете Союза. Столько стоило нам пота, крови и нервов принятие закона об экономической самостоятельности! Мы добились принятия этого закона. И что же мы получили? Только окрики из любого ведомства Москвы, которые и раньше были точно такими же. Кое-что мы отвоевали, но мы не отвоевали тех командных позиций в экономике, без которых невозможно ничего сделать. И правительство, то самое правительство, которое назначено Верховным Советом, просто не выполняет закона.

Политически и психологически — в этом нет ничего нового: нажим, давление, несправедливость, сила. Это та же политика, которая была и раньше. И если это будет продолжаться, то просто еще раз покажет, что ничего не изменилось, вот и все.

Если Москве удастся сломать Литву, что они получат от этого? Они получают ненависть, озлобление и страх. И все. Они получат открытую систему колониального имперского правления. Те, кто сейчас просят «навести порядок» в Прибалтике, — ведь это же представители тех самых союзных ведомств, тех самых монополий, той же системы военного управления. И это все поче-

му-то называется «гуманным социализмом». Система, которая сейчас была замаскирована «местным самоуправлением», просто распадается и вновь становится открытой колониальной системой. Если это то, что нужно для перестройки, то это нужно называть по-другому — кажется, это у вас называется перестрелка. Это тупиковый вариант. И тот выбор, который сделан в центре, мне политически непонятен.»

* * *

Когда этот номер уже сдавался в печать, произошли новые события: объявила о восстановлении государственной независимости Латвия. Она избрала промежуточный между Литвой и Эстонией путь. Угрозы применения санкций последовали со стороны М.Горбачева уже через несколько часов.

Шаг Латвии по-новому повернул ход дела и в Эстонии, заставив радикализироваться осторожных эстонских законодателей. 8 мая Верховный Совет принял другое название республики, устранив определения «советская» и «социалистическая». Теперь это просто «республика Эстония». Восстановлены традиционные эстонские флаг и герб. Придана законная сила пяти статьям Конституции независимой Эстонии 1937 г. Одна из них объявляет Эстонию суверенным государством, в котором высшая власть принадлежит народу. Другая статья устанавливает, что в республике действительны только законы, принятые эстонскими органами. Установлены неделимость территории Эстонии и статус эстонского языка как государственного.

Не все одобрили этот ускоренный ход событий, в частности, шаг Верховного Совета подвергла критике лидер социал-демократов М.Лауристин. Мы вернемся к эстонской теме в следующих номерах. Пока же пожелаем нашим эстонским друзьям успеха на трудном пути, на который они ступили. Себе же самым пожелаем, чтобы наконец материализовались в политическую реальность строки Тартуского мирного договора 1920 г.:

«Исходя из... права всех народов... на свободное самоопределение... Россия признает безоговорочно независимость и самостоятельность Эстонского государства и отказывается добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к эстонскому народу... Из прежней принадлежности к России для эстонского народа и земли не возникает никаких обязательств в отношении к России.»

Вспомним, что договор между Россией и Эстонией был взаимовыгодным. ●

КАК БЫЛ ВЗЯТ БАКУ

В прошлом номере мы рассказывали о вводе частей Советской Армии в Баку в январе этого года — о фактическом штурме города, осуществленном ради спасения обанкротившейся власти, сохранения в республике централизованного имперского управления. Так пытаются «вдохнуть новую жизнь» в распадающийся Союз. Верховный Совет Азербайджана резко осудил эту акцию. Была создана Следственная комиссия ВС АзербССР по расследованию событий в Баку 19–20 января 1990 г. Справка о ходе работы комиссии была включена в сборник «Материалы к трагедии в г. Баку», распространявшийся среди народных депутатов СССР. В советской официальной печати этот документ никогда не публиковался. Мы печатаем его в сокращении.

О решении Кремля о введении чрезвычайного положения в Баку стало известно только утром 20 января 1990 г. из листовок, разбрасываемых с боевых вертолетов, когда улицы Баку уже были залиты кровью безвинных людей, и обезумевшие бакинцы, пережившие кошмарную ночь, искали обезображенные градом пуль и гусеницами танков тела своих детей, сестер, братьев...

Верховный Совет суверенного государства — Азербайджанской ССР своим постановлением от 22 января 1990 г. потребовал безотлагательной отмены антиконституционного Указа ПВС СССР, но до настоящего времени это обращение от имени народов Азербайджана осталось без рассмотрения.

Следует отметить, что как подготовительные, так и последующие действия военного командования и подчиненных ему войсковых частей фактически были направлены не на выполнение задач, поставленных Указом, а на устрашение населения города и республики; акция была проведена в ночное время и вылилась в неприкрытое уничтожение мирных граждан...

Ввод войсковых частей был осуществлен по всей окружности кольцевых дорог, примыкающих к городу, с одновременным выведением из казарм частей гарнизона. Все номерные знаки военной техники специально были замазаны краской, чтобы замести следы преступлений.

Без предварительного оповещения находившегося на путях ввода войск гражданского населения и без применения к нему менее опасных для жизни и здоровья человека «гуманных» средств подавления (водометы, пластиковые и резиновые пули и др.) войска на-

чали движение военной техники, в том числе тяжелых и средних танков, которыми были раздавлены блокирующие дороги автомашины с находившимися в них людьми, и одновременно открыт шквальный огонь из всех огневых средств, причем не только по пикетчикам, но и по случайно проходившим и проезжавшим на автомобилях гражданам, жилым домам и учреждениям, в том числе медицинским, среди которых была детская больница. Шальные пули доходили до домов и других объектов, находившихся далеко от места событий. Военнослужащие преследовали убегающих, среди которых были женщины, дети, старики, не давали им укрыться, применяя для их уничтожения прицельный автоматический огонь и штык-ножи, а боевой техникой давили всех оказавшихся на пути их следования, в том числе и лежавших на земле раненых...

По предварительным данным комиссии с начала ввода войск в г. Баку до настоящего дня военными убито 160 человек, в том числе умерших от ран в больницах и дома, из них:

- до 18 лет — 9 человек;
- женщин — 8 человек;
- стариков — 16 человек;
- азербайджанцев — 149 человек;
- русских — 6 человек;
- иных национальностей — 7 человек.

Ранено при применении огнестрельного и холодного оружия свыше 400 человек, значительная часть которых находится в опасном для жизни состоянии.

Обнаружение на местах событий отдельных частей трупов, раздавленных военной техникой, в сопоставлении с имевшимися сведениями о пропавших без вести более чем 140 граждан, из которых:

- до 18 лет — 11 человек;
- женщин — 11 человек;
- стариков — 2 человека,

позволяет предположить большее число убитых, чем установлено комиссией на сегодняшний день.

Многочисленными показаниями свидетелей установлено, что пытались скрыть следы совершенных зверств (а иначе это назвать нельзя), вывозили из мест событий обезображенные, раздавленные военной техникой трупы безвинных жертв и отдельные части тел.

В ходе кропотливой работы комиссии устанавливаются погибшие из числа пропавших без вести (так по одной только руке опознан Садыков Ю., тело которого до сих пор не найдено).

О человеконенавистнических действиях войск свидетельствуют следующие факты убийства и ранения ими мирных граждан:

1. В ночь с 19 на 20 января был обстрелян следующий от станции метро «Гяндж-

лик» автобус. Почти все находившиеся в автобусе (до 35 человек) были ранены и многие из них погибли. Пассажиры Шукюров Ризван, получивший вначале огнестрельное ранение в ногу, затем получил 4 выстрела в упор и только чудом остался жив.

2. 19 января около 24.00 часов при следовании по Тбилисскому проспекту была обстреляна легковая автомашина марки «Запорожец», в которой находился 13-летний Ибрагимов И.Р. и еще трое. Один из танков развернулся, стараясь наехать на автомашину. Выскочивший из машины мальчик при попытке укрыться в безопасное место был убит выстрелом в спину. Пуля поразила его сердце. Автомашина была раздавлена танком, водитель Алекперов Н.Д., оставшийся в машине, получил тяжкие телесные повреждения и чудом остался жив.

3. В ночь с 19 по 20 января Алишев В.Х., проснувшись на шум стрельбы, выбежал на улицу и попытался оказать помощь раненым, но был забит военными ударами прикладов по голове.

4. 13 января около 23.30 Меерович Я.М. и Мирзоев Э.Г. на легковой автомашине сопровождали в аэропорт знакомую – 78-летнюю Саркисову Р.Д. В районе поселка Сураханы автомашина без предупреждения была обстреляна военнослужащими, в результате чего Меерович Я.М. и Мирзоев Э.Г. получили каждый свыше 15 пулевых ранений и скончались на месте, а Саркисова Р.Д. тяжело ранена в голову и ноги.

5. Нищенко А.А., 17-летний учащийся ПТУ № 2, случайно оказавшийся 19 января на пути следования войск и пытавшийся укрыться от беспорядочного огня в безопасное место, был убит доставшим его солдатом ударом штык-ножа.

6. Мамедов И.Н., 14 лет, учащийся школы № 200, раненый военнослужащими в ногу и плечо, истекая кровью пытался укрыться в безопасное место, но был жестоко избит прикладами и сапогами.

7. Мурадова Ф.Г. во время следования домой в машине с 2-летним ребенком была беспричинно обстреляна военными и получила 4 пулевых ранения в брюшную полость.

Этот список ledenящий душу гражданского человека, можно было бы продолжить, но он будет громаден.

Дело доходило до того, что насилию подвергались даже медицинские работники, которые буквально под огнем выполняли свой профессиональный долг.

Так, 19 января с.г. в 23.05 с Бузовнинской подстанции скорой помощи по вызову с мест событий выехали две бригады скорой помощи. В пути следования на Тюркянском шоссе автомашины были подвергнуты пулеметному обстрелу с прегранившего им дорогу танка. Врач Мархевка А.В. получил огне-

стрельное ранение в грудь и скончался на месте.

В ночь с 19 на 20 января при доставлении в машину скорой помощи раненая на месте событий 16-летняя Бессантина В.Л. была повторно обстреляна военнослужащими, в результате чего погибла на месте. Водитель скорой помощи Исмаилов В., пытавшийся не допустить убийства раненой девочки, сам получил огнестрельное ранение в руку.

Обстрелу подверглись и некоторые другие медработники, оказывавшие помощь раненым на месте событий. В ночь на 4 февраля бронетранспортером № 242 была раздавлена автомашина 4-й подстанции скорой помощи № 18-86 АГА, следовавшая по вызову к больному.

В ходе этой беспрецедентной акции военные власти не прибегли к помощи сотрудников МВД Азербайджанской ССР для обеспечения общественного порядка, безопасности жизни населения города при введении чрезвычайного положения. Данное взаимодействие значительно предотвратило бы количество жертв среди мирного населения. Напротив, военнослужащие распространили свой беспредельный произвол и на сотрудников органов внутренних дел республики, пренебрегая даже тем, что они находились при исполнении служебных обязанностей.

С момента введения в городе чрезвычайного положения военнослужащими из огнестрельного оружия было убито 6 сотрудников органов внутренних дел, 10 получили тяжкие огнестрельные и иные ранения.

Изложенное подтверждается следующими фактами:

Оперативная группа внутренних дел республики в составе: Мирзоева О., Исраилова А., Богданова В. и Гурбанова А., находившаяся на Тбилисском проспекте, была обстреляна военнослужащими при пересечении улицы Ингилаб. В результате пулевых ранений погибли Исраилов А., Богданов В., а Мирзоеву О. ампутировали руку.

Милиционер ОВО при РОВД 26-ти Бакинских комиссаров Багиров Т.Д., будучи в форменной одежде, был внезапно обстрелян военнослужащими из автоматического оружия, в результате чего от полученных ран он скончался в больнице. В нагрудном кармане был обнаружен окровавленный партийный билет Багирова Т.

Водитель I СВПИ УПО МВД Азербайджанской ССР, ст. сержант внутренней службы Юсупов О.К., находясь на службе и направляясь по вызову на автомашине ГДЗС № 53-31 АГА в составе дежурного караула для тушения пожара около фабрики им. Волдарского, был обстрелян, в результате чего он погиб, а остальные члены экипажа получили ранения.

Многие сотрудники МВД получили ранения при оказании помощи раненым.

Действия военнослужащих доходили до того, что ими беспричинно задерживались патрульные машины с работниками милиции, после чего они избивались, а затем содержались под арестом.

Так, Османов Т.А., Абдулазизов А.А., Алахвердиев Е.Б., – инспектора ДПС УВД – 20 января были задержаны военнослужащими и на их же патрульной автомашине № 14-10 АГА доставлены в Сальянские казармы, жестоко избиты и трое суток содержались под арестом в подвале. Патрульная машина была разграблена.

Действия военной администрации при осуществлении ввода войск и установлении комендантского часа являются продолжением запланированной акции на устрашение населения и прекращение какой-либо общественно-политической деятельности в республике. По имеющимся сведениям, военными властями до настоящего времени задержано в административном порядке несколько сот человек. Задержание лиц проводится не только с нарушением процессуальных норм, но без соблюдения элементарных формальностей процедуры... Протокол задержания оформляется сразу на группу лиц без установления личности задержанных, причина задержания не объявляется, не уведомляются об этом и члены их семей. Задержанные содержатся в следизоляторах совместно с подсудимыми по уголовным делам, скученно, без обеспечения элементарных санитарных норм. Раненым и больным санитарная помощь не оказывается, и содержатся они в одном помещении с остальными задержанными. Известны случаи, когда в камерах с задержанными оставались трупы их умерших товарищей. Задержанные лишаются пищи, воды и сна...

Задержанный военными властями житель г. Ленкорани в возрасте 20–25 лет (по имени Тариель, личность уточняется), 26 января с.г. при доставлении в Баку на военно-транспортном вертолете, по заключению акта медико-судебного исследования трупа № 165-324 от 30 января 1990 г., был убит путем удавления петлей. На трупе имелись многочисленные следы побоев и истязаний. Органы военной прокуратуры пытались скрыть следы преступления, направив в морг, как погибшего при неустановленных обстоятельствах.

Бесчинства военнослужащих нанесли огромный материальный ущерб государственной и личной собственности, о чем свидетельствуют уже собранные сведения и размер которых будет определен в ходе расследования.

Уже при вводе войск военной техникой повреждено значительное число личных и

государственных автомашин. Так, при движении по Тбилисскому проспекту в ночь с 19 на 20 января военнотранспортное средство, совершая без видимой необходимости маневрирование бронетанковой техники на дороге, раздавили 12 личных автомашин различных марок, стоящих на автостоянке ЗакВО.

Подвергая обстрелу, чаще всего без достаточных оснований, здания, военные причинили значительный ущерб городскому хозяйству. Так, 23 января между 12 и 13 часами интенсивным огнем по зданию проектно-строительного объединения «Азагдорстрой» военные вызвали пожар, в результате которого, по предварительным данным, причинен ущерб на сумму 298.872 руб.

В результате беспорядочной стрельбы, открытой военнослужащими по жилым домам в районе Военного городка «Красный Восток» с применением зажигательных боеприпасов, возникли пожары.

Войсковые наряды, неся службу в городе, совершают открытые преступные посяательства на граждан, государственную и личную собственность. Многочисленные факты, когда под видом проверки документов они врываются в квартиры граждан, где совершают разбой и устраивают настоящие погромы. Такому нападению подверглась в ночь на 21 января квартира военнотранспортного Насиминского РВК Гусейнова А.Х., расположенная по адресу: Тбилисский пр., д. 49, кв. 7, откуда разбойники в военной форме похитили деньги в сумме 18 тыс. руб., золотые изделия и др.

Военнослужащие не обделяют своим «вниманием» и торговые учреждения, особенно торгующие спиртными напитками. 29 января группа военнослужащих под предлогом поиска оружия проникла в магазин № 76 Кировского райпищеторга, откуда под угрозой оружия похитила значительную сумму денег, спиртные напитки и сигареты.

Следственная комиссия в целях объективности, полноты и всесторонности расследования принимает меры для установления обстоятельств гибели и ранения военнослужащих, однако все попытки установить контакты с военными властями и военной прокуратурой отвергаются последними, представители комиссии к раненым военнослужащим не допускаются. Более того, узнав о намерениях комиссии опросить раненых военнотранспортных, военные власти в спешном порядке эвакуировали их из военных госпиталей.

Кроме этого, местная пресса, находящаяся под контролем военных властей, и союзная пресса с целью дискредитации работы комиссии публикуют на своих страницах дезинформацию о событиях в Баку, стараются «свалить» убийство военных на несуществующих «экстремистов» и «боевиков». ●

“БОЛЬШАЯ РОДИНА НЕ СОСТОЯЛАСЬ...”

Разговор с Грантом Матевосяном

На фоне бурных событий в Прибалтике то, что происходит в Армении, кажется затишьем. Впрочем, и по армянским меркам это затишье. «Всего лишь» депортация армян из Геташенского подрайона... «Всего лишь» продолжение стычек на границе и возобновление блокады... «Всего лишь» попытка штурма здания КГБ... «Всего лишь» введение поста всенародно избираемого президента... Самое время оставить пока в стороне злобу сегодняшнего дня и задуматься над глубинным смыслом происходящего. Наш корреспондент Сергей Лёзов разговаривает об этом с армянским писателем Грантом Матевосяном.

Грант Матевосян родился в 1935 г. в с. Ахнидзор. Печатается с 1959 г.. Один из самых известных современных армянских писателей. Многие его произведения переведены на русский язык.

В одном старом интервью вы сказали: «Писатель первым понимает, что происходит и что будет происходить».

Не «понимает», скорее – предчувствует.

Поэтому я собираюсь обсуждать с вами не литературные темы.

Сейчас даже стыдно говорить о литературе.

Что вы думаете о сегодняшнем состоянии армянского народа? Что осталось в нем от прошлого и что потеряно? Что появилось нового? Что значит для сегодняшних армян более чем двухтысячелетнее культурное наследие, которым так гордится армянская интеллигенция, противопоставляя знаменитую армянскую «цивилизованность» дикости «наших соседей»?

Культура была для армян чем-то вроде замены государственности. Можно говорить о «культурной империи» армян, простиравшейся в прошлом веке от Парижа до Ростова и Москвы, от Александрии Египетской, Дамаска и Александрии до Константинополя, Измира и Афин, до Исфахана. Затем началась эпоха национально-освободительных движений. Распалась, в частности, Османская империя. Образовались национальные государства на Балканах, затем возникли и арабские государства. Но Армения не смогла состояться как государство. Ведь в результате всеобщего национального пробуждения армяне потеряли «большую родину» – мы больше не чувствовали себя дома ни в Москве, ни в Ростове, ни в Тбилиси, ни в Баку, ни на Ближнем Востоке. В Турции после геноцида осталась маленькая колония армян – сейчас их около 50 тысяч в Константинополе.

Вы спрашиваете, как изменился армянский народ? Изменился к худшему, как и все народы Советского Союза. Революция показала себя абсолютным злом, она испортила людей. Я часто вспоминаю моего прадеда, который основал наш род. Он заложил мою деревню. Мой прадед умел все. Он пришел в этот мир бедным и оставил его богатым. А что умеет его праправнук, мой сын? Мы живем за счет богатств природы и за счет того, что сделали прежние поколения.

А что вы думаете о перспективах нынешнего развития?

Если, как это сейчас происходит в Советском Союзе и во всем мире, национализм и дальше будет брать верх, и каждая нация будет чувствовать себя счастливой только в границах своей родины, – тогда это страшно. Но можно представить себе и другой вариант. Допустим, что армяне смогут чувствовать себя хорошо и в России, и на Ближнем Востоке – в этом возможный выход: иная форма существования нации, которая будет выработана во всем мире – и в Европе, и в Америке, и в Турции. Альтернатива этому – национальное государство, возникающее в результате военного конфликта, большой крови и т.п.

Такое передовое движение, как азербайджанский национализм, стремление азербайджанцев в СССР освободиться от угнетения и соединиться с южными азербайджанцами в одном государстве, приветствуется миром. Но когда это движение сталкивается с моей армянской судьбой, то мне приходится отделить себя от этого всемирного одобрения. Порой я умею перешагнуть через себя и увидеть разрушение границы в Нахичеване как нечто радостное, но это лишь на миг бывает, в минуты взлета... Я остаюсь зажатым в угол армянином – мне угрожает движение, которое мир считает прогрессивным.

Иногда приходится слышать, что у армян существует культ страдания, связанный с обостренной памятью о геноциде. Я и сам замечаю распространенность некоей мистики армянской культуры по формуле: «нас мало, но мы армяне».

Если бы сегодняшняя жизнь не способствовала этому, такие чувства не развивались бы. Сама жизнь напоминает об этом, сегодняшний день перекликается со вчерашним. Я сам сторонник того, чтобы все забыть, не помнить о прошлом, не читать... Это действительно слишком страшно. Я бы с удовольствием освободился от этого кошмара. Забыть, чтобы жить дальше. Вековое горе преследует ребенка, только что родившегося человека. Его доля – нести вчерашнее страдание. Зачем это?

Я думаю, что большинство погибших в Сумгаите или Баку не были людьми армянской культуры, они были полностью ассимилированы. Но им напомнили: нет, вы не русские и не азербайджанцы, вы – армяне. Выжившие будут это помнить. В каком-то смысле все мы в таком положении. Наша сегодняшняя жизнь не дает нам возможности забыть о прошлом.

Но в армянской литературе – самом тонком инструменте познания человеческой сущности – этого нет. Ее не назовешь бесконечным плачем, ей скорее присущ оптимизм.

Насколько я знаю, геноцид, не признанный миром и забытый, замолчанный им, стал событием, определившим сегодняшнее самосознание армянского народа. Скажем, «сумгаит» я воспринимаю, как удар по незажившей ране, по самому болезненному месту нации. Армянам как бы напомнили: «Вот что с вами было, и вот что вас ждет». Верно ли это?

В 20-е годы, когда Закавказье было заполнено беженцами из Турции, армяне были уже готовы отторгнуть от себя и эту боль, и эту вражду. Поэтому армяне приняли революционные лозунги интернационализма. Даже дашнаки были готовы примириться с турками. В 1920 г. на Съезде Народов Востока в Баку армяне сидели рядом с палачами нашего народа – представителями кемалистской Турции, про которых было известно, что во время мировой войны они лично участвовали в геноциде. Египше Чаренц приветствовал в своих стихах Ататюрка. Сказать, что они были просто обмануты, было бы неточно. Надо понять по-человечески. Прошлое тяжелым камнем лежало на душе народа. Люди хватались за возможность выжить, которая тогда открывалась. Поверили, что будет новый мир. И все равно – память о геноциде, об утраченной родине сохранилась. Слишком многое напоминало об этом, напоминало

тебе, что ты армянин. Армян вытесняли из Нахичевана, из Азербайджана, из Карабаха, из Грузии. Дружба народов не состоялась, большая родина для армян не состоялась. Во время войны немцы были для нас как бы олицетворением турок: ведь те и другие были союзниками во время геноцида. Поэтому и армянская диаспора помогала Сталину. Нищий ближневосточный спюрк собирал деньги на танковые колонны для Красной Армии. А после войны почти полмиллиона армян записались в списки на репатриацию. Дашнаки призывали трезво оценить ситуацию, но их плохо слушали. Во всем этом движении сказывалась память о геноциде. Никогда он не был забыт.

В 1946 г. репатрианты появились и в нашей деревне. Это были туркоязычные армяне, спасшиеся во время геноцида.

Так что вся наша республика, вся наша жизнь здесь – результат геноцида.

Изменилось ли восприятие «того» геноцида после «сумгаята»?

Да. Раньше я мог думать, что моя родина – в Турции. Была надежда, что когда-нибудь мы сможем вернуться в Западную Армению, сможем и дальше жить в Азербайджане, вернемся в Нахичеван, что Закавказье и Ближний Восток останутся местом, где армяне смогут жить... Теперь никаких надежд не осталось. Новый геноцид стал как бы завершением прежнего.

А если говорить о литературе – порой меня раздражает, что неумелые перья пишут об этом, как кажется, только потому, что об этом написал Франц Верфель¹. Люди, которые не могут состояться как писатели, описывая горы или дом своей матери, – для них геноцид становится темой.

А как вы относитесь к роману «Сорок дней Муса-Дага»?

Я бы хотел, чтобы такой широкий кругозор, такой альтруизм, такую способность войти в чужое страдание, когда-либо проявил и армянский писатель.

Что касается «чужого страдания», то мне запомнилась телеграмма соболезнования, которую армянские депутаты послали семье А.Сахарова: «Наш народ сохранит навеки в памяти образ Сахарова, как хранит он образы Нансена и Верфеля, образы великих гуманистов, разделивших нашу историческую боль».

Это верно. Одно появление Сахарова здесь было важно – уж там польза, не польза... Через Армению прошел прямой, с высокой душой человек. Это уже прекрасно: мир великих людей существует, значит еще не конец. Само существование таких людей – это уже помощь.

Я хочу вернуться к вопросу: что значит «тот» геноцид сегодня?

Пока нация неблагополучна, мы будем думать об истоках. История встрети-лась с сегодняшним днем. Армяне уезжают в Америку из-за ограниченности здешних возможностей – это тоже следствие геноцида.

А все же, что вы думаете о сегодняшнем состоянии народа?

Сильные, уверенные в себе бегут из Армении. В Америку – не в Россию. Остаются те, у кого нет шансов преуспеть в Америке. Станет ли Америка второй родиной для армян? Не знаю. Я был в Америке, много времени провел там с армянами. Мне хочется, чтобы они чувствовали себя полноправными гражданами этой страны. Их полнокровное существование там – это уже помощь для нас. Хоть там-то нас не преследуют, не уничтожают! Но вот Го-

1 Франц Верфель (1890–1945) – австрийский писатель, после аншлюсса эмигрировавший в США. Его роман о геноциде армян «Сорок дней Муса-Дага» вышел в свет в 1933 г. – *Ред.*

мулка в свое время сказал, имея в виду евреев, что в Польше не нужны люди с двойным гражданством. А вдруг в Америке так скажут завтра про армян?

Но ведь Армения сейчас не в состоянии прокормить своих детей. Тридцать тысяч квадратных километров. Сухая земля. Горы. Для жизни годится одна треть, или даже меньше. На вершине Арагаца не жить, на дне Севана не жить...

Можно предположить, что армяне, покидающие сейчас Армению, равнодушны к судьбе родины.

Нет, не сказал бы. Равнодушных не найти.

Как я понял, вы считаете, что армянский народ поддался разрушительным импульсам, исходящим от русской революции, и затем позволил развратить себя. Вы считаете, что за годы коммунистического господства народ сильно испортился. И о революции – о всякой революции – вы говорите, как об абсолютном зле. Но разве события в Армении не напоминают вам революцию? Митинги, ораторы на площадях, демонстранты, машущие трехцветными армянскими флагами...

Да. И Чапаев скачет на коне. Но по ходу событий мы перевоспитываемся. Теперь Ваню Сирадегян¹ для меня уже не герой.

А был героем?

Вчера еще был героем. И в самом деле, он сделал то, что я должен был сделать. Он был с народом, когда на нас шли танки. Но я думаю, что ему будет очень трудно вернуться к литературной работе.

Я знаю, что вы, живой и работающий классик армянской литературы, после возникновения «Движения» отказались от публичных выступлений на политические темы. Почему?

На площади всё сказали за меня. Там прозвучали все слова, которые должны были прозвучать. Но были вещи, которые я хотел сказать, но не решился. В 1988 г. я был против забастовок. Но, видимо, я боялся народа, трусился и не сказал этого. Не сказал, что, по-моему, это никуда не ведет. А что «ведет»? Я не знал. Действительно, становишься частью огромного потока, который сам не знает, куда течет. То же самое и сегодня. И потом, важные для меня вещи – не те, о которых можно сказать на площади. Сейчас я уже чувствую себя как бы мертвым: бьют – и не чувствуешь. Вся моя надежда – на слабость врагов армянского народа, врагов Гранта Матевосяна, на то, что зло все же не всевластно.

Может быть, вы помните сказку Исаакяна: Чингисхан умирает и хочет отравить источники, чтобы и другие умерли вместе с ним, чтобы забрать с собой весь мир. Но Смерть тут как тут: она отняла у него речь. Потому что Смерти тоже хочется, чтобы жизнь на земле продлилась, иначе сама Смерть погибнет.

Сегодня азербайджанцы полностью себя скомпрометировали. Одни убивают безоружных, другие готовят (в лучшем случае – идейно) погромы и затем занимаются их объяснением-оправданием. Но как чувствуют себя национальные меньшинства среди армян? Как распенить депортацию азербайджанцев из Армении? Мне кажется, что за всеми объяснениями применительно к конкретным ситуациям в том или ином районе все равно скрывается архаичный принцип кровной мести.

¹ Ваню Сирадегян – армянский писатель, член комитета «Карабах», подвергался в связи с этим аресту. – *Ред.*

Что сказать... У нас одно оправдание: не мы начали первыми. Есть ситуации, в которых трудно абстрагироваться и посмотреть на вещи сверху, хотя ты, как писатель, должен смотреть чуть сверху, пусть даже речь идет о страданиях твоей матери. Иначе ты не писатель. Но все же произошли вещи столь страшные, что я не могу этого сделать... Конечно, если бы я был там, я бы стал перед толпой, которая шла громить азербайджанцев. И стоял бы.

Не кажется ли вам, что переход на тот же язык, на язык насилия, содержит в себе нравственную опасность для народа?

Бывают такие ситуации, когда падение происходит неизбежно. Не хочется себе признаваться в этом. Не хочется думать, что был скотом и насильником. Вот Илья Эренбург написал в конце войны, что надо уничтожить немецкий народ.¹ Или Михаил Шолохов, который написал «Науку ненависти»... Но что сказать: уничтожая армян, турки захватили нашу родину, согнали нас сюда, где просто негде жить, и сегодня народ уезжает отсюда...

Да, но на наших глазах из Армении изгнали не тех, кто убивал и насиловал.

Мое самое тяжелое, самое страшное впечатление: я видел, как азербайджанцы в Ереване говорили шопотом на своем языке. Шопотом. Для меня, армянина, оскорбительнее ничего не найти. Неужели я такой зверь, что они боятся при мне на своем родном языке говорить?

В феврале 1988 г. я встретил односельчан на митинге в Ереване: собирались для поддержки Карабаха. Все село на автобусах приехало. Я спросил: «А кого оставили дома?». Мне отвечают: «Не без хозяина. Усуб там». Единственный в селе азербайджанец остался на хозяйстве. Можете вы себе представить, чтобы в азербайджанском селе работал один-единственный армянин, и чтобы на него все оставили? Но сейчас это, наверное, было бы уже невозможно...

Я хочу задать все-таки один литературный вопрос. Есть хорошо известные образы Армении в русской литературе: у Андрея Белого, Валерия Брюсова, Мандельштама, а потом – у Марии Петровых, Битова, Карабчиевского. Можно сказать с уверенностью, что эти образы важны для нашей культуры. А вы узнаете в них Армению?

Нет, все-таки это не близко, не близко... Это взгляд со стороны. Вот мой друг Андрей Битов написал «Уроки Армении». А я до этого вообще не использовал слово «Армения». Хочется с завистью спросить: «А откуда ты знаешь, что такое Армения? Неужели Армения такая маленькая, что можно сразу обнять, взять и сказать: вот это – уроки Армении?» Армения – это тбилисские армяне со своими проблемами, это азербайджанские русскоязычные армяне, это зарубежная Армения, это широчайший круг проблем. Не обнять так, чтобы иметь право сказать: «уроки Армении».

Что вы сейчас пишете?

После «сумгаита» я не написал ни строчки.

¹ См. И.Эренбург, «Обоснование презрения», «Страна и мир», № 12, 1986. – Ред.

Юрий АЙХЕНВАЛЬД (Москва)

МОСКОВСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Картинки с выборов

Примерно за неделю до выборов на фасадах московских домов появились плакаты с портретами кандидатов, бумажные полотнища с прямоугольными фотографиями, одинаковыми, словно кирпичики в одном ряду. Формат портретов был обязателен. Позы предписаны. Люди в одном и том же ракурсе — анфас — оказались вдруг безликими. Истолкованные — а лучше сказать измороженные — таким способом будущие народные депутаты своей самодовольной невыразительностью скорей отталкивали взгляд, чем привлекали.

— У, морды! Их и паламентами не возьмешь! — ворчит, проходя мимо, старик с палкой, — может, ветеран труда, может, инвалид войны.

Между тем среди этих людей есть ведь и замечательные, чистые, честные, — но вот узнать об этом мудрено. Подписи под портретами тоже построены по трафарету: год рождения, национальность, послужной список, — участвовал, выполнял, разрабатывал... В конце: "вдовец, воспитывает дочь"; "женат, имеет троих детей"...

Были еще и листовки, выполненные по большей части мелким шрифтом на плохой бумаге. Читать их трудно и скучно. Узнать из них можно было не обо всех кандидатах. Да и кандидатов набралось много: и в РСФСР, и в Моссовет, и в райсовет, — у нас, например, было в общей сложности 20 кандидатов. Поди, разберись!

Конечно, можно было не предписывать поз, форматов, трафаретов и более того: не проводить в один день выборы в советы всех трех уровней.

Но это уже вопросы политики.

Тут надо вспомнить, что именно в российских условиях означает слово "политика". Еще недавно для подавляющего большинства то был особый тип социального зрелища, когда, говоря словами маркиза де Кюстина, публика смотрела на политическую сцену, мучительно и тщетно стараясь угадать, что же происходит за кулисами. А за кулисами тоже политики не было. Там разыгрывалась интрига в стиле осемнадцатого столетия, иногда, впрочем, со стрельбой, как в Латинской Америке. Оттуда реакция зрительного зала не придавали особого значения до того самого момента, когда — опять-таки в порядке закулисных внутренних игр — не пожаловали вдруг зрителям права играть уже и между собой в альтернативные варианты.

Но вот тут-то за кулисами спохватились.

А когда спохватились, — все сделали легко и ловко; кто именно делал, неизвестно, а результат налицо: в прежнеебрежневский период выбирать было не из кого. На нынешних — первых по счету за семьдесят два года — альтернативных выборах стало неизвестно, кого выбирать.

Люди поняли эту игру, и очень многие просто не пошли на выборы.

Ничего, — ни листовки, ни плаката, ни портрета не имели права сделать для своего кандидата выдвинувшие его организации и даже его друзья. Все взяло на себя государство, и все было сделано с опозданием.

Между тем избиратели у нас зачастую живут в разных культурных временах, в плане социально-психологическом неоднородны, поэтому предвыборная кампания должна бы отличаться особой тщательностью.

Все у нас знают Мукусева, одного из комментаторов телевизионной программы "Взгляд". Он баллотировался по нашему округу. С той же предвыборной программой "Демократической России" баллотировался у нас и Королев, рабочий с высшим образованием. Королев ушел из КПСС — он организатор свободных профсоюзов.

И вот две женщины, вроде бы интеллигентные, стоят у плаката с портретами Королева и Мукусева.

— Я буду голосовать за Мукусева.

— Я за Королева. Он тоже демократ, но уж точно — русский.

Тема национальности сейчас — тема воистину "больная", то есть приобретающая черты уже и социальной патологии.

— Юрий Александрович, — говорит мне кандидат в депутаты России (я не его доверенное лицо, но он просил меня выступить), — у нас тут такая публика... Вас могут спросить о национальности... Что вы скажете?

— Что русский, родители — православные.

— Но фамилия-то, фамилия-то у вас немецкая? Вот вы и скажите, что фамилия у вас — немецкого происхождения. А то ведь говорить не дадут...

Не спросили меня о национальности.

Зато соперник "моего" кандидата, тоже кандидат в депутаты РСФСР, Орешков обьяснился на этот счет так:

— Да, на президентских выборах у Горбачева должна быть альтернативная кандидатура. Гавриил Попов? Возможно. Правда, у него мать — гречанка. Но она православная, так что это ничего.

О себе кандидат сказал:

— Ходят слухи, что я работал в КГБ. Так вот, дорогие товарищи, это правда. Кто-то с надеждой крикнул из зала:

— Но вы оттуда ушли!

— Нет, — скромно ответил кандидат. — Не совсем так. Но теперь я там не работаю. И я не могу сказать, что я был там чистым. Я измазался в этой грязи. Но я никогда не был источником грязи. Бог меня от этого спас.

Кандидат добавляет, что баллотироваться его благословил митрополит, — не помню сейчас, какой именно.

На предвыборном собрании этот открытый, энергичный молодой человек имел большой успех. Однако на выборах он не прошел на второй тур. Лидировал "мой" кандидат (платформа "Демократическая Россия").

В нашем районе рядом с портретами кандидатов от этого блока были наклеены аккуратные красные кружочки. В разных районах люди находят для "своих" депутатов "код".

У плакатов с портретами несколько человек.

— За кого голосовать, прямо не знаю! — говорит женщина.

— За Королева, за Мукусева, за Куваева, — начинаю было я.

Но вмешивается стоящий рядом мужчина:

— Видите красные кружочки на них? Видите! Это знак. Это на них кровь, кровь лежит!

— Да какая на них может быть кровь?

— Наша кровь. Через год увидите — поздно уже будет!

Он резко поворачивается и уходит.

Какая-то женщина говорит ему вслед:

— Из "Памяти".

— А вам не нравится? Чем вам "Память" не нравится? — вступает другой, чуть подвыпивший.

— Надоела ваша "Память". Талдычит одно и то же.

— Придет время, пожалеете, да поздно будет!

— Хватит нам жить в тюрьме! Хватит! — восклицает средних лет дама, хорошо одетая.

— Это ты в дерьме! Иди отсюда! — отзывается защитник "Памяти".

Вот и поспорь с людьми этого стиля: не дослышит, не поймет, да тебя же и обложит...

Поэтому наш пикет, расположившийся внутри перехода метро по одной стеночке, не вступает ни в какую дискуссию с пикетом у противоположной стены. Там пикетируют сторонники Анатолия Ивановича Алексева, заведующего кафедрой в Академии МВД, кандидата от блока общественно-патриотических движений России.

Прохожие, если обращают внимание, говорят — про нас:

— Демократы!

Про них:

— Патриоты!

Но ведь в сущности такое деление нелепо.

— "Мы" такие же патриоты, как и "они". Точнее было бы говорить: "патриоты-националисты" и "патриоты-демократы". И разве патриотам-демократам национальное возрождение России менее дорого, чем патриотам-националистам?

Я взял на эту тему интервью у двух кандидатов от "Демократической России", баллотировавшихся по 28-му территориальному округу Москвы, — Вадима Янкова и Владимира Лысенко.

В начале 80-х гг. по радио "Свобода" было передано написанное Янковым открытое письмо русским рабочим о польских событиях. Там говорилось о великой правде "Солидарности", о необходимости и для наших рабочих ориентироваться на польский опыт. За это письмо в 1982 г. Янкова арестовали. Еще до ареста за рубежом выходили его эссе. Пока он шил рукавицы в лагерной мастерской, "Континент" опубликовал его статьи "Нация и национализм" и "Этико-философский трактат", а израильский журнал "22" напечатал очерк "Экзистенциальный тип Homo soveticus". В 1987 г. Янкова освободили, он вернулся в Москву.

— Шикарная биография, лучшей рекомендации не надо, — резюмировала ситуацию Вадима будущая избирательница, задержавшись у нашего стенда (мы с женой — в числе доверенных лиц Янкова).

Но почему Янкова, математика и философа, тихого интеллигента, сотрудники института, где он работает, выдвинули в кандидаты? Видимо, в нашем общественном сознании начался поворот: после А.Д.Сахарова люди оценили необычный тип лидера, — лидера непоколебимого, но без нахрапа; оратора, совершенно не умеющего ораторствовать; деятель этого типа кажется кабинетным, книжным, но почему-то книги исторических судеб открываются перед ним чаще, чем перед теми, кто эти судьбы пытается вершить.

Владимир Лысенко, соперник Вадима, — активист "Демократической платформы КПСС", преподаватель Московского Авиационного института, душа известного в Москве политического клуба.

Когда прохожие спрашивали, чем один кандидат отличается от другого при общности программ, мы отвечали:

— Владимир Лысенко — это как Юрий Афанасьев, а Вадим Янков больше похож на академика Сахарова.

На вопрос: "Что для вас значит понятие "Национального возрождение России? Что в первую очередь для этого нужно?" — Вадим Янков ответил:

— Мысля себе Россию демократической и просвещенной. Попытки национального возрождения в условиях авторитаризма обернутся псевдовозрождением. Начнется искусственное навязывание стандартов, которые будут считаться национальными. Национальное живет в нас прежде всего как подсознательное начало, реализующееся через свободное творчество в разных сферах деятельности.

Владимир Лысенко сказал так:

— Россия должна восстановить политический, экономический, духовный суверенитет. Полновластный парламент, разнообразные политические партии, действующие

щие в рамках конституции, — все это необходимо для национального возрождения. Нельзя создать цивилизованное, благополучное российское общество на идее национальной исключительности. Это путь, ведущий в никуда.

Трудно по существу не согласиться со сказанным обоими кандидатами; а если так, подумал я, то не может ли сказанное ими стать мостом между "демократическим" и "национальным" патриотизмом?

Мои сотоварищи по группе поддержки Вадима Янкова меня высмеяли — маниловщина!

Боюсь, что они оказались правы. Ведь наши охотники за жидомасонами страшны именно непоколебимой неубеждаемостью. Их убеждения не являются результатом размышлений и честного доказательства; это проявление некоего психологического, скорее даже патопсихологического состояния. Такое состояние, возможно, не было патологией в глубокой древности, когда "чужой" был либо "гостем", либо "врагом", но никогда ровней соплеменнику. В нашем культурном времени такой подход патологичен именно в силу своей чудовищной архаичности. Это выражается сейчас в культе силы и власти, в мании национального преследования. Свидетельство тому — лозунги "национал-патриотов" на их митинге в Останкино 18 февраля:

- Слава героям Куликовской битвы!
- Долой дискредитацию КГБ, МВД и Советской Армии!
- Русским тоже нужны права человека!

Однако на коне Дмитрия Донского никуда не уедешь; ни КГБ, ни МВД, ни Советская Армия количества товаров на прилавках не увеличат. Поэтому российские национал-расисты наводят мосты, — но в направлении властей предрежащих, а не демократов-патриотов.

Для два до выборов по московской телепрограмме транслировалась встреча Прокофьева, секретаря Московского горкома КПСС, и Сергея Ковалева, известного нашего правозащитника, бывшего узника совести, человека исключительной нравственной силы. Разговор шел вялый. Прокофьев настаивал на демократии во благо народа, Ковалев — на демократии и правах человека. Так были наведены зыбкие мостки налево.

Перед самыми выборами в "Московской правде" был опубликован список кандидатов, рекомендуемых в Верховный Совет РСФСР Московским горкомом КПСС совместно с другими общественными организациями. На этой платформе сошлись художник Глазунов, национал-патриот, и первый секретарь Севастопольского райкома КПСС. Так был построен каменный мост направо.

Глазунов провалился. В Московском совете больше половины депутатов — от "Демократической России". Придется теперь Московскому горкому КПСС сооружать разводной мост налево.

Что же до предвыборной агитации блока общественно-патриотических движений России, то особенность их агитационного стиля часто состояла в том, что агитация велась на особом языке подразумеваний и заимствованной у демократов терминологии.

Виктор Перов, лауреат Ленинской премии, участник войны, может, положим, посоветовать в простоте душевной читателям еженедельника "Московский строитель" (№ 8 за этот год):

— Чтобы сделать безошибочный выбор, достаточно было бы знать ответы каждого из кандидатов всего на один вопрос: созидательной или разрушительной полагает он деятельность журнала "Огонек"? Только одним словом: разрушительной или нет?

Владимир Осипов, бывший издатель журнала "Вече", смелый человек, узник совести, отсидевший 15 лет и выдвинутый в Верховный Совет Республики, тоже мог себе позволить прямо так и заявить:

— Ни в одной стране нет такой дикой нелепости, чтобы коренная нация не имела своих газет, своего радио и телевидения. У русских только две газеты!

"Литературная Россия" (и та только с весны прошлого года) и "Советская Россия" (пополам с аппаратом). У нас 2—3 общественно-литературных журнала. Великий народ обречен на безмолвие или шепот. Нельзя же всерьез назвать русскими те русскоязычные издания, которые проповедуют нигилизм, русофобию, относительность моральных ценностей, которые глумятся над отечественной историей и внушают нам комплекс неполноценности" ("Московский строитель", № 8 за этот год).

Бедный, бедный бывший эзк, чей-то будущий тюремщик!

На общее наше счастье — нет таких русскоязычных изданий.

Избиратели не оценили откровенности Владимира Осипова. Он провалился, как и Станислав Куняев.

Предчувствуя отрицательное к себе отношение, многие наши национал-патриоты, даже из числа совсем уж национал-бесноватых, осторожничали в формулировках: "Нужна фундаментальная программа дезалкоголизации населения со снижением цен на алкогольные напитки".

Загадочно?

Зато в финале — ключевая фраза из программы объединенного блока национал-патриотов, почти столыпинское: "Нам не нужны великие потрясения, нам нужна великая, — ну, конечно же, не просто "великая", — великая с о в е т с к а я Россия". И тут же ссылка на первоиерарха зарубежной православной церкви митрополита Виталия, что сейчас будут брошены миллиарды, лишь бы только погасить русское возрождение. Любят национал-патриоты опираться на православных иерархов...

Внизу этого программного листка чья-то надпись толстым карандашом: "Это "Память"."

Вообще полемика, которой на улицах особенно не было слышно, видна была зато на листовках с программами и плакатах.

На программе кандидата "Демократической России":

"Позор русофобам!"

Ниже:

"Жид" (зачеркнуто — кандидат заведомо русский).

Еще ниже:

"Голосуйте за демократическую Россию!"

Или на другом плакате:

"Товарищи, "Демократическая Россия" нам нужна!"

Рядом:

"Прохвосты!"

Ниже:

"Нам нужна чистая Россия!"

Экологически чистая? Очищенная от демократов?

Широкоовещательно и невнятно выражаются чаще всего именно национал-патриоты.

А во время второго тура выборов на плакате с изображением полковника, кандидата в депутаты Верховного Совета республики, возникла даже стихотворная полемика:

— Ни в одной стране на свете
Нет полковников в Совете.

— Но напомню: генерал
Пост верховный занимал.
(Эйзенхауэр, президент США)

— Не устраивайте свист:
Этот не был коммунист!

Во втором туре выборов национал-патриоты несколько поутихли. Зато в первом туре их активность была поразительна и многообразна.

Утром по дороге в избирательный участок я увидел такую листовку:

**"Homo sapiens — человек разумный!
Саботировать выборы — трусость!
Твоя "активная пассивность" усилит все кризисы:
политический, экономический, социальный.
Причиной этого ухудшения будешь уже ТЫ,
а не 1917 год."**

Однако какая определенность, смелость, — подумал я. И интеллигентно-то как: не по Зиновьеву "soveticus", а "sapiens", "sapiens" — по Божьи! Немножко, правда, меня смутило последующее утверждение, что наша страна — это гигантская коммунальная квартира: ведь состоит Союз все-таки не из комнат, а из бывших особняков грузинского, армянского и прочих стилей. Но я не стал придирается. Читаю дальше:

**"Все зависит от тебя лично!
Снежный ком обид превращается в кровавую бойню.
Нужно терпение. Нужна культура."**

Все прекрасно.
А в конце:

**"Мы голосуем за заместителя министра культуры РСФСР
Нину Борисовну Жукову!**

Инициативная группа."

Жукову поддерживали митрополит Питирим и Медведев, писатель, зав. отделом прозы журнала "Москва", журнала, известного своей ксенофобией. Нина Жукова, кандидат блока общественно-патриотических движений России, в депутаты не прошла.

А накануне выборов в метро на стене была листовка от другой организации, входящей в тот же блок:

**"ЧЕГО ДОБИВАЮТСЯ СТОРОННИКИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕПУТАТСКОЙ ГРУППЫ?
— легализации наворованных миллиардов;
— расчленения Советского Союза;
— уничтожения социальных гарантий;
— превращения нашей Родины в кладбище экологически вредных отходов..."**

И далее в том же роде. Подписано: "Московское общество "Единство".

Вот диапазон национал-патриотов: от сладостной латыни до булыжной, матерой, чуть ли не матерной клеветы...

.....
— Демократы! Демократы! — кричат наши пикетчики, поднимая вверх свои листовки.

— Патриоты! Патриоты! — весело откликаются те, у противоположной стены.

Нас разделяет поток людей из метро и в метро. Кое-кто отделяется от общего потока, берет листовку у "нас" или у "них" и идет дальше.

Все это происходит на фоне многого другого — стремительных отъездов евреев из СССР, огромных очередей в Макдональдс на Пушкинской площади в Москве или того обстоятельства, что, как стало известно из "Литературки" (от 28 февраля), — в Подмоскovie появился новый дефицит: гробы исчезли.

Почему именно гробы, а не шариковые ручки?

Нет ответа. Мы живем в сюрреальном мире неограниченных возможностей.

И не стал бы здесь я мешкать,
Ждать петли иль колеса,
Если б я не жил усмешкой,
И не верил в чудеса...

Чудес особых нет, но все же результаты выборов обнадеживают: несмотря на бешеную активность национал-патриотов, в Москве победили патриоты демократического направления. Это опасная победа: если "демократам" ничего путного для Москвы сделать не удастся, то "памятники", подобно Командору, восстанут из своей преисподней и наложат на все каменную руку. Ведь сейчас голосовала активная часть населения, — та, чьи окна в доме напротив светятся до двух часов ночи в дни, когда из Ленинграда передают "Пятое колесо" или из Москвы — заседания Верховного Совета. Этих окон много, но еще больше темных. И если после неудач "демократов" новые люди включатся в выборы, — кто знает, за кого они будут голосовать. Не говоря о том, что голосовавшие могут переориентироваться...

Но пока среди новоизбранных советских парламентариев у меня появились друзья и знакомые, чего прежде быть никак не могло. Вадима Янкова, правда, не выбрали, зато депутатом стал Сергей Ковалев. Двадцать лет назад бродили мы с ним по городу Калуге, так и не допущенные на суд, где в числе обвиняемых за крамольный самиздат был Револьт Пименов, вызвавший меня в свидетели защиты на этот процесс. Теперь, двадцать лет спустя, Револьт Пименов стал депутатом Верховного Совета РСФСР от Сыктывкара, где по отбытии ссылки остался жить.

Депутатов от демократического блока в Совете народных депутатов России меньшинство, примерно одна треть.

Но можно на что-то надеяться и, может быть, удастся чего-то добиться. Ведь надеялись же мы, когда не было надежд, когда нынешние народные депутаты считались антинародными отщепенцами!

О "темных силах" и событиях в Душанбе

17 марта в Москве состоялась встреча членов общества "Мемориал", представителей армянской и таджикской интеллигенции с членами руководства таджикского народного движения "Растохез". Тема встречи — "Февральские события в Душанбе и их уроки".

Почему, однако, ситуация определилась именно так: не встреча таджикской интеллигенции и народного движения "Растохез" с представителями интеллигенции армянской и "Мемориалом", а встреча членов "Мемориала", армянской и таджикской интеллигенции с таджикским же народным движением, словно некая черта отделяла таджиков от таджиков?

Сейчас модно объяснять всякие неполадки в нашей жизни влиянием "темных сил". Может быть, и здесь они вмешались?

Есть, впрочем, и рациональное объяснение: руководство Таджикистана организовало вокруг "Растохеза" такую циркуляцию слухов, что без риска впасть в немилость служилый таджикский интеллигент контактировать у себя на родине с представителями движения не мог. На атмосферу, созданную вокруг "Растохеза", жаловались его лидеры.

Встреча была чрезвычайно интересна, в частности, тем, что на ней отчетливо заявила о себе "социология нарочитых неясностей" или — иначе — "социология темных сил". Излюбленная прежде тема вмешательства в наши внутренние дела "секретных служб" с их Пентагоном, Уолл-стритом и Тель-Авивом теперь устарела. Но даже в условиях "нового мышления" понятий традиционной социологии оказалось мало; "темные силы", "коррумпированные круги", "деятели тене-

вой экономики", "сионисты", "масоны" по-прежнему необходимы моим согражданам, товарищам по общему несчастью.

Правительству все эти расплывчатые, грозные "темные силы" нужны, чтобы не утруждать себя неприятными объяснениями с собственным народом; людям толпы они позволяют, не подвергая себя риску столкновения с правительством, неумимо и злобно искать виновных; прогрессистам идея "вмешательства темных сил" дает возможность сравнительно безопасно кивать на начальство, поскольку в организации наших бедствий начальство по-прежнему играет руководящую роль, а уличить никого ни в чем невозможно.

Тема "темных сил" в ходе нашей встречи поднималась многообразно.

Нечиновный очевидец утверждает, например, что в Душанбе солдаты убивали людей.

Очевидец высокопоставленный (член ЦК КП Таджикистана, депутат Верховного Совета Таджикистана, постпред своей республики в Москве) Насреддинов на это отвечает:

— Неправда. Солдаты стреляли только в воздух. Только холостыми патронами. Это доказано. Когда солдаты стреляют в воздух, а в толпе падают люди — кто их убивает?

Ясно, что "темные силы". Люди в толпе почему-то ни одного убийцы не схватили, — то ли там все были сообщники-уголовники, то ли впрямь участвовали "темные силы", которых и не ухватишь...

Однако московский высокопоставленный человек, завсектором Отдела межнациональных отношений ЦК КПСС, доктор исторических наук Федин поправил своего среднеазиатского коллегу:

— По-видимому, совсем сбрасывать со счета солдат было бы неправильно. Но то, что были факты падения внутри толпы, внутри митингующих, и убийства ножевые, — все это не отнесешь только к солдатам.

Федин тоже был очевидцем событий в Душанбе, был даже их участником с партийной стороны: он выступал на двадцатитысячном митинге 18 февраля. Со своей высокой трибуны он тоже заметил "темные силы":

— О самом поводе событий, о приезде армянских семей, люди забыли через несколько часов. Но потом другие силы вмешались в толпу, в народ митингующий. Это очень важно. И в этой связи события неоднозначны. Очень неоднозначны. Так же, как неоднозначен состав КПСС, как есть неоднозначность в руководстве КПСС, как неоднозначно движение "Растохез".

Вы что-нибудь поняли из этого текста?

А ведь это не какая-нибудь митинговая речь. Это реплика политика-аналитика.

Социология "темных сил" плюс "неоднозначности" — вот средство самосохранения усомнившегося в себе социализма. Это средство универсальное и безопасное в употреблении.

— Разве некие враждебные силы не орудовали в центральных средствах массовой информации во время событий в Душанбе? — этот вопрос, именно как риторический, ставили и Насреддинов, и Тахир Абдуджабор, один из лидеров "Растохеза", и академик Таджикской АН Мухаммед Шукуров. На этом сошлись люди, находившиеся до того на разных позициях.

Тут надо сопоставить то, что мы видели на экранах наших телевизоров, о чем читали, с информацией, полученной от участников встречи.

На экране были картины погрома: белые клубы дыма, осколки на асфальте, из разбитых витрин смотрела крошечная тьма; напряженные лица солдат в касках на фоне бронетранспортеров; группы бегущих через площадь; где-то кричат, в кого-то кидают камни...

В прессе — сообщения об убийствах и армянских погромах, об изнасилованиях русских женщин; о том, как отчаявшиеся русские врачи (более двухсот в двух

больницах) чуть было не ушли с работы в знак протеста против националистического насилия, но, скрепя сердце, остались; об оружии из Афганистана для экстремистов в Душанбе; о беженцах, 80% которых — русские...

По рассказам очевидцев — и притом опять-таки всех, без различия позиций, — ситуация в городе была иной.

Да, разбитые витрины, осколки и обломки на асфальте, разграбленные магазины, конечно же, лица солдат в касках, — все это было снято с натуры. Были сотни раненых. 23 человека — по официальным данным, которых и на встрече никто не оспаривал — были убиты. 17 из них — таджики, четверо — русские, двое татар. Трех армян избили, две армянские квартиры разграбили, — этого свидетельства Багдасарьяна, мужественного человека, в самые тревожные дни заботившегося о безопасности своих соотечественников, никто не пытался опровергнуть. Антиармянские настроения были. Но тот же Багдасарян рассказал, что, когда группа погромщиков подошла к району, где живет много армян, навстречу им вышли таджики, и погромщики вынуждены были уйти. Кто они, эти громилы?

— Сброд всякий, — сказал Багдасарян. — Когда поднимается буря, всякий сор идет наверх.

Свидетели событий — и таджики, и русские, и армяне утверждали, что массовых армянских погромов не было, как не было изнасилованных женщин, афганского оружия, призывов к священной войне. Наоборот, мусульманское духовенство успокаивало народные толпы. 80% бежавших (все армяне) вернулись в Душанбе. Русских беженцев не было. История с русскими врачами, возмущенными разгулом таджикского шовинизма, тоже оказалась мифом. Не было 260 докторов, чуть было не бросивших свои белые халаты в бессильном гневе против таджикских экстремистов.

— Я абсолютно убежден, что с первого дня никакого конфликта таджикско-армянского или таджикско-русского там не было. Об армянах забыли буквально через несколько часов, — утверждал московский цекист Федин.

О том же говорили лидеры "Растохеза".

Однако почему же тогда — а на это жаловались все присутствующие, опять-таки независимо от позиций, — почему же тогда средства массовой информации вдруг стали активно раздувать версию межнационального конфликта, хотя все они любят как раз межнациональную тишину? Опять действовали, как намекал таджикский постпред, некие безответственные силы?

Чтобы ответить на вопрос об этих вездесущих зловердных "силах", надо вспомнить, что же происходило в Душанбе с 11 по 18 февраля, как все это месяц спустя было понято таджикским руководством, удалось ли какое-то время спустя после нашей встречи раскрыть анонимное зло?

Тахир Абдуджабров из "Растохеза" изложил события так:

— 11 февраля у Дома Правительства на площади Ленина собралась толпа человек в 200–250. Кто-то распустил слух, что в Душанбе приедут несколько десятков тысяч армян и что им отдадут все, чего так не хватает здесь: квартиры, продовольствие. На самом деле в город прибыло всего 47 беженцев.

Но тут я прерву изложение событий: кто распустил слухи? Об этих слухах, циркулировавших в городе с начала февраля, говорил кандидат философских наук Шайдун Юсупов, тоже выступавший на встрече, говорили и другие. Как и Тахир Абдуджабров, люди спрашивали собравшихся: почему эти слухи не были вовремя опровергнуты? Кому выгодно было их распускать?

Присутствие "темных сил" становилось все ощутимее. Между тем процесс возникновения слухов у нас столь же таинственен, как и процесс формирования цен на телевизоры или помидоры. К тому же в атмосфере страха перед будущим, глобального торжества экстрасенсов и намечающегося расцвета астрологии возникновение слухов вполне естественно. При этом слухи стелются по людским нитям, с вершин власти их могли не заметить или не придать значения... В

последнем случае "темные силы" и впрямь налицо: это неповоротливость и глупость.

Между тем на площади толпа требовала, чтобы никаких армян в город не привозили, а руководители республики вышли к народу и объяснили, почему в городе иссякает все — и продукты, и промышленные товары, почему скудеет жизнь до самого дна?

Людям ответили, что с ними поговорят завтра.

Политическими "завтраками" власти кормят народ давно, сейчас от них всех тошнит, начинаются аллергические реакции. Вот и в Душанбе, когда люди пришли на площадь 12 февраля, в понедельник, их было уже гораздо больше. Руководство обещало выйти в половине второго, но никто не вышел до четырех часов. Толпа бурлила. Начались столкновения и стрельба. Когда, наконец, руководство вышло, его никто не слушал. В руководителей республики полетели камни.

— К 12 часам 12 февраля было шестеро убитых и много раненых, — констатировал московский цекист (напоминаю: цекист таджикский объяснял гибель людей тем, что, пока солдаты стреляли в воздух, в толпе действовали "темные силы"). — Чрезвычайное положение, — пояснил Федин, — ввели только вечером, после того, как с 19 часов начали подлетать самолеты с солдатами. Всего из разных мест, в том числе из Азербайджана, было привезено около трех тысяч человек.

13 и 14 февраля беспорядки из центра перекинулись на окраины города. Начались грабежи и поджоги.

На митингах в эти дни возникли народные комитеты. Один из этих комитетов выработал 20 пунктов, содержавших требование коренных социальных и экономических перемен в республике, а для начала — отставки Первого секретаря ЦК, Председателя Совета Министров и Председателя Верховного Совета Таджикистана. Представителей Народного комитета власти приняли 14 февраля. В присутствии прилетевшего из Москвы члена Политбюро Пуго все трое подписали протокол, содержавший их заявления об отставке. Отставки должны были утвердить ЦК КП республики и республиканский Верховный Совет. Члены Народного комитета считали это простой формальностью. По отношению к "Растохезу" Народный комитет был самостоятельной организацией.

15–16–17 февраля для жителей Душанбе были днями траура.

Поэтесса Гюльруксор Сафиева сказала, что эти дни были траурными только для народа. Правительство соболезнований не выражало.

— Наши руководители говорят о миллионных убытках, громоздят миллионы на миллионы, — говорила Сафиева. — Но руководители не говорят о человеческих жертвах. Где мы теперь возьмем эти молодые жизни? Самому младшему из убитых было 15 лет, самому старшему — 30. Я никогда так не чувствовала своего бессилия, как в эти дни. Ну хорошо, было сто экстремистов, двести, триста, — но не все же они были такие! Погибли люди. Кто знает, почему они погибли, какими они были? Это трагедия. А правительство не выразило соболезнования. Как можно верить чему-нибудь? Было басмачество, когда лучшие люди ушли в ту сторону и там до сих пор не имеют жизни. Я имею в виду Афганистан. Были обманутые люди, которые друг друга убивали. Но вот трагедия, которая была 12-го у здания Центрального комитета Таджикистана, — самая страшная в жизни таджикского народа, потому что этого никто не ждал, хотя все знали, что что-то может случиться...

Нынешнее течение времени мгновенно смывает устоявшиеся оценки — и вот пробросом, как о само собой разумеющемся, Гюльруксор Сафиева сказала, что среди басмачей были "лучшие люди" ее народа. Но не это, а именно ее финальная фраза кажется мне особенно важной: "Этого никто не ждал, хотя все знали, что что-то может случиться".

Сколько раз еще придется нам всем ее повторять!

Фраза ключевая — и для нашего времени, и для наших судеб.

А все дело было в том, что не митинговые эмоции, которыми полно было выступление таджикской поэтессы, — нет, холодный и трезвый анализ руководил верховными политиками Таджикистана. Они просто не успели выразить соболезнование народу. Ибо, пока для народа шли траурные дни, правительство восстанавливало себя. Пленум ЦК, а потом Верховный Совет вернули к власти трех подавших было в отставку руководителей республики. По-видимому на заседаниях этих органов и был проведен тот анализ происшедшего, с результатами которого познакомил нас член ЦК и депутат Верховного Совета Таджикистана Насреддинов. Вот как он объяснил решение первых лиц республики подать в отставку:

— Если б они не подписали отставку, значит, были бы дополнительные жертвы, подожгли бы киноконцертный зал, подожгли бы цирк. Это уникальные здания. Как можно?

Стало быть, не потому товарищи отказались было от лидерства, что лидируя, завели народ в яму, а по соображениям иным, чисто архитектурным.

Сейчас модно противопоставлять митинговые эмоции и популистские лозунги трезвому разуму ответственных лиц. Но стоит ли так уверенно это делать?

Вот как представитель Правящего Разума Таджикистана объяснял нам причины "кровавого понедельника" 12 февраля:

— Это все было подготовлено. Настолько было подготовлено, что даже солдат в городе не было. Потом только подъехали. Предварительное партийное расследование подтвердило, что борьба шла за власть. То есть определенная верхушка боролась за власть. Двое исключены из партии. Остальные получили партийные взыскания.

Увы, люди, ведущие аппаратные игры, редко прислушиваются к тому, что говорят на митингах. Но насколько же митинговые реакции бывают разумнее аппаратных соображений!

Вот и в данном случае.

Какое объяснение предложил аппарат?

— Некоторые члены правительства в борьбе за власть спровоцировали и организовали грабежи, пожары, кровопролития — и за все эти художества двое исключены из партии, а остальные получили партвзыскания.

Откуда такая доброта к несомненным преступникам? А может, нашли не преступников, а козлов отпущения, которых и порешили изгнать из партийного Эдема в пустыню для беспартийных?

Официальное объяснение, предложенное постпредом республики, на ногах, скажем прямо, не стояло.

Даже Федин, московский аппаратчик, не стал его поддерживать.

Он сказал:

— Я думаю, что многие руководители республики неспособны осуществлять свои функции с точки зрения нынешних требований.

Сказано ясно, но при этом неоднозначно.

Мастер слова.

Но вот эта реплика и помогает рассеять мрак вокруг вполне ясных социальных сил и событий.

В Душанбе чуть не произошла "мини-революция", к сожалению, отнюдь не бескровная, кончившаяся не только отставкой областного воеводы, как это уже бывало, а уходом в отставку правительства целой республики, словно дело происходит не в Душанбе, а в какой-нибудь Праге. Вот это-то и испугало.

И не только таджикских товарищей.

Поэтому, словно дымовая завеса, и была пущена информация о яростных межнациональных схватках.

А когда народ замирили, начальству стало не жалко своей дымовой завесы, к тому же еще и социально ядовитой.

Нет, эмоции на митингах бывают не в пример благороднее эмоций в кабинетах, откуда вызывают солдат, чтобы митинги разгонять, и указывают идеологам, как именно эти митинги опорочить.

Но при чем тут "темные силы"? Тут причина — темные личности, низкого пошиба, но высокого полета.

Они предлагают бессмысленные объяснения кровавых событий. Они каким-то образом действуют в наших парламентских законодательных комиссиях или воздействуют на них извне, добиваясь того, чтобы Верховный Совет получал такие несуразные проекты законов, как, например, проект закона о налоговой инспекции, предоставляющий инспекторам чуть ли не права внутренних войск при чрезвычайном положении. Зачем эти кабинетные игры?

То ли это, как на базаре, — торговля с запросом: потом, мол, придем к соглашению, но что-нибудь полезное для бесконтрольной власти все-таки останется; то ли с самого начала властные люди надеются, что подвластные сами захотят оказаться в дураках...

В этих печальных обстоятельствах обнадеживает только позиция интеллигентов, — в данном случае, армянских и таджикских. Академик Мухаммед Шукуров, поэтесса Гюльруксор Сафиева, руководители "Растохеза", армянский писатель Зорий Балаян, участвовавшие в "мемориальной" встрече, называли друг друга "брат", "сестра". Таджики тяжело переживали происшедшее в республике, им было стыдно за само появление там антиармянских лозунгов и настроений. А Зорий Балаян от имени армян поблагодарил таджиков за чуткость и честность, подчеркнув, что в наши дни способность покаяться — редчайшее качество.

Он был прав. Способность испытывать раскаяние скоро придется, кажется, заносить в "красную книгу" человеческих чувств. Такова уж экология "души живой" без искры Божьей.

Но интеллигентов мало. И для номенклатуры "темных сил" соблазнительно их ущемить. Вот и стараются теперь уничтожить "Растохез". По словам его руководителей, выпущен телефильм, где кадры подтасованы; в местной газете напечатано, что кто-то из "Растохеза" общался с кем-то из сотрудников радио "Свобода" и — что тоже ужасно! — с "Саюдисом". О чем говорилось с представителями этих крамольных организаций, — неизвестно, может, о погоде; но самый факт такого общения в глазах читателей газет должен скомпрометировать народное движение.

Недавно "комендантское время" в Душанбе сократили на два часа; но будет ли от этого легче "Растохезу" и таджикским интеллигентам? Придут ли "светлые" силы на смену "темным" и будет ли легче живому человеку от игры этих аппаратных сил? ●

Ленинград. Дворцовая площадь

Фото И.Гришина

СТАЛИНИЗМ И МАКИАВЕЛЛИЗМ

Захват ключевых позиций в обществе наиболее агрессивной его частью – увы! – норма человеческой истории, так же как и сопротивление этому захвату, нашедшее в конце концов способ обуздания и предупреждения агрессии – цивилизацию. Но тонок слой цивилизации – бездонна толща зла. Всякое нарушение стабильности существования создает агрессивному меньшинству условия для пробы сил. Где война – там мародерство. Где революция – там террор. Читая дневники В.Г.Короленко, пережившего в Полтаве белых, красных, зеленых, немцев, Раду, батек (вернее, *не пережившего*: разорвалось сердце в борьбе за каждого невинно осужденного, в мольбе и заступничестве перед каждой властью), читая эту Белую книгу (а благоговение современников перед Короленко не позволяет усомниться в подлинности ее белизны), я думала о просвещенном русском дворянине конца XVIII века Александре Радищеве, умолявшем братьев-помещиков и матушку-государыню опомниться и не готовить революцию в России. Известное дело – провидцев не слушают: в отчаянии бросившегося наперерез надвигающемуся кровавому бунту... в бунтовстве и обвинили. И до сих пор – по ошибкой образованности – твердят: от Радищева-то и Махно пошел. (Главное, логика безупречная: если увидел огонь – стало быть поджигатель.) Наша революция сформирована нашей историей и несет на себе ее печать. Порыв ее был грандиозен и опустошителен: он расчищал социальное пространство для самых разнообразных сил. Победила одна. Почему?

Если бы грузинским подпольщикам начала века сказали, что Сосо (Коба) окажется на гребне волны, они бы весело посмеялись. Как, впрочем, позже и общероссийское партийное руководство: они видели в нем мелкого, не очень умного человека. Уверенные в себе, блестящие революционные интеллигенты, они не понимали, что человек этот силен не своей силой, а силой тех, кто стоит за ним. Тех, кто мог доплыть до своей добычи только по рекам крови. Силой лентяя и жулика, который, выселив в тайгу честного работающего мужика, станет «барином с портфелем»; полубезумного авантюриста-агронома, который, убив гениального ученого, станет «главным академиком»; графомана, который, заткнув кровавым кляпом рот поэту, будет публиковать макулатуру. Но не только их силой. А и силою простого грешного горемыки, ютящегося сам-шест в крохотной кухне, который получит квартиру оклеветанного им соседа. И, наконец, силою вовсе невинного лейтенанта, который, искренне оплакав любимого командира, станет со страхом, но и с невольным ликованием в сердце, командовать полком, когда сталинская клика расстреляет всех полковников первого призыва в стране, всех до одного – от Бреста до Владивостока.

Благодаря этим людям утолил свою маниакальную жажду власти Сталин, но и он служил им: умело, неутомимо, преданно. Да, их было меньшинство, но меньшинство волевое и жадное. Это неверно, – писал великий английский прозаик Джордж Оруэлл, – что власть развращает людей. Чтобы прийти к деспотической власти, нужно уже *быть развращенным*. Властолюбие – особое свойство, оно целиком зависит от воли. Можно, родившись бездарным, всю жизнь бесплодно мечтать о таланте, но желание власти – не бесплодно. Желать власти и иметь власть, при определенных условиях одно и то же.

Семинарист Джугашвили, писавший завистливые сочинения о древних владыках мира, пошел в революцию со смутным сознанием, что выплывает

наверх в этом потоке. Когда другие до хрипоты спорили о социализме, он помалкивал: не будучи особенно образованным, он был достаточно умен, чтобы понимать, что название не имеет значения. Он прекрасно знал, чего хочет, но понимал, что большинство людей не таковы: их разъедают сомнения – плод совести. Он был «белой вороной» в среде партийной интеллигенции, сгруппировавшейся вокруг Ленина – это все чувствовали. Но должны были пройти кровавые десятилетия, чтобы стала ясна природа этого различия.

Лозунги у всех были одни. Они представляли собой бесконечное сопряжение разных понятий с определением «новое»: «новая мораль», «новое право», «новые отношения». Обычная для всякой революции, увлекательная и опасная игра интеллектуалов, доводящая до абсурда реальный процесс обновления жизни. Но роковая разница между ним и проигравшими ему Бухариным и Каменевым была в том, что Сталин был действительно и последовательно способен к новой морали, ничего общего не имеющей с общечеловеческой. Бухарин, интеллигентный разночинец, воспитанный при Тургеневе и Добролюбове, стремился преодолеть «абстрактный гуманизм» своего воспитания, но преодолеть до конца заложенное в детстве и юности никому еще не удавалось. От первых шагов в революции и до последних дней в застенке он колебался между естественной нравственностью и «новой моралью». Зная Бухарина Артур Кёстлер предполагает, что перед смертью к нему пришло сознание вечности нравственной истины: во всяком случае с такими мыслями идет на расстрел герой его книги Рубашев. Сталину и тем миллионам, волей которых он пришел к власти, нечего было преодолевать в себе. Я не думаю, что это люди особой дьявольской природы: «нравственность в природе вещей», а стало быть и в их природе. Но она была раздавлена очень рано, раньше, чем сформировалось само сознание. Хорошо знавший Сталина и открыто его ненавидевший Буду Мдивани, секретарь ЦК компартии Грузии в 30-х годах, крикнул следователю в ответ на уговоры повиниться и уповать на великодушие вождя: «На его великодушие? Да он не успокоится, пока не убьет всех: от своего незаконного ребенка до слепой прабабушки». Сталин имел огромное преимущество перед Каменевым, который с такой болью говорил на процессе о своих сыновьях, что смутились выдавшие виды судьи, ибо для Сталина сыновья были – только досадная помеха: старший ненавидел отца, младший, дебошир и алкоголик, – позорил. А сына Каменева, торгуясь за жизнь которого, последний возвел на себя чудовищную клевету, Сталин все-таки расстрелял. У Сталина было огромное преимущество перед Орджоникидзе, который не мог простить ему расправы над близкими друзьями, – у него не было друзей. Зная, что прославленный сибирский подпольщик, член ЦК Иван Смирнов любит жену и дочь, Сталин пытался сломить этого человека, выдержавшего пытки, арестом близких. У него было огромное преимущество перед Смирновым: он своей жены не пощадил.

Итак – победитель. В огромной стране. Но, вглядываясь нелицеприятно, отрезавшись от национальных амбиций и комплексов, в источники его силы, мы видим, что победа эта свершилась в *мире*, а не в стране, что она связана не с локальными и кратковременными, а с универсальными и долгосрочными явлениями общечеловеческой культуры. Поэтому, хотя сама по себе мысль, что происшедшее в России и корни имеет русские, а не австралийские, столь очевидна, что ее никто, по-существу, не опровергает (если не считать опровержением попытки найти среди народов России какой-то один особо виновный в трагедии сталинизма), я хочу обратить внимание на другую мысль, отброшенную в глухую тень – Сталин как явление мировой политической культуры. Я имею в виду только одну характеристику этой культуры, обозначаемую собственным и в этом смысле условным именем – макиавеллизм. Это сравнительно молодая характеристика. Всего шесть веков назад представление о политике как об особой форме *этики*, сформулированное Аристо-

телем, сменилось представлением о *внеэтичности* политики, более того – о *противоположности* политики и морали. Это не была смена обычая, а именно смена мировоззренческих установок. Практическая аморальность политиков, став предметом анализа одного из блестящих интеллектуалов итальянского Возрождения, была возведена в логически обоснованную норму поведения. Значение этого духовного переворота прекрасно сформулировал французский философ Жак Маритен в статье «Конец макиавеллизма» в сентябре 1941 г., – дата, разумеется, не случайная. «Не Макиавелли научил королей и завоевателей вероломству, лжи, жестокости и преступлениям. Ради власти они всегда были готовы на все. Макиавелли исторически ответственен только за легализацию политической аморальности. Именно он разъяснил, что хорошая политика, политика, отвечающая своей природе и целям, не может быть «моральной». Я никак не посягаю на интерпретацию личности и творчества Макиавелли исследователями Ренессанса. Но не могу не согласиться с мнением лорда Эктона, что «самый лучший интерпретатор Макиавелли – вся последующая история».

Макиавеллизм в европейской истории сложился двух типов: умеренный и абсолютный. Умеренный, допуская применение дурных средств для достижения цели, мыслил эту цель как общее благо и, не избегая зла, стремился контролировать его масштабы. Представителями умеренного макиавеллизма Маритен считает кардинала Ришелье и отчасти канцлера Бисмарка. Абсолютный макиавеллизм выразил себя в отмене каких бы то ни было запретов на зло. Понятно, что в статье 1941 г. абсолютным макиавелистом назван Гитлер, и в ней цитируется известный отзыв Гитлера о «Государе» Макиавелли: «Эта несравненная книга очистила мой мозг, освободила меня от массы ложных идей и предрассудков. Только после нее я понял, что такое политика».

Осознать степень влияния на Сталина идей Макиавелли нам мешает нежелание и неспособность понять, что в лице «отца народов» мы имели не просто деспота, но деспота-интеллектуала, точнее люмпен-интеллектуала. В русском языке существует смешение понятий «интеллигентность» и «интеллектуализм», о котором надо помнить. Сталин не был интеллигентом, но при всех своих преступных склонностях и уголовных привычках, при всей своей безыдейности (отличавшей его, например, от Троцкого и Бухарина), он был в некотором роде интеллектуалом. «Интеллектуал» не означает благородный, порядочный, ни даже талантливый или умный. Интеллектуал – это человек, воспринимающий мир, как нечто, доступное его анализу, синтезу и прогнозу, требующее его вмешательства и руководства. В отличие от большинства людей, он и живет-то не ради близких, а ради прямой или косвенной власти над миром. Интеллектуализм вовсе не исключает добродетели и благородства, но не исключает в равной мере и низменных потребностей, и темных страстей.

Напомним, что термин «интеллектуал» стал широко использоваться со времен дела Дрейфуса, как определение группы образованных людей, профессионалов, занявших активную социальную позицию. После «дрейфусаров» широкую известность в этом качестве получила группа пацифистов во главе с Дьюи во время Первой мировой войны.

С начала XX века роль интеллектуалов резко усиливалась по мере того, как производственные и финансовые корпорации связывались с университетской наукой. Возникло экспертное управление. Его функции и его роль привлекли внимание крупнейших социологов и историков идей: Д.Белла, К.Гелбрейта, И.Берлина, Э.Торндайка, Н.Хомского. И если Торндайк приветствовал интеллектуализацию правящих структур под никак не аргументированным лозунгом: «Кто умнее, тот добрее», то Хомский высказывался довольно резко. На Хейзинговских чтениях 1977 г. (Лейден) он напомнил о мрачных предсказаниях Бакунина. «В XX веке, – писал рефлектирующий русский

революционер, – к власти придет новый класс – техническая интеллигенция. Это будет самый аристократичный, деспотичный, высокомерный и элитный из всех режимов... Мир разделится на меньшинство, управляющее посредством знаний, и невежественное большинство». В число будущих интеллектуальных господ – «хитрых и знающих» – Бакунин включил и социалистическую элиту – «красных бюрократов».

Однако никто не мог представить себе, сколь широки станут возможности нового правящего класса благодаря средствам массовой информации. Он поистине получил в руки мощное средство производства – пропаганду, суть которой ее известный исследователь Ласвелл удачно определил как «выработку реакции на наиболее мобилизующие социальные символы».

Художественная интуиция авторов антиутопий XX века уловила эту закономерность. Во главе иерархических деспотий будущего, изображенных в «Железной пяте» Дж. Лондона, «Прекрасном новом мире» О.Хаксли, «Мы» Е.Замятина стоит не крестьянский царь, не «пан из хама», а именно интеллектуальный деспот. В самой же знаменитой антиутопии XX века – романе Орвелла «1984» – описаны и вскрыты механизмы управления той самой элиты, которую предсказал Бакунин и портрет которой дал глубоко повлиявший на Орвелла политолог Дж. Бернхэм. Хотя книги Бернхэма вызывали у Орвелла ощущение, что сами они написаны с макиавеллианских позиций, и поэтому преувеличивают роль силы и коварства в истории, он не мог не признать, что сам материальный прогресс «работает на Макиавелли». Ведь прогрессу нужны лидеры: технологи, менеджеры, идеологи, администраторы – а это, как правило, люди властолюбивые и склонные к фанатическому упорядочиванию жизни. Из них, если ход прогресса не взять под контроль, может сформироваться тоталитарная элита. Тоталитарный кошмар в орвелловской Океании создается интеллектом, волей и страстью Внутренней Партии – тех 5% населения, особо хитрых, умелых, практичных, волевых и властных, для которых смысл жизни в утверждении своей власти над остальными, в причинении им боли и унижений. На роль Великого Инквизитора этой системы писателем избран О'Брайен – человек «с тяжелым, но интеллигентным лицом», ум и тонкость которого признает и герой романа, восставший против диктатуры о'брайенов.

Конечно, Гитлер и Сталин выглядят достаточно убого на фоне этого персонажа. Но, во-первых, вспомним, что они управляли не одни и что в толпе ограниченных, примитивных палачей, окружавших вождей, были люди образованные, яркие, блестящие.

Во-вторых, в каждом классе есть люмпенский слой, и понятие люмпен-интеллектуала вполне применимо и к Гитлеру, и к Сталину. Ведь очевидно, что этих, постоянно пишущих-говорящих-читающих вождей не отнесешь к категории крестьян, рабочих, служащих или, скажем, обывателей. Перед нами политики и, стало быть, макиавеллисты. Их карьера состоялась только потому, что они жили в макиавеллианском мире, который принял, легализовал и поддерживал, пусть и с большими оговорками, сначала Гитлера, потом Сталина. Не случайно первый исследователь сталинского террора Роберт Конквест пишет в предисловии к своей книге, что «без усвоения сути сталинизма нельзя понять до конца, как вообще устроен современный мир». По мнению Конквеста, разделяемому рядом серьезных политологов Запада, поддержка мирового общественного мнения – «это один из факторов, сделавших возможным проведение массовых репрессий в СССР. Суды в особенности были бы мало убедительны, если бы какие-нибудь иностранные и посему «независимые» комментаторы не придавали им юридического значения».

После 1935 г., когда политика Сталина начала ориентироваться на союзничество, возможности морального давления на него стали очевидны. Но и до поворота в отношениях с Западом они существовали. Об этом свидетельствует, например, история писателя-коммуниста Виктора Сержа, арестован-

ного в 1932 г. На международном конгрессе писателей в Париже Магдалена Паз, Андре Жид и Сальвемини потребовали его освобождения. В конце года Серж был освобожден. «Этот случай, — пишет Конквест, — дает основание предположить, что если бы процесс Зиновьева был бы во всеуслышание или более или менее единодушно осужден на Западе, то Сталин, возможно, не действовал бы так беспощадно... Те, кто «проглотили» тогда советские процессы, стали до некоторой степени соучастниками дальнейших репрессий». Слово «проглотили» здесь не случайно. Именно так, по свидетельству меньшевика Бориса Николаевского, отвечал Сталин на высказанные ему опасения по поводу реакции Запада: «Ничего, проглотят!» Не «Ну и пусть!», не провозглашение своей «независимости от общественного мнения», а расчет, построенный на знании.

Знанию — чего? На этот вопрос у нас существуют самые фантастические ответы, типа всемирного масонского заговора против России. Существует также убеждение, что сталинский террор поддерживали только западные «левые», социалисты и коммунисты. И поскольку убеждение это — очень глубокий предрассудок, вряд ли оно будет поколеблено опубликованной недавно в наших газетах телеграммой Социалистического Интернационала с требованием законного суда над Каменевым и Зиновьевым и протестом против смертной казни. Между тем, масса фактов (и самых разнообразных) свидетельствуют о том, что расчет Сталина был не только на сателлитов, на агентуру Коминтерна (она была, и свое дело она сделала), а на глубокую, почти рефлекторную, почти физиологическую реакцию общества, поддерживавшую научно обоснованной *солидной платформой* — макиавеллизмом.

Когда Джордж Орвелл написал в 1944 г. антисталинскую сатиру «Ферма животных», ее не приняли английские издатели: ни крайне проталинский В.Голланц, ни правый католик Т.Элиот. Как сказано Грибоедовым: «Кто что ни говори, хоть и животные, а все-таки цари!». Из писем Орвелла той поры видно, в какое отчаяние приводили его упорные попытки писателей и журналистов *разных политических ориентаций* оправдать сталинский террор. Из этого отчаяния и родилось убеждение, высказанное писателем в предсмертном интервью о романе «1984»: «Тоталитарная идея живет в сознании интеллектуалов везде».

Допущенные на суды журналисты не были ни заговорщиками, ни какими-то особо продажными людьми. Они были просто людьми культуры, *отделившей политику от морали*. Поэтому они не видели очевидного.

Каждому, кто читал стенограммы процессов, бросаются в глаза белые нитки, которыми они шиты. Особо выделяются три момента:

1. Государство, на всех командных постах которого (включая армию и разведку) стояли агенты иностранных держав, просто не могло существовать 20 лет.

2. Состав преступлений фантастичен и напоминает грошовый детектив (гвозди, подсыпанные в масло; шторы, опрысканные ядом и т.п.).

3. В качестве мест тайных встреч подсудимые называют физически не-реальные объекты: сгоревшую много лет назад гостиницу, закрытый в это время года аэропорт...

Эти частные случаи западные газеты отметили, но они не изменили общего климата. Да что такое частные случаи! Общественное мнение располагало и системно упорядоченным материалом, разоблачающим фальсификацию суда. Представительная комиссия во главе со знаменитым американским философом Дьюи, изучив тщательнейшим образом материалы процесса 1936 г., пришла к выводу о полной его фальсификации. «Невиновны!» — называется опубликованный этой комиссией отчет. (Кстати, ведущим адвокатом комиссии был социалист Джон Финерти, до этого защищавший Сакко и Ванцетти.) Беспощадный анализ процессов дал в своей брошюре социалист Адлер. Опубликованная в лейбористской прессе, она произвела впечатление, но,

увы, недостаточное. Открыто обличал сталинский суд лидер шотландских левых Э.Хьюз в своей газете «Forwards». Конквест, человек далекий от левых взглядов, пишет: «В действительности, некоторые группировки левых (не только троцкисты, непосредственно в этом заинтересованные) смотрели на вещи трезво. Но другие круги, несогласные с теорией коммунизма, приняли официальную сталинскую версию».

Вдумаемся: несогласные с теорией – приняли практику! Ибо в основе приятия лежала глубоко иррациональная установка, вполне, впрочем, соединяемая с политическим расчетом. Когда Черчилль слушал рассказ о десяти миллионах загубленных русских крестьян, когда после Второй мировой войны он отдал на растерзание Сталину сотни тысяч советских военнопленных, что здесь было от политики, а что – от обожания силы, от векового: «Победителей не судят»? И мог ли не склоняться перед силой человек, воспитанный в колледже, где – по его воспоминаниям – процветало то, что у нас называют «дедовщиной», в формах не столь грубых и грязных, но достаточно жестоких.

В 1941 г. вышла в свет книга посла США в СССР в 1937–38 гг. Дж. Дэвиса «Миссия в Москву», по которой вскоре был снят фильм – клюквенный и апологетический по отношению к Сталину. Анализируя истоки и историю «миссии Дэвиса», советский автор Ю.Комов («В мире книг», № 10, 1988) в сложном клубке ее мотивов отыскивает и объективно благородный – антифашистский. Как известно, через два дня после вторжения гитлеровцев на территорию СССР Рузвельт заявил о готовности к оказанию Советскому Союзу всесторонней помощи, и уже к концу 1941 г. наша страна получила по ленд-лизу беспроцентный заем на 1 миллиард долларов. В перспективе виделось открытие «второго фронта». Следовало срочно мобилизовать общественное мнение Америки, заставить его забыть все то страшное, что было известно о коллективизации, о терроре, расположить в пользу лидера нового союзника. «Соответствующие идеологические акции предусматривали создание образа безупречного «вождя народов», за которым люди идут без оглядки».

Писатели и журналисты, нанятые Дэвисом, изучив массу документов (в том числе из дипломатической переписки), *выбирали* только материалы, создающие облик СССР как почти идеального государства. «Нашу историю для американцев отбеливали или во всяком случае, стремились представить в розовых тонах», – пишет Ю.Комов. Этой химической операции подверглись и процессы 1936–38 гг. Ссылаясь на «мнения очевидцев» и на «собственные впечатления», Дэвис с огромной энергией утверждал, что «несмотря на предубеждение против самой юридической системы, в которой практически отсутствуют какие-либо формы правовой защиты», приходится признать, что на этих процессах «с полной очевидностью установлено существование значительной по своему характеру политической оппозиции и серьезного заговора». Миссия Дэвиса имела, как говорится, страшный (в данном случае – буквально) успех. Согласно опросу Гэллала в октябре 1942 г., читатели высоко оценили «достоверность информации о суде над заговорщиками, выступившими против Сталина». А в устных своих выступлениях Дэвис радостно общал своим слушателям, что в СССР не будет коллаборационистов, как в других странах: они все заблаговременно расстреляны мудрым Сталиным. Определенное впечатление производил на читателей и портрет Сталина «кисти Дэвиса»: «Он производит впечатление человека сильного, собранного и мудрого. В карих глазах – тепло и доброта. Ребенку бы понравилось сидеть у него на коленях, а собаке ласкаться у ног».

Когда по бестселлеру Дэвиса снимался фильм, его продюсер Бакнер попытался воспротивиться клевете на Бухарина и его товарищей по несчастью, заявив, что совершается «грандиозная историческая ошибка». Увы! На макиавеллизм, кроме всего прочего, работают и деньги: угроза Дэвиса выкупить фильм сломала антисталинское сопротивление в Голливуде. Затем бли-

стательная премьера, реклама, прокат. И тут снова всплывает благородное имя Дьюи: старый философ в открытом письме (напечатанном десятками газет) заклеймил фильм как «первый в нашей стране случай тоталитарной пропаганды... которая фальсифицирует историю».

Из статьи Ю.Комова я также узнала, что кассового успеха фильм не имел. Но Дэвис, привезший копию фильма в Москву в 1943 г., мог утешить себя тем, что Сталин, просмотрев картину, пустил ее в прокат.

Отмечая в конце статьи, что Дэвис «сделал много для укрепления доверия между СССР и США», Ю.Комов все-таки ставит ему в вину «искажение (может быть, непонимание или самообман) трагических страниц нашей истории». С 30-х гг. мыслящие и сохранившие сердце люди на Западе и у нас гадают: сознательное искажение или самообман лежали в основе одного из самых позорных событий новой истории – массовой поддержки, которую цивилизованные, либеральные, не одно поколение жившие при демократии люди оказали необузданному деспоту и садисту?

Очевидно, это был тот *автоматический самообман*, который происходит, когда готовая, выработанная культурная реакция отталкивает информацию. Ведь общественное мнение Запада не проснулось по-настоящему в 1948 г., когда Д.Далин и Б.Николаевский опубликовали книгу о советских лагерях, снабженную репродукциями документов. Фактически отменялись и показания бывших узников ГУЛАГа – вплоть до Солженицына. Неужто потребен могучий художественный дар, чтобы назвать черное черным? Нельзя без содрогания читать книги и статьи литераторов-туристов и общественных деятелей Запада, посещавших лагерь. «Это достижение, свидетельствующее о полном устранении эксплуатации человека человеком», – восхищался Пьер Дэкс. Правда, надо отдать должное сталинской режиссуре: для «потемкинских деревень» не жалели сил и средств. Для иностранных посетителей в Болшеве держали специальную показательную исправительно-трудовую колонию, о которой с восторгом отзывались такие ученые как Гарольд Ласки и социалисты – супруги Уэбб; в некоторых обычных тюрьмах для той же цели заводили показательные блоки (зэки их называли «тюрьмами Интуриста»). Когда в 1944 г. Магадан посетил вице-президент США Генри Уоллес, всех заключенных заперли в бараки, сторожевые вышки срыли, сотрудников ГУЛАГа переодели свинарками: об этом подробно пишет Р.Конквест.

Попустительствуя то Гитлеру, то Сталину, Запад просто придерживался принципов «реальной политики»: этот эвфемизм аморальной политики возник в XX веке. Но сам поиск эвфемизма, то есть более благозвучного определения аморальности, и позволил гуманистам типа Жака Маритена заговорить о «конце макиавеллизма», по крайней мере о его теоретической дискредитации.

Новые горизонты естественных наук, новое представление о соотношении материи и сознания, об относительности физических параметров бытия – времени и пространства – и абсолютности духовных, новое неэвклидово мышление в науке – все это подорвало «железную логику» Макиавелли. Оставался, однако, психологический барьер. Оставался соблазн приписать макиавеллизм одной нации или стране. Но «победителей не судят» – лозунг не нации, не формации, не идеологии. Это лозунг всей цивилизации, признающей неизбежность войн, видящей в войне одно из высших проявлений жизни. «Есть наслаждение в бою» – ведь это написал не агрессивный студент-инородец, любимый персонаж наших публицистов из «Памяти». И не безродный ифлиец, как утверждает С.Куняев, а родовитый русский аристократ Андрей Болконский любил бой, да не за свое отечество, а бой вообще. Клялся же он Богу под небом чужого и ненужного России Аустерлица, что отдаст все: и старого отца, и беспомощную сестру, и жену на сносях – за военную удачу, «за минуты славы, торжества над людьми». В этом мире жили поколения людей. Жил в нем и Сталин. Он был сыном этого воюющего,

силового, хмельного победами мира. Худшим из сыновей, уродом, позором, проклятием, но сын есть сын. Он родился в стране, несчастная география которой, постепенно переходя в историю, позволила таким, как он, довести торжество над людьми до масштабов геноцида. На огромных пространствах между Европой и Азией легче править сатанинский бал, но идею правления рождают не пространства, а механически соотносящий средства с целями технологический рассудок. Он всемирен, но не вечен, ибо возник на нашей исторической памяти.

Сталинизм – чудовищная реализация макиавеллианской аморальной политики, и пока жива идея этой политики, он будет торжествовать вновь и вновь в том или ином регионе мира. Сама целостность человеческой цивилизации требует, чтобы система сохраняла недемократические элементы в своих частях до тех пор, пока идея господства силы содержится в этой системе.

Не хочу, чтобы это суждение было воспринято как вызов тому национальному покаянию и беспощадному самоанализу, которым мы все заняты. Искать конкретные причины и последствия сталинизма именно у себя – святое дело, и по мере сил я всю сознательную жизнь к этому стремлюсь. Но думать, что, исправив себя, мы исправим мир, – значит впасть в смирение паче гордости, в новый мессианизм. Представлять нашу трагедию как чисто отечественную можно, только воображая мир сцеплением «своих» и «чужих» кусков. Атомы не имеют иммунитета к радиации, и у атомов нет ни национальности, ни партийности.

Соображения эти представляются мне неотложно практическими. Без всемирного сотрудничества в десталинизации мы не перестанем быть «группой риска» для тоталитарных эпидемий. Запад для нас – не учитель и не ученик, а партнер, сознающий свою ответственность за все происшедшее в XX веке. Полвека назад он не помог антисталинскому Сопротивлению (а оно было и, я надеюсь, что еще будет написана его история). В эпоху Хрущева и Брежнева пришла гуманитарная помощь, и она сыграла свою роль в судьбах жертв тогдашних репрессий. Но вопрос не снят с повестки дня, когда антисталинское движение, начатое героями и мучениками эпохи застоя, приобрело статус государственной политики и авторитет общественного мнения. Без всемирного покаяния и исправления сталинизм не уйдет в историю. ●

Фото И.Гришина

Ленинград. Дворцовая площадь

Андрей КИБРИК (Москва)

БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

В области экономики, по мнению многих специалистов, нашей стране нужны в первую очередь экстренные меры — на ближайший год, а то и на несколько месяцев. В сфере же национальных отношений, как мне думается, умиротворить людей можно лишь *долговременная* программа, дающая определенную перспективу на годы вперед. Мне бы хотелось высказать несколько соображений о том, какой эта программа могла бы быть. То, что я хочу предложить, сейчас крайне непопулярно, но, по моему мнению, является единственным возможным путем выхода из национального кризиса.

В нынешних дискуссиях по национальному вопросу ниспровергается множество застарелых мифов, укоренившихся в идеологии и в массовом сознании. При этом остается совершенно неизбылемым и даже постоянно рассматривается как один из немногих благополучных островков советской конституционной системы принцип территориального деления *на национальной основе*. Принцип этот рассматривается как единственно справедливый и демократичный не только консерваторами, но и сторонниками реформ; так, он лежит в основе проекта решения национального вопроса, предлагаемого Межрегиональной депутатской группой. По моему убеждению, национально-территориальное деление представляет собой одну из самых опасных бомб замедленного действия, заложенных при создании СССР.

Организация территориального деления по национальному принципу отнюдь не является единственным и даже наиболее распространенным вариантом государственного устройства в многонациональных государствах. В большинстве многонациональных стран мира, особенно в наиболее благополучных из них, принята модель территориального деления, не опирающаяся на идею "каждому этносу — по куску". Провинции, штаты, области выделяются на основании исторических, географических и экономических факторов и вовсе не обязаны быть мононациональными территориальными единицами.

Каково происхождение идеи организовать территориальное деление СССР по национальному принципу? Ясно, что интернационалисты-большевики, придававшие значение только классовым, а не национальным различиям и стоявшие за ассимиляцию всех этносов, выдвинули план создания национально-государственных образований внутри единой страны не из любви к национальным культурам и языкам. Просто был найден тактически верный способ ослабить центробежное движение национальных окраин Российской империи. Пообещав борющимся против метрополии народам государственность в рамках единого союза, большевики надолго закрепили у этих колонизованных народов иллюзию автономии.

Гарантированная государственность, пусть даже внутри сверхгосударства, казалась привлекательной для интеллигенции республик, вошедших в состав СССР в начале 20-х гг. Особенно при том, что она была одобрена декларированным правом наций на самоопределение и формальным равноправием с Россией, ранее откровенно выступавшей в роли колониальной державы. Вероятно, эти обстоятельства также несколько смягчили антисоветские и антирусские настроения на территориях, аннексированных в начале Второй мировой войны.

Разделение территории страны на национальные образования с самого начала таило в себе опасность будущих взрывов. При проведении границ царил произвол — вспомним хотя бы известные проблемы Нагорного Карабаха, Абхазии, Самаркандской долины. Может показаться, что стоит сейчас исправить ошибки в проведении границ — и все пойдет на лад. Хотя исправлять границы, действительно, придется, вряд ли это может решить проблему коренным образом. К несчастью (а на самом деле — к

счастью!) народы не расставлены по земле как армейские казармы: здесь территория первой роты, а здесь — уже второй. Нормальное состояние этноса — отсутствие жестких границ проживания, частичная диаспора.

Достаточно произвольны были и основания разделения народов на ранги — кто заслуживает союзной республики, кто автономной, а кто, извините, всего лишь автономного округа. Думается, подобная идея ранжирования этносов, не имеющая аналогов в мире, тесно связана с марксистским представлением о равенстве. Подобно тому, как одни классы могут быть "равнее" других, точно так же можно и установить иерархию народов.

Так закладывались основы территориально-государственного устройства СССР. Удовлетворение от наличия собственной, пусть фиктивной, государственности позволяло советским народам в течение долгих лет в какой-то мере подавлять свои национальные чувства. Стоило слегка разжаться тискам идеологического диктата, бомбы, действие которых было замедлено на семьдесят лет, начали взрываться то здесь, то там.

Нынешнее национальное возрождение в разных регионах страны в значительной степени сводится к идее о том, что народы должны стать "полноправными хозяевами" своих территорий. Однако попробуем разобраться: насколько основательна, перспективна и благотворна принятая в СССР модель деления территорий по национальному принципу?

Эта модель неизбежно ведет к формированию в массовом сознании следующих стереотипов:

1. Государственность — единственный гарант сохранения языковой, культурной, генетической идентичности всякого этноса. Не имеющий форм государственности народ неизбежно ассимилируется.

2. В рамках каждого национально-территориального образования народ, обретший в нем государственность, имеет все основания быть привилегированным перед прочими.

Между тем, оба эти стереотипа очевидно ложны. Опыт всего мирового сообщества показывает, что национальное процветание никак не зависит от наличия территориальной автономии или государственности. Возьмите хотя бы ситуацию с украинцами в Канаде, итальянцами в Швейцарии, шведами в Финляндии. Все эти меньшинства не имеют административно закрепленной территориальной автономии и собственной государственности (парламента, конституции и т.д.), но вовсе не жалуются на ассимиляцию или исчезновение этнической специфики. Не верным ли будет утверждение, что украинцы в Канаде лучше сохранили этническое лицо, чем украинцы в Украинской ССР? Секта протестантов-меннонитов в США сохраняет традиционный уклад и немецкий язык XVII века, никак не используя благ цивилизации и не подвергаясь агрессии с ее стороны.

Обратимся теперь к стереотипу привилегированного народа. Доказывать его бесчеловечность не приходится. А между тем, он распространен в СССР повсеместно. Так, грузин, житель Тбилиси, уверен в том, что у него больше прав распоряжаться окрестностями Сухуми и Гудауты, нежели у живущих там абхазов, армян или турок только на том основании, что вся Абхазия — это часть Грузии, следовательно, земля грузин. Азербайджанец, живущий в Баку и никогда не бывавший ни в Шуше, ни в Степанакерте, не допускает сомнения, что Нагорный Карабах — это его вотчина, и тот факт, что 80% жителей этой области думают иначе, никакого значения для него не имеет. А уж русский, вольно или невольно ассоциирующий себя не только с РСФСР, но и со всем Союзом и воспринимаемый как представитель "общегосударственного народа", не в состоянии понять, как это жители Латвии могут не согласовывать с ним, прописанным в Туле или в Петропавловске-Камчатском, свои намерения относительно самоопределения.

Вслед за идеей о принадлежности данной территориальной единицы определенному этносу всегда следуют шовинистические амбиции и синдром мононациональности.

Этот синдром может быть преодолен благодаря приверженности к европейской цивилизации и христианским ценностям — есть надежда на именно такое развитие в Прибалтике. Но чаще синдром реализуется в неутолимой жажде этнической однородности, в известных лозунгах типа "Россия — для русских", "Утопим жидов в русской крови", "Армянин должен умереть" и т.п. Есть две стратегии достижения идеала мононациональности: ликвидация всех представителей "некоренной" национальности на территории "коренного" этноса (путем изгнания или истребления) и стремление к ассимиляции инородцев любым путем, включая насильственный. Первый вариант типичен, например, для русских расистов, второй пытались реализовать в прошлом году в Грузии, разясняя абхазам, что они не считают себя грузинами просто по недоразумению, и чем скорее они это поймут, тем лучше.

Массовая подверженность людей синдрому мононациональности — неизбежное следствие основополагающего принципа национально-территориального деления. Жестокое соблюдение этнической однородности в каждом автономном округе, области и республике — единственный способ довести этот принцип до логического конца. До тех пор, пока национально-территориальное деление будет существовать, оно будет воспроизводить имперские амбиции, шовинизм, ассимиляторство среди больших, доминирующих на какой-то территории этносов и чувство ущемленности, национальной обреченности и второстепенности у малочисленных этносов.

Как ни странно, немаловажную роль в этнопсихологии советских народов играет чисто, казалось бы, внешний, словесный аспект. Дело в том, что в СССР территориальные образования не просто выделены по национальному признаку (как, например, некоторые штаты в Индии, в ряде африканских стран), но и "приписаны" определенным этносам: Россия — территория русских, Латвия — территория латышей и т.д. Уверен, называйся, скажем, Грузинская ССР Тифлисской коммуной — у грузин гораздо реже появлялась бы мысль ассимилировать свои меньшинства, а у абхазов и осетин было бы меньше оснований для стремления любой ценой вырваться из объятий этой "малой империи". В фундаментальной взаимосвязи словесного наименования с восприятием этнической принадлежности территорий легко убедиться — попробуйте предложить грузину упомянутое переименование. Такое предложение, скорее всего, будет отвергнуто как ущемляющее суверенитет грузинской нации. Приписанность каждой автономии определенному народу — постоянный источник трений и недоверия между людьми, как в случае преобладания данного этноса на данной территории, так и в случае, если он не составляет большинства (Казахстан, Латвия, Абхазия).

Нужно отметить также практические пороки системы национально-территориальных автономий. Пока эта система существовала лишь номинально, ее недостатки не были так заметны. Но теперь, когда делаются попытки заставить ее работать, ее несуразность проявляется ежечасно. Какой бы вопрос ни обсуждался в Верховном Совете — введение президентской власти, закон о чрезвычайном положении, экономические реформы — наш парламент постоянно спотыкается о неразрешимый вопрос: кто же все-таки является суверенным государством — СССР или каждая республика? В результате оказывается невозможным и принятие полноценных законов, удовлетворяющих всех, и принятие конкретных решений в критические моменты; так, неясно, кто виноват в трагической задержке введения чрезвычайного положения в Баку в январе этого года — республиканские или московские власти. Парадоксальный дуализм советской государственной системы — еще один пример неудачных российских попыток поразить весь белый свет и изобрести нечто неслыханное в мировой истории.

Я предвижу некоторые возражения, которые может вызвать мой анализ. В самом деле, ведь мир знает национально-территориальные конфликты и в странах, где вовсе нет национально-территориальных образований. И наоборот, в странах с этнически однородными территориальными образованиями может царить этнический мир.

Однако я вовсе не утверждаю, что существование национально-государственных автономий — единственный источник национальных столкновений. Существует и много

других факторов. Один из них — тоталитаризм. Именно это, а не отсутствие автономий обусловило протесты турок в Болгарии или венгров в Румынии и геноцид против них. То же самое хорошо видно из советской истории, в которой было очень много автономий и очень мало демократии. Разве автономия спасла крымских татар от геноцида?

Другой фактор, способствующий нестабильности национальных отношений — резкое различие в уровне производственной культуры между соседствующими народами. Это обстоятельство влияет и на большинство нынешних этнических столкновений в СССР. С другой стороны, одинаково высокий уровень производственной культуры может предотвращать развитие конфликтов на национально-территориальной основе там, где они в принципе могли бы иметь место — например, в Шотландии, которая имеет частичную автономию в составе Великобритании, или во французском Квебеке, который хоть и не обладает автономией, но отличается этнической однородностью по сравнению с остальной частью Канады.

Могут быть и другие причины национальной нестабильности, например, болезненные исторические реминисценции (кажется, они лежат в основе нынешних литовско-польских трений). Тем не менее, при всем разнообразии возможных привходящих обстоятельств главная причина национальных и территориальных конфликтов в СССР — упомянутые выше стереотипы массового сознания, которые, в свою очередь, вызываются и поддерживаются существующей системой национально-государственного устройства.

Еще одна группа возражений против предлагаемой здесь концепции может быть связана с устойчивым мнением, что национально-территориальное деление и автономная государственность гарантируют этническое процветание. Это мнение ошибочно: нет никакой корреляции между существованием территориально-государственных автономий и благополучием этносов. В большинстве развитых стран Западной Европы и Америки нет острых этнических проблем, при том что нет и национально-территориального деления и автономий. Единственный вид автономии, которым обладают меньшинства в этих странах — это культурная автономия. В США живут в диаспоре множество национальных общин, которые отличаются высокой степенью устойчивости. А в СССР, несмотря на жесткую национально-территориальную структуру, очень сильны ассимиляционные процессы. Не спасают национально-территориальная структура и автономизация и от миграций: за годы советской власти десятки миллионов людей поменяли место жительства, став тем самым "некоренным населением" тех или иных территорий.

Каковы же практические предложения, основывающиеся на проделанном анализе ситуации? Единственный способ притушить разгорание расизма и территориальных споров — постепенное, но повсеместное признание того, что владельцами территорий являются не господствующие этносы, а *люди*, совокупности людей, проживающих на данной территории — вне всяких различий. Отсюда следует и отказ от принципов территориально-государственной автономии и национально-территориального деления.

Ясно, что отмена национально-территориального деления и государственных автономий не может быть одномоментным актом и не может произойти в ближайшем будущем. Слишком устойчивы массовые стереотипы, слишком много надежд возлагается на национальную государственность. Отменить национально-территориальное деление в нашей стране — не проще, чем восстановить право на частную собственность. Поэтому я предлагаю поэтапное движение к этой цели, долгосрочную и перспективную программу.

В качестве первого шага необходимо, как предлагал А.Д.Сахаров, вывести все автономные образования из состава союзных республик и полностью уравнивать их в правах.

Затем надо создать все возможности для выхода любого национально-территориального образования из состава СССР: государство обязано оправдать авансы,

которые оно давало народам при своем образовании 70 лет назад. К тому же, нашей огромной и отсталой стране в любом случае пошло бы на пользу уменьшение размера; впрочем, это уже особая тема.

Наконец, нужно приступить к реализации отмены национально-территориального деления, которое должно быть завершено, например, за 10 или 15 лет. За это время население любого национально-территориального образования сможет решить для себя, что ему дороже: собственная государственность или вхождение в состав СССР. В первом случае данное образование в течение назначенного срока выходит из состава СССР и далее определяет свою судьбу уже самостоятельно. Во втором случае, этнос, дающий название данному национально-территориальному образованию, соглашается с тем, что он будет лишен государственного статуса и, например, вместо Азербайджанской ССР или Абхазской АССР будут организованы многонациональные Бакинская и Сухумская губернии. Всем этническим группам должны быть предоставлены юридические, социальные и культурные гарантии их выживания и благополучия.

Отмена территориального деления на национальной основе необходима, независимо от того, какая часть современной территории останется в составе СССР к моменту этой отмены. Такая отмена осмысленна, например, и на территории одной РСФСР: хотя здесь и не было пока масштабных и кровавых национальных столкновений, синдром мононациональности и здесь не замедлит проявить себя. В течение этого периода, пока отмена национально-территориального деления не будет реализована, следовало бы начать пропаганду этой идеи и разрушение губительных массовых стереотипов этнической государственности и приоритетного права этноса на территорию.

(Здесь я должен сделать одну существенную оговорку. Есть случаи, когда некая разновидность территориальной автономии нужна и полезна. Я имею в виду малочисленные аборигенные этносы, чьи традиционные уклады жизни тесно связаны с биогеографической средой обитания. Таких этносов у нас десятки — эскимосы, юкагиры, удэгейцы, вепсы, андийцы... И как раз они у нас юридически совершенно не защищены, хотя им грозит исчезновение в ближайшем будущем. В подобных случаях имеет смысл использовать такую форму территориальной защиты, как резервация, которая представляет собой не ограничение прав данного этноса, а ограничение прав окружающего населения на соответствующей территории — по типу территорий, отведенных австралийским аборигенам.)

Итак, единственным перспективным путем решения национального вопроса в СССР является отделение этого вопроса от государства, ликвидация преимущественного права доминирующих этносов на территории. Пора, наконец, осознать, что территория Молдавской ССР не принадлежит молдаванам, Узбекской ССР — узбекам, а РСФСР и тем более Советский Союз — русским. Каждая территория — будь то национальное или просто территориальное образование — принадлежит только совокупности людей, живущих и работающих на этой территории, независимо от их национальной принадлежности. Их соплеменники, живущие в других местах, никак не могут ею распоряжаться. А что касается этносов, для которых такой подход категорически неприемлем, им придется самостоятельно создавать мононациональные или близкие к мононациональным государства. ●

ПОПРАВКА

В № 1 за 1990 г. была помещена другая статья Андрея Кибрика — "Российская интеллигенция оказалась терпимой к расизму". Там в фамилии автора по техническим причинам была допущена ошибка. Кроме того, на стр. 33 в левой колонке первые две строки второго абзаца следует читать: "Иначе говоря, налицо всеобщая трактовка ситуации как абсолютно симметричной. По поводу..." и далее по тексту. Приносим извинения автору и читателям.

АРАЛ... БАЙКАЛ... ЯМАЛ?

Более тридцати лет назад в Советском Союзе планировалось уничтожение Аральского моря. Сейчас эти планы "успешно" выполнены — Приаралье превращено в зону экологического бедствия. Двадцать лет назад началось промышленное освоение побережья озера Байкал, которое рекламировалось как совершенно безопасное для окружающей среды. Теперь специалисты думают — как спасти этот гигантский резервуар пресной воды. И вот — новые грандиозные замыслы, связанные с добычей природного газа на полуострове Ямал.

При слове "Сибирь" воображению предстает огромная земля, покрытая лесами и засыпанная снегом, в недрах которой скрыты природные богатства — золото и алмазы, уголь и металлы, нефть и газ. Так оно и было. Но за последние десятилетия эта земля видела немало всевозможных "покорителей", которые хотели только одного — побыстрее отобрать у природы ее богатства. И теперь Сибирь представляется тем, кто смотрит на нее с самолета, вырубленной, израненной, разоренной. Еще сильнее это становится заметно, если спуститься на землю, походить по ней, поговорить с людьми. Думаю, об этом нужно знать всем людям, особенно тем, кто видит главную проблему в кислотных дождях или в уничтожении тропических лесов. В Советском Союзе уничтожается огромный регион. Может быть, еще не поздно что-то предпринять.

Западную часть Сибири занимает огромная Тюменская область. Именно там двадцать лет назад была найдена нефть, которой пользовались как жители СССР, так и многие страны Европы. Примерно тогда же на севере Тюменской области и на полуострове Ямал был найден природный газ. Но добывать его тогда не стали — в мире начался нефтяной кризис, цены на нефть взлетели до небес, и для экспортных целей газ не требовался. Газ добывали, но мало — чтоб только себе хватило и близким друзьям.

Ситуация переменялась в восьмидесятых годах, когда слово "экология" стало одним из наиболее употребляемых во всех языках. Тогда-то всем и понадобился природный газ из Сибири. Он оказался экологически чистым видом топлива. Может быть, для покупателей в Западной Европе он действительно является экологически чистым — ведь все разрушения природной среды остаются на территории России. А на полученные от западных партнеров деньги руководство страны закупает... Что? Оборудование для нефте- и газодобывающей промышленности.

По плану газ по газопроводам должен начать поступать потребителям в 1991 г. Но уже после утверждения этих планов в стране начались перемены, связанные с "перестройкой". Среди прочего, они затронули и хозяйственно-экономические механизмы. Так что новых планов нет, старые пока не отменены, а прежние сроки начала использования газа с полуострова Ямал кажутся совершенно нереальными. Между тем, советские газовые ведомства, и среди них самое крупное — Газовый концерн потихоньку начинают работы на Ямале.

Почему советскую "зеленую" общественность волнует проблема освоения Ямала? Откуда такой всплеск "экологической" активности? Конечно, помогла "гласность" — люди стали узнавать то, что раньше им не было известно. А все, что связано с загрязнением и разрушением окружающей среды, было так же секретно, как военная промышленность. Как горько шутят экологи, если бы завтра люди узнали в с е о степени загрязнения окружающей среды, о том, что они едят и пьют — то послезавтра произошла бы революция. Особенно беспокоят людей крупные проекты, связанные с вторжением в природу. Их было немало в нашей семидесятилетней истории, и все они плохо заканчивались, оборачиваясь бед-

ствиями для народа. Пример с Аральским морем самый страшный, но далеко не единственный.

Но требования прекратить освоение полуострова Ямал нельзя объяснить только страхом перед большим проектом. Дело в том, что природа полуострова очень плохо изучена, и никто не может сказать, — что произойдет с многолетней мерзлотой в случае потепления. А потепление вполне возможно — техника и технология у строителей очень мощная и современная, а вот отношение к природе сильно устарело.

Еще десять лет назад коренным жителям Ямала — ненцам — и пришельцам-геологам не было тесно в тундре. Одни пасли стада северных оленей, другие искали газ. Но если геологам и газовикам с их мощной техникой и большими деньгами местные жители и сейчас мало мешают, то ненцы примерно с начала восьмидесятых годов почувствовали: в тундру пришли чужие люди.

Когда выбирают место для установки разведочной буровой вышки, то буровики стараются найти самые сухие и удобные места. И пастухи, приходя на знакомые им места стоянок, часто не узнают их: вместо привычного чума — жилища кочевников-ненцев, — стоит буровая вышка. А земля вокруг изрезана гусеницами вездеходов и загрязнена отходами бурения.

Может быть, не было бы ничего плохого в происходящих на Ямале переменах, если бы заранее, до начала освоения, ученые провели необходимые исследования. Но этого сделано не было. Исследования ведутся лишь тогда, когда это необходимо осваивающим Ямал ведомствам. А антропогенные процессы развиваются бесконтрольно и порой угрожающе.

На многие десятки километров от поселков буровиков тундра изрезана следами вездеходов. Вертолетов мало, и их используют на самых ответственных работах. А когда нужно отвезти какую-нибудь железку на ближнюю буровую — отправляют вездеход. И вот он лезет через маленькие реки, взбирается на бугры, пробирается по болотам. У водителя нет ни компаса, ни карты. Как он определяет маршрут — одному Богу известно. И молитва у водителя одна — только бы ничего не случилось с вездеходом, ведь радиостанции у него тоже нет.

Бывает, что вездеход ломается. Тогда водитель вместе со своими пассажирами возится в воде и грязи, пытаясь его починить. Хорошо, если это происходит летом, а если зимой? О какой уж тут охране природы говорить! Самому бы домой вернуться.

В старом вездеходном следе почти всегда стоит вода — может быть, дождевая скапливается, а может, мерзлота протаивает. До нее здесь местами менее полуметра. В результате, каждый новый проход вездехода — не по старой дороге, а рядом. Тонкий почвенный слой разрушается и появляется болотце. Мерзлота начинает таять.

Известно, что в многолетней мерзлоте на Ямале встречаются линзы льда. Но какова их мощность? Может быть, несколько метров? Раньше так и думали. Но сейчас появились данные, что толщина льда может составлять сотни метров. Может ли он начать таять? Трудно сказать точно. Если да, то в лучшем случае от Ямала останется группа островов. В худшем случае нам придется добывать газ на морском шельфе, а прибрежным странам Европы — строить защитные дамбы. Может быть, это фантастика, но окончательный вывод можно будет сделать только после тщательных исследований.

На полуострове Ямал, который омывают воды Карского моря, находится Карская геолого-разведочная экспедиция. Именно ее геологи нашли здесь природный газ в 1974 г. После этого геологи и буровики пробурили много десятков разведочных скважин для определения запасов месторождения. А так как для экспедиции главный отчетный показатель — количество пробуренных метров, то на стенде наглядной агитации возле столовой в поселке геологов Харасавэй была помещена плановая цифра на 1989 г. — 50 000. Средняя глубина скважины — 3500 м. Нетрудно подсчитать, сколько их бурится в год!

Стоит напомнить, что ежегодно в мире добывается примерно 1700 миллиардов м³ природного газа, из которых на долю СССР приходится 680 миллиардов м³, а на долю США 470 миллиардов м³. Причем США ежегодно снижают добычу газа, а Советский Союз ее постепенно наращивает. Как говорят газовики, мы "идем на триллион" к началу XXI века.

В настоящее время на Бованенковском месторождении на Ямале пробурили почти сотню скважин, и запасы природного газа оцениваются только на "верхних" горизонтах (до 3500 метров) в 3,7 триллиона м³. При разумном использовании этого газа может хватить на много лет, но спешка, с которой в Советском Союзе происходят подобные "освоения", всегда мешает. Газ уходит в атмосферу, сжигается, а недавно стало известно, что на обслуживание газопровода из Сибири в Европейскую часть СССР и до западной границы расходуется половина добытого газа. Вот так работают наши газовики.

Несколько слов об экономике. Экспедиция расходует на свою работу в год около 50 миллионов рублей. Из них лишь 1% — 500 тысяч рублей — расходуется на восстановление разрушенной природной среды. Много это или мало? Конечно, мало. Особенно, если знать, на что расходуются эти деньги. Их тратят на "маскировочную рекультивацию" — разобрать и увезти буровую вышку, собрать или столкнуть в ближайшее озеро самый крупный мусор. И все. На большее денег не хватает. После проведения такой "рекультивации" на месте бывшей буровой площадки остаются горы бытового мусора, лужи нефтепродуктов и бурового раствора. Разумеется, о восстановлении растительности никто даже не вспоминает.

Вездеход, уверенно катящийся по тундре, застревает в этих завалах. Буровая площадка — самое опасное для него место. Там потерять гусеницу или застрять проще, чем в настоящем болоте.

За 15 лет работы экспедиции вокруг поселка, на местах буровых площадок и вокруг них скопилось столько одного лишь металлолома, что хватило бы на много дней работы крупного металлургического завода. Здесь можно увидеть разобранные буровые вышки, ржавые тракторы и вездеходы, старые вагончики, служащие жильем для рабочих. Даже вертолеты валяются в тундре никому ненужные. А о дровах, мусоре и остатках бурового раствора даже не говорят пока. Все это разлагается, отравляет северную природу. Между тем, как установлено, буровый раствор обладает канцерогенным действием.

Что в первую очередь необходимо при освоении новых земель? Одежда? Жилье? Конечно, без этого не обойтись. Но что надо в первую очередь? Транспорт, приспособленный для использования в новых условиях. Без него невозможно работать ни в пустыне, ни в тундре, ни в густом лесу. Давайте посмотрим, какую технику имеют советские газовики, более двадцати лет работающие в болотистой тундре Западной Сибири.

В первую очередь, конечно, вертолет. Еще — вездеходы и "северный автобус" — салон, установленный на большом грузовом автомобиле "Урал". Вертолет — для дальних перевозок и самых ответственных работ. "Урал" — для дорог с твердым покрытием. Остаются вездеходы — ГАЗ-71, ДТ-30П и "Тюмонец". Последний долгое время рекламировался как универсальный и экологически безопасный. Но на самом деле он режет почву своими резино-металлическими гусеницами сильнее, чем все остальные вездеходы, а скорость его немного больше 10 км/час. Он хорошо выглядит на Выставке достижений народного хозяйства в Москве, но мало пригоден для работы в тундре. ГАЗ-71 — небольшой вездеход, напоминающий легкий танк, у которого вместо башни с пушкой стоит кабина для водителя и кузов. Он потребляет сравнительно немного бензина — 60 литров на 100 километров, но оставляет после себя хорошо заметный след. Вся тундра изрезана следами этого самого часто используемого вездехода.

ДТ-30П — настоящий монстр. Это дизельный тягач, грузоподъемностью 30 тонн, который может плавать. В его кабине помещаются пять человек, а сзади он может тащить за собой прицеп размером с небольшой дом. На 100 километров пути он

использует 500 литров топлива. Если бы такой техники было побольше, то она потребляла бы всю нефть, добываемую в Тюменской области.

Самая главная — транспортная — проблема не решена, а нам толкуют про экологическую безопасность новых методов освоения газовых месторождений. Конечно, если закрыть глаза и не замечать гибнущей природы, то газ добывать можно. Только это окажется слишком дорого для наших детей, которые сейчас ходят в школу. Двадцать лет назад закрывали глаза на разрушение природы при добыче нефти в Тюменской области. В результате сейчас Тюменская область оказалась в зоне экологического бедствия. Дело в том, что когда выходит из строя легкий вездеход ГАЗ-71, люди ездят в тундру и за ягодами на ДТ-30П.

Интересно, а куда смотрит государственная или любая другая инспекция, когда в тундре творятся такие безобразия? А все дело в том, что инспекция на бумаге есть, а на самом деле ее нет.

Теоретически любые разезды по тундре летом запрещены. За нарушение — штраф: компенсация от организации, владеющей вездеходом, — 27 р. за каждый испорченный квадратный метр почвы, 500 р. — штраф с водителя и штраф с его начальника в размере трехмесячной зарплаты. Сурово, ничего не скажешь. Только вот инспектора, который должен ловить нарушителей, самого надо долго искать. Инспекция не имеет ни своих вертолетов, ни реальных прав.

Для того, чтобы получить с нарушителя штраф, его нужно поймать с поличным. Но как это сделать? Конечно, теоретически это сделать можно, но на самом деле — нет. Так что пока экономическая выгода от освоения газовых месторождений в "кабинетах власти" более понятна, чем экологические запреты.

О каких правах инспекции можно говорить, если все руководители постоянно нарушают свои собственные законы. Например, вместе с проблемой освоения полуострова Ямал сейчас широко обсуждается возможность строительства в Тюменской области нескольких заводов по переработке газа. Причем строить предполагается с помощью западных фирм. Однако прежний опыт сотрудничества показывает, что в СССР часто попадают устаревшие технологии, которые вывозятся из развитых стран под давлением общественности. Добавим к этому неумение наших рабочих правильно эксплуатировать любое производство.

Так вот, все проводимые экспертизы дали отрицательный результат. Строить заводы в Западной Сибири нельзя. И вдруг, в ноябре 1989 г. собирается Политбюро ЦК КПСС и принимает решение о начале строительства. Совет Министров СССР, прикрываясь этим решением, начинает финансирование проекта — почти 200 миллионов рублей в 1990 г. Что сможет сделать инспекция, когда законы нарушаются на таком высоком уровне?

Когда я был на базе Карской геологоразведочной экспедиции, мне рассказали историю про утонувшую буровую вышку. А потом мы поехали на это место. Стояли на берегу озера, смотрели в воду, и трудно было поверить, что в его глубину ушла буровая конструкция высотой более пятидесяти метров.

Однажды во время бурения природный газ начал вырываться на поверхность и скапливаться в низинах. Обычно в таких случаях отбегают подальше и поджигают газ выстрелом из ракетницы. Так и сделали, но утечка была слишком большой. Начался пожар, да такой сильный, что очень скоро вышка погрузилась в многолетнюю мерзлоту, состоящую в этих местах из чистого льда. На ее месте образовался пылающий гейзер — из глубины поднимался газ и горел, но казалось, что это пылает сама тундра. Чтобы погасить пожар, надо было первую скважину закрыть цементом. Для этого пришлось бурить наклонную скважину, чтобы попасть в "ствол" первой. Сделать это удалось не сразу, поэтому пожар продолжался много месяцев. Только потом удалось "заглушить" горящую скважину.

Буровики сказали, что подобные пожары на нефтяных и газовых промыслах — не редкость. Это к разговору о "безопасных" технологиях, которые используют советские буровики. А заодно — пример того, что случится с Ямалом, если сейчас начать освоение газовых месторождений в его недрах. Между прочим, освоение уже началось. ●

КЛАУС ФУКС

22 января с.г. «Правда» опубликовала беседу своего корреспондента В.Снегирева с начальником Первого главного управления КГБ ген. Л.Шебаршиным – руководителем советской разведки (точнее – одной из разведок). В ходе беседы состоялся, в частности, следующий диалог:

– Одни говорят, что разведка основательно помогла в создании советской атомной бомбы, другие – что не очень. Как, по вашему мнению, обстояло дело в действительности?

– Факты таковы. Первая информация о разработке американцами атомного оружия была доложена советскому руководству в октябре 1941 года. В дальнейшем такого рода сведения сообщались регулярно. Разведка выступила с предложением о создании специального органа по координации наших научных сил в этой области. В результате была создана лаборатория № 2 во главе с И.В.Курчатовым, с которой разведка тесно сотрудничала многие годы. Давая оценку полученным разведкой материалам, Игорь Васильевич отмечал: «Информация по атомной энергии имела громадное, неосценимое значение для нашего государства и науки».

– Негусто, конечно, но хоть что–то...

Действительно, негусто. Публикуемая ниже статья Р.Лэмфера и заявление К.Фукса несколько расширяют и дополняют «информацию» генерала.

Советская атомная бомба имела, помимо шпионажа, еще одну повивальную бабку – лагерную систему. Об этом рассказывает помещенная в этом же номере статья А.Антонова-Овсенко.

23 сентября 1949 г. президент Гарри Трумэн объявил всему миру, что русские взорвали атомное устройство.

Это было ошеломляющей новостью: теперь наступил конец американской ядерной монополии. Раз у русских появилась бомба, США необходимо было серьезно пересмотреть свою внешнюю политику.

Мы – сотрудники контрразведки – узнали о советской бомбе прежде, чем об этом было объявлено публично, но для нас это было таким же ударом, как и для всех остальных. Встал вопрос: действительно ли советские ученые продвинулись гораздо дальше, чем мы полагали, или же им помогли сведения, украденные у США?

В начале сентября 1949 г. меня вызвали на встречу, устроенную, чтобы обсудить значение и следствия создания советской бомбы. Председательствовал на встрече Лиш Уитсон, сменивший Пэта Койна на посту начальника Отдела по борьбе со шпионажем. Лиш входил в межведомственный комитет по изучению проблем советского ядерного взрыва и хотел знать, возможно ли, что русские похитили наши результаты и с их помощью создали свое атомное устройство?

Мы знали, каковы были успехи советского шпионажа в этой области, но в начале сентября 1949 г. не могли еще точно определить, в какой мере они могли помочь советским ученым, работавшим над созданием атомной бомбы.

Я был настолько занят другими расследованиями, что примерно неделю не вспоминал о советской бомбе. Но вдруг, в середине сентября (еще до заявления Президента) я обнаружил поразительные сведения в недавно расшифрованном документе НКГБ 1944 г. В шифровке содержались цифры и теоретические результаты, которые, по-видимому, были получены из недр Манхеттенского проекта. Речь шла о процессе газовой диффузии, одной из ключевых технологий, применяемых для получения урана-235. Когда я прочел этот документ, мне стало совершенно ясно, что русские в самом деле украли у нас важнейшие результаты и, несомненно, использовали их для создания своей бомбы.

Я бросил все остальное и принялся за работу над расшифрованным документом.

Часть его составляло резюме исследования, другая часть касалась личности агента или связного, сообщившего эти сведения. Из этой части следовало, что в 1944 г. у НКГБ в Нью-Йорке был свой агент в Манхеттенском проекте, работавший в составе английской миссии.

Это была поразительная новость. Мы обратились в комиссию по атомной энергии за копией научного текста, который был использован в советской шифровке. Кроме того, мы получили список всех лиц, прибывших в США в составе английской миссии. Через два дня мы уже знали, что автором статьи был Клаус Фукс и что он был одним из ведущих английских ученых, участвовавших в Манхеттенском проекте.

Но в тот момент под подозрением был не только Фукс: у нас были основания подозревать и главу английской миссии Рудольфа Пайерлса, а также еще одного сотрудника миссии. Я распорядился прочесать наши картотеки, а также картотеки Манхеттенского проекта, и собрать данные об этих людях.

В наших картотеках нашлись два сообщения, касающихся человека по имени Клаус Фукс. Хотя мы не были уверены в том, что этот Клаус Фукс и физик из английской миссии – одно и то же лицо, сходство все же было очень велико. В документе гестапо 1933 г., который оказался в ФБР после окончания войны, говорилось, что некоего Клауса Фукса, немецкого коммуниста, следует арестовать, когда и если он будет обнаружен. Другое неблагоприятное для Фукса упоминание пришло из совершенно иного источника. Его имя было в записной книжке, найденной в квартире Израиля Гальперина, одного из агентов ГРУ в Канаде. Это упоминание очень удивило меня, так как из шифровки было ясно, что Фукс – если это был он – участвовал в проекте по заданию НКГБ, а дела НКГБ и ГРУ обычно не пересекались.

Я не нашел материалов, компрометирующих Пайерлса или других членов английской миссии, лишь поэтому решил, что самым подозрительным лицом является Клаус Фукс.

Я составил совершенно секретное письмо для британской разведки и стал ждать действий со стороны MI-5. В это время мой коллега Эрн Ван Лун занимался родными Фукса в США. Сестра Фукса Кристель, ее муж Роберт Хайнеман и трое детей жили вблизи Бостона. Кристель находилась в психиатрической больнице, так что говорить с ней следовало весьма осторожно.

Через несколько дней мы получили ответ из MI-5. Англичане тоже подозревали Фукса, но не знали, как взяться за дело. Ведь у нас не было никаких материалов, которые можно было бы использовать в суде: мы не имели права раскрывать источники своей информации. Судебное разбирательство было бы возможно лишь в том случае, если бы удалось получить признание от самого Фукса.

В декабре 1949 г. MI-5 разработал план, как вынудить Клауса Фукса сознаться. Успех в большой мере зависел от умения убеждать, присущего Уильяму Скардону, руководившему расследованием. Скардон не принадлежал к высшему слою английского общества, это был просто добродушный, не очень воспитанный человек, вечно какой-то встрепанный. Его ум не бросался в глаза, но всегда проявлялся в тот момент, когда нужно было показать, что в версии подозреваемого концы с концами не сходятся.

План Скардона основывался на полученной англичанами информации об отце Фукса, который как раз собирался занять должность в Лейпцигском университете, то есть за «железным занавесом», в Восточной Германии. Идея была вот такая: британская служба безопасности отнюдь не в восторге от того, что отец крупного английского ученого, работающего в Харуэлле¹, станет легко досягаем для русских, в результате чего Фукс может оказаться

¹ Британский Центр исследований в области атомной энергии, находившийся в г. Харуэлл, графство Беркшир. – Ред.

жертвой шантажа. Фукс сам обсуждал новую должность отца с представителем службы безопасности в Харуэлле именно в такой перспективе.

В декабре 1949 г. Скардон часто встречался с Фуксом и постепенно стал завоевывать его доверие. Скардон должен был скрывать от Фукса, что ФБР и MI-5 узнали о его роли из шифровки НКГБ, но в то же время давал ему понять, что властям известно многое о его шпионской деятельности в США. Сначала Фукс категорически отрицал, что работал на СССР, но 22 января 1950 г. он сказал начальнику службы безопасности в Харуэлле, что хочет снова встретиться со Скардоном. 24 января Фукс начал рассказывать Скардону о своем многолетнем сотрудничестве с коммунистами и с советской службой шпионажа. Выяснилось, что Фукс шпионил в Англии во время войны, затем в США, когда работал в составе английской миссии, и после войны, возвратившись в Англию.

Фукс признался в этом, но англичане еще две недели медлили с арестом. Генеральный прокурор Великобритании сэра Хартли Шоукросс решил, что из-за отсутствия независимых показаний против Фукса нельзя возбудить дело о шпионаже. Однако ему можно было предъявить обвинение в нарушении Закона о государственной тайне. Фукс был арестован 2 февраля 1950 г. и обвинен именно в этом. Неделью спустя Фукс признал себя виновным, и Скардон в качестве свидетеля подтвердил главные эпизоды его признания. 1 марта Фукс был приговорен к максимальному наказанию, предусмотренному за нарушение Закона о государственной тайне, — к 14 годам тюрьмы.

Признание Фукса было лишь одним из целого ряда событий начала 1950 года в результате которых проблема коммунизма оказалась в центре общественной жизни. Президент Трумэн заявил, что поскольку у русских теперь есть атомная бомба, то США создадут водородную бомбу. Советский агент Джудит Коплон предстала перед судом и была признана виновной. Элджер Хисс был осужден за дачу ложных показаний. Теперь историки полагают, что совокупность этих и ряда других фактов, продемонстрировавших влияние коммунизма, побудила сенатора Джозефа Маккарти произнести 9 февраля 1950 г. в Уилинге (штат Западная Вирджиния) его знаменитую речь, где он утверждал, что в Госдепартаменте работают 205 коммунистов, известных ему по имени.

Кампания Маккарти, продлившаяся несколько лет, была для меня настоящим проклятием. Его тактика и подход к делу повредили борьбе с коммунизмом и настроили многих либералов против попыток юридически ограничить деятельность коммунистов в США, в особенности, когда речь шла о назначении заведомых коммунистов на посты в государственные учреждения. Недобросовестное судопроизводство, ложь и преувеличения Маккарти вредили работе нашей контрразведки.

Информация, полученная Скардоном от Фукса, превратила спокойное и тщательное расследование в неистовые поиски. В центре этих поисков оказался человек, которого Фукс знал, по его словам, только по имени «Раймонд». Фукс признался, что американскую информацию об атомной бомбе он передавал «Раймонду». По приказанию директора ФБР Гувера мы, руководители операции, начали поиск «Раймонда», на что было мобилизовано большинство местных отделений и агентов ФБР.

В столь напряженной обстановке тяжело было вести расследование, — а тем более такое, которое даже сам директор назвал одним из наиболее трудных и значительных в истории ФБР.

Я обсудил приказ Гувера — во что бы то ни стало найти «Раймонда» — с Аланом Бельмонтом, занявшим место Говарда Флетчера на посту помощника директора по делам внутренней безопасности. Мы решили, что приказание директора относительно «Раймонда» надо понимать так: мы имеем право располагать всеми ресурсами ФБР, но если мы его не найдем, нам придется худо.

Мы вели поиск во всех направлениях, в частности, встречались со знакомыми и сослуживцами Фукса. Самой плодотворной оказалась беседа с сест-

рой Фукса Кристель Хайнеман и ее мужем Робертом. Госпожа Хайнеман находилась в психиатрической лечебнице под Бостоном, но она помнила человека, приходившего к ней домой в конце 1944 г. и потом в 1945 г. и разыскивавшего ее брата. Когда он пришел впервые, она посоветовала ему зайти после Рождества, когда Фукс собирался навестить своих родственников. Так этот человек и сделал.

Супруги Хайнеман помнили его, но данное ими описание внешности подошло бы нескольким миллионам американцев: белый мужчина 40–45 лет, ростом пять фунтов восемь дюймов, темнокаштановые волосы, ширококостный, круглолицый. Они считали, что он был американцем в первом поколении.

Мы сравнили описание, данное Хайнеманами, с тем, что дал Фукс, — и они сошлись. Фукс добавил еще одну важную деталь: из вопросов, которые задавал ему «Раймонд», он понял, что тот немного разбирается в химии и в инженерном деле.

Фукс встречался с «Раймондом» девять раз. С января по июль 1944 г. они пять раз виделись в Нью-Йорке. Потом Фукс уехал в ЛосАламос, и «Раймонд» приезжал к Кристель, чтобы разыскать его. Как говорил Фукс, он дважды встречался с «Раймондом» в начале 1945 г. в Кембридже. Еще две встречи состоялись в Санта-Фе (штат Нью-Мексико) в июне и в сентябре 1945 г.

Мы с Эрни Ван Лоном считали, что в поисках «Раймонда» нам поможет упоминание о его химическом или инженерном образовании. Перерыв горы архивов ФБР, мы обнаружили примерно тысячу человек с таким образованием и внешностью, соответствующей описаниям Фукса и Хайнеманов.

Мы вернулись к исходной точке. Все еще имея в виду химическое образование, мы проверили все химические лаборатории на Восточном побережье. К своему ужасу мы обнаружили, что в 1945 г. в Нью-Йорке химическим фирмам было выдано около 75 тысяч лицензий.

Отчаяние, вызванное этими неудачами, усугублялось постоянными назойливыми расспросами начальства о ходе расследования. Мы дошли до того, что стали беседовать с людьми на автобусных остановках и в аэропортах Нью-Мексико, спрашивая их, не помнят ли они необычного посетителя, приезжавшего когда-то в 1945 г.

Все это было впустую, но Эрни вдруг осенила идея. Эрни подумал, что «Раймонд», возможно, упоминался в запутанных показаниях связной НКГБ Элизабет Бентли, которые она впервые дала ФБР в 1945 г. Например, какое-то время Бентли была посыльной при химике Эйбрахаме Бротмане. Тот был связан с несколькими химиками и инженерами левых убеждений, имена которых попали в наши картотеки.

В 1947 г. большое жюри, рассмотрев заявления Бентли, вызвало Бротмана для дачи показаний. В суде он с готовностью признал, что был знаком с Бентли и ее любовником Джейкобом Голосом и передавал им информацию, которая, по его словам, не могла принести никакого вреда. Бротман сказал, что с Голосом его познакомил коллега-химик по имени Гарри Гоулд. Большое жюри вызвало Гоулда для дачи показаний, и тот заявил, что считал Голос обыкновенным бизнесменом. Ни Гоулду, ни Бротману обвинение предъявлено не было. Мы, сотрудники ФБР, знали, что оба они нагло врут относительно невинности своих сделок с Бентли и Голосом, но доказать ничего не могли. Поэтому тогда мы это дело на время оставили.

Однако Бротман и Гоулд были в числе первых, кем мы заинтересовались, когда в сентябре 1949 г. я впервые заподозрил Фукса в шпионаже, а на их друзей и знакомых Оскара Ваго, Жюля Коршена и Фреда Хеллера у нас уже были досье. Мы их снова проверили и даже послали Фуксу фотографии, но он никого не опознал.

Но нас с Эрни поразило, насколько точно описание Гарри Гоулда в наших досье соответствовало описанию, составленному Хайнеманами и Фуксом. Мы поручили отделению ФБР в Филадельфии активно заняться Гоулдом, и по мере поступления их материалов наш интерес к нему возрастал. Многие

подробности его жизни и сведения о его поездках, полученные нашими агентами, соответствовали тому, что мы знали о «Раймонде» из признания Фукса.

Но фотографию Гоулда Фукс тоже отверг. Мы с Эрни решили, что, возможно, все дело в самой фотографии. Часто бывает, что свидетель не может опознать подозреваемого по фотографии из досье, но потом легко узнает его на фотографии лучшего качества или же на сделанной ближе к тому времени, когда они встречались. Помня об этом, мы попросили филадельфийское отделение тайно изготовить фотографии и киноплёнку с изображением Гоулда. Мы надеялись, что таким образом его удастся опознать.

В начале мая 1950 г. нам сообщили, что у Фукса истек срок подачи апелляции и что сотрудникам ФБР будет разрешено увидеться с ним. Директор распорядился, чтобы я отправился в Лондон и занялся этим важным делом.

Я получил специальный служебный паспорт, мне прочитали персональную лекцию о механизме действия атомной бомбы. Впервые в жизни я услышал выражение «направленный взрыв», узнал о критической массе, о плутонии и т.п. Вся эта информация все еще была секретной. Мне ее доверили потому, что я должен был быть в состоянии понять техническую сторону дела, если бы Фукс заговорил со мной об этом. Мне нужно было настолько разбираться в этих вещах, чтобы я мог спросить у Фукса о том, какие материалы он поставлял русским. Так, я взял с собой список документов Комиссии по использованию атомной энергии и Манхэттенского проекта, которые, по мнению американских специалистов, Фукс мог передать противнику. Со мной в Лондон должен был поехать Хью Клегг, помощник директора, возглавлявший отдел обучения и инспекции.

Перед поездкой в Лондон, 15–17 мая 1950 г., агенты ФБР побеседовали в разных городах с людьми, знавшими Гарри Гоулда, — в том числе с Эйбом Бротманом, с его любовницей Мириам Москович и с его деловыми партнерами. Из этих бесед стало известно много нового о Гарри Гоулде. Например, Мириам Москович рассказала, что он лгал ей о своем прошлом, придумал себе жену, сыновей-близнецов и брата, погибшего на Тихоокеанском театре военных действий. Она не сказала, для чего Гоулд все это придумывал.

Мы все больше укреплялись в мысли, что Гарри Гоулд и был «Раймондом». Мы настаивали на том, чтобы Гоулда сняли скрытой камерой, — тогда мы с Клеггом могли бы взять киноплёнки в Лондон.

Мы с Клеггом поехали на поезде в Нью-Йорк, откуда должны были лететь в Европу. В Филадельфии в наш поезд вошли сотрудники ФБР и передали нам киноплёнку и сделанные с нее фотографии Гарри Гоулда: съемки делались на улице, из окна машины.

В лондонском аэропорту нас встретил Джон Симперман, опытный сотрудник ФБР, отвечавший за связи между Бюро и английской контрразведкой. Джон должен был присутствовать на некоторых встречах с Фуксом.

Хотя после окончания войны уже прошло пять лет, Лондон все еще не вернулся к прежнему состоянию. Многие кварталы, пострадавшие от бомбежек, оставались в развалинах. Сохранялись ограничения на мясо, масло, некоторые другие пищевые продукты и на уголь. То же касалось других товаров и услуг. Приближался конец мая, но в городе еще было холодно, а в нашей гостинице уже не топили, — впрочем, как и во многих учреждениях, где мы бывали.

Симперман, Клегг и я обсудили, как нам вести себя с MI-5. Клегг настойчиво повторял, что Гувер хочет скрыть от англичан наши успехи в деле поиска «Раймонда». Я считал это нелепостью. Я заметил, что Уильям Скардон будет присутствовать при наших беседах с Фуксом и, конечно же, поймет, что мы подозреваем прежде всего Гарри Гоулда. Симперман согласился со мной, но Клегг не хотел ничего рассказывать Скардону.

В субботу утром 20 мая 1950 г. мы с Клеггом отправились в штабквартиру MI-5 и там вместе со Скардоном сели в полицейский автобус с затемнен-

ными окнами, который выехал через задние ворота. Через 20 минут мы уже были на окраине города. «Уормвуд Скрабз» была мрачной, голой и холодной, — именно так я и представлял себе английскую тюрьму. Пройдя через двое ворот, мы оказались в неотапливаемой «комнате стряпчих», которая находилась сравнительно близко ко входу в здание тюрьмы, а напротив нас, по другую сторону коридора, помещался кабинет начальника тюрьмы. Обычно в этой комнате адвокаты встречались со своими клиентами-заключенными. Окна комнаты выходили в прогулочный дворик, а застекленное оконце в двери позволяло охране заглядывать внутрь. Главным предметом мебели в комнате был большой круглый стол с приставленными к нему стульями.

Фукса привел и представил нам хорошо знавший его Скардон. Мы сели и попробовали начать беседу. Скардон говорил очень мало, а Клегг делал записи, пока я разговаривал с Эмилем Юлиусом Клаусом Фуксом.

Человек, встречи с которым я столь долго ждал, выглядел примерно так, как я себе представлял: умное, худое и бесцветное лицо. Это был мужчина 39 лет, среднего роста и слегка сутулый. Он носил очки, за стеклами которых были видны карие глаза на болезненнобледном лице; он уже начинал лысеть со лба. Когда он задумывался, у него морщился лоб, а у глаз обозначались синие жилки, которые шли к вискам и потом исчезали в волосах. Зубы пожелтели от табака, сильно выдавался кадык. Волнуясь, он часто и слышно сглатывал слюну. У него были длинные руки с довольно широкими ладонями. Он моргал чаще, чем это обычно бывает, по-английски говорил бегло и тихо, с немецким акцентом.

Поначалу наша беседа ничего хорошего не обещала. Фукс сомневался, стоит ли ему отвечать на вопросы ФБР. В конце концов, он ведь не был обязан это делать, и он хотел получить гарантии того, что никто из его родных и знакомых в Америке не пострадает в результате его бесед с нами. По мере того как он говорил, я стал понимать, что он, в сущности, хочет вынудить нас вступить с ним в переговоры. Больше всего его тревожила безопасность сестры, Кристель Хайнеман.

Мне нужно было, чтобы Фукс заговорил, но торговаться с ним мне было ни к чему. Я объяснял ему, что он, видимо, не понимает задачи ФБР, наша функция состоит лишь в том, чтобы провести предварительное расследование, а не возбуждать уголовное дело. Если будет суд, то обещать что-либо сможет только прокурор или судья.

Это не очень продвинуло нас вперед, и тогда я тоже стал говорить о его сестре Кристель. Я сказал, что она охотно помогала нашим сотрудникам, которые беседовали с ней несколько раз. Разумеется, все встречи с ней проходили с согласия врачей. Этим я хотел показать Фуксу, что мы знаем, где его сестра и не выпустим ее из виду. На лице Фукса ничего не отразилось. Я попробовал снова. Я сказал, что, по-моему, Кристель никак не связана со шпионской деятельностью Фукса в США, если не считать того, что к ней обращался «Раймонд» в поисках Фукса; но этим контактам я не придавал большого значения. На этот раз я заметил интерес в глазах Фукса. Я слышал его мысли так же отчетливо, как если бы он высказал их вслух. Он считал, что ФБР, подобно гестапо и МГБ, может преследовать невинных людей, вроде Кристель Хайнеман. Мы, конечно, не собирались ничего такого делать, однако я не считал нужным разубеждать Фукса: если он считает нас такими подонками, то пусть думает, что его сестра по-прежнему в опасности.

После этого столкновения я перешел собственно к делу. Я уже упоминал, что Фукс рассказал Скардону о «Раймонде», в поисках которого мы и посетили Фукса. И раз он не хочет рассказывать нам все, то для начала можно ограничиться только этой темой. Фукс колебался. Было ясно, хоть он и не хотел в этом признаваться, что для него беседа с сотрудниками ФБР принципиально отличалась от разговора со Скардоном.

В этой безвыходной ситуации я достал десяток фотографий людей, которые могли оказаться «Раймондом», и попросил Фукса взглянуть на них. Я

сказал, что он всегда может отказаться отвечать на другие вопросы, но раз уж мы приехали из такой дали, то нам необходимо постараться добиться от него опознания «Раймонда».

Фукс согласился посмотреть снимки. Там были три последние фотографии Гоулда, сделанные скрытой камерой, старые фотографии Гоулда и несколько снимков других подозреваемых. Одну за другой Фукс отверг фотографии других людей, потом старые фотографии Гоулда. Остались только три новые.

«Эти я не могу отвергнуть», — сказал Фукс. У меня заколотилось сердце. Но это было еще далеко не полное опознание. Фукс сказал, что по этим фотографиям он не может с уверенностью утверждать, что это и есть «Раймонд».

К вечеру мы с Клеггом поехали в контору Симпермана в американском посольстве, где составили первую телеграмму Гуверу. Эти телеграммы стали ежевечерним делом во время нашего пребывания в Лондоне. Для этих телеграмм мы всякий раз использовали новый шифр. Клегг настаивал на том, чтобы мы посылали Гуверу как можно более подробные отчеты и отвечали на все вопросы, которыми нас уже засыпала в своих телеграммах штаб-квартира.

Когда мы в первый раз составляли отчет, Клегг спросил, почему во время беседы с Фуксом я иногда что-то писал, хотя мы договорились, что записи будет вести он. Я ответил, что привык делать заметки для себя — слова или отдельные фразы — просто для памяти, но что все основное я держу в голове. Иногда во время составления этих телеграмм мы с Клеггом расходились относительно того, что именно сказал Фукс, но я всегда настаивал на своем понимании, независимо от того, были у меня записи или нет. И всякий раз Клегг предпочитал доверять мне, а не своим заметкам.

В понедельник Джон Симперман поехал с нами в «Уормвуд скрабз», чтобы помочь в демонстрации киноленты, на которой скрытой камерой был заснят Гоулд в Филадельфии. Тюремные служащие занавесили окна и дверное стекло в «комнате стряпчих» и показали ленту. На ней Гоулд шел по улице, останавливался, двигался. В конце Фукс сказал: «Не могу утверждать, но очень похоже на него («Раймонда»)». Есть у него такие особенности поведения, которые я, кажется, узнаю: он слишком явно оглядывается по сторонам и назад». Фукс добавил, что в облике этого человека было нечто, не соответствующее его воспоминаниям о «Раймонде», но, возможно, это объясняется тем, что они не виделись уже пять лет. Пленку показали еще раз. После этого Фукс сказал, что опознать этого человека мешает его манера держаться. Человек на пленке серьезен, а «Раймонда» он помнит улыбающимся, счастливым и «надутым от гордости... видно, был доволен, что ему поручили такое важное дело». Когда фильм показывали в третий раз, проектор отодвинули от экрана, чтобы увеличить изображение. Во время показа я глядел и на экран, и на Фукса: смотрел он внимательно, но чувств никаких не выражал. Однако после демонстрации он повторил то же самое: «Очень похоже».

Я не был удовлетворен, но на этом мы прервались. Из поступавших из Бюро телеграмм я знал, что с Гоулдом в Филадельфии встречаются наши сотрудники, и что, хотя он еще не сознался в том, что был напарником Фукса, они полагали, что вскоре он признает эту связь.

И в самом деле, последний удар был нанесен 22 мая Ричардом Бреннаном и моим бывшим сотрудником по оперативной работе в Нью-Йорке Скотти Миллером. Получив согласие Гоулда на обыск его квартиры, они тщательно осматривали его вещи, а он сидел рядом и наблюдал. Перед тем Гоулд отрицал знакомство с Клаусом Фуксом и Кристель Хайнеман, а также поездки в Бостон или на запад от Миссисипи. Но Миллер и Бреннан все время находили в его книжном шкафу предметы, опровергающие эти показания, например, расписание поездов на Бостон. Наконец, Миллер извлек из шкафа

буклет торговой палаты в Санта-Фе с подробной картой города. «Мне кажется, Вы говорили, что никогда не были на Западе», – заметил он Гоулду. Потрясенный Гоулд рухнул в кресло, из которого только что встал Миллер, и проговорил: «Я тот самый человек, которому давал информацию Фукс».

24 мая мы приехали в «Уормвуд скрабз» с новой кинолентой и фотографиями Гарри Гоулда, сделанными на этот раз при хорошем освещении. Мы не называли Фуксу имени подозреваемого и не сказали, что он уже сознался. Пока занавешивались окна и киноплёнку вставляли в проектор, я показал Фуксу новые фотографии.

Фукс прореагировал почти немедленно: «Да, это мой американский напарник».

У меня словно гора с плеч свалилась. Мое главное задание в Лондоне было выполнено: ФБР разыскало «Раймонда», и Фукс его опознал. Директор поручил нам найти американского напарника Фукса, и нам это удалось.

Несмотря на бурную радость, я внимательно наблюдал за Фуксом, когда погасили свет и стали показывать новую киноленту. Фукс, как обычно, равнодушно смотрел на экран, а потом подтвердил, что узнает «Раймонда».

Через два дня Фукс написал для наших отчетов на обратной стороне двух фотографий Гарри Гоулда: «Я опознаю сфотографированного здесь человека как того, которого я знал под именем Раймонд. – Клаус Фукс, 26 мая 1950 г.»

Вскоре ФБР объявило об аресте Гарри Гоулда и о том, что Фукс опознал его как «Раймонда». У публики сложилось впечатление, будто ФБР за несколько дней сделало то, чего MI-5 не удалось за несколько месяцев: «расколоть» Фукса, раскрыть и арестовать Гоулда и добиться от обоих взаимного опознания.

Строго говоря, это было неверно. Фукс рассказал о «Раймонде» Скардону и отверг старые фотографии Гоулда, но публика об этом не знала. Билл Скардон и другие сотрудники MI-5 сохраняли вежливость, но было видно, что они расстроены реакцией прессы. У них было ощущение, что их просто использовали, а я чувствовал неловкость от возникшего недоразумения. Зато Клегг ликовал: упрямство английского правительства, не позволившего нам встретиться с Фуксом раньше, теперь обернулось победой ФБР над MI-5 в деле опознания Гарри Гоулда.

Однако у меня оставалась еще важное дело: узнать как можно подробнее о шпионской деятельности Фукса, а злорадство Клегга и газетные публикации мне отнюдь не помогали. В последующие десять дней я многократно беседовал с Фуксом. Эти беседы были необычайно трудными, так как Фукс никак мне не помогал и давал очень краткие ответы на мои вопросы. Чтобы получить подробные ответы, я должен был очень точно ставить вопросы и задавать их огромное множество. День за днем я старался восстановить подробности, отсутствовавшие в добытом Скардоном признании. Пока я вел допросы, Клегг писал, а Скардон курил трубку.

Подробности жизни Фукса в Англии наводили на мысль, что в 30-е годы английская служба безопасности проявляла большую мягкость к коммунистам. В середине тридцатых годов гестапо предупредило англичан, что Фукс – коммунист, но это предупреждение осталось без внимания. В начале войны, в сентябре 1939 г., Фукс – наряду с другими «дружественными» немцами – был интернирован в Канаде. В Шербрукском лагере, Фукс познакомился с Израилем Гальпериним. Гальперин пытался помочь интернированным коммунистам – вот почему имя Фукса попало в его записную книжку.

Фукс недолго оставался в Канаде: он был многообещающим молодым ученым, и вскоре ему было разрешено вернуться на Британские острова, чтобы вести исследовательскую работу в Эдинбургском университете. Через несколько месяцев он стал работать с Рудольфом Пайерлсом в «металлургическом проекте», в частности занимался процессом газовой диффузии для раз-

деления изотопов урана. Когда в 1941 г. нацистская Германия напала на Советский Союз, тем самым фактически сделав его союзником Англии, Фукс решил, что нужно передать русским результаты исследований в области расщепления атомного ядра. Он обратился к знакомым немецким коммунистам, жившим в Лондоне, в поисках человека, который мог бы передать его информацию в Москву. Скоро ему в этом помогли.

Сначала Фукса связали с «Александром», которого в действительности звали Симон Давидович Кремер и который был секретарем советского военного атташе в Лондоне. В 1941–42 гг. Фукс передавал Кремеру копии собственных научных отчетов, а также резюме исследований своих коллег. Русские высоко ценили Фукса за точность, полноту и профессиональность его информации. Затем контакты с Фуксом были поручены женщине (позже ее опознали как Урсулу Бёртон), и когда она узнала, что Фукс едет в США, Бёртон передала его агентам НКГБ в Нью-Йорке. Вскоре после того, как Фукс прибыл в составе английской миссии для работы в Манхеттенском проекте, он впервые встретился со своим американским напарником.

Когда генерал Лесли Гроувс впервые получил списки английских ученых, которые должны были принять участие в Манхеттенском проекте, он заметил, что там не было никаких сведений об их надежности, и запросил своих британских коллег, хорошо ли эти ученые проверены. Ответ был невнятный, и Гроувс настаивал на четком разъяснении. Ему ответили, что все члены английской миссии прошли тщательную проверку и признаны надежными. Тогда Гроувсу пришлось удовлетвориться таким ответом, но позднее он пришел к заключению, что англичане не проверяли ученых.

На самом деле англичане уже в 1934 г. знали, что гестапо считает Фукса коммунистом. Однако возникший во время войны союз с Россией и возможность пользоваться услугами талантливого ученого привели к тому, что англичане не сочли его коммунистическое прошлое возможным источником риска. Фукс, например, рассказывал мне, что в период интернирования в Канаде его относили к группе немецких коммунистов. В 1941 г., чтобы доказать свои антинацистские убеждения и получить возможность работать над военными проектами, он сообщил британским властям, что был коммунистом. Ничего этого англичане не сказали генералу Гроувсу. И даже когда мы занялись Фуксом в 1949 г., MI-5 не сообщил нам о том, что Фукс был коммунистом. К тому времени, разумеется, мы уже сами знали об этом из архивов гестапо.

Фукс рассказал мне, что его встречи с Гарри Гоулдом проходили с использованием особых условных знаков: они держали в руках какие-нибудь странные предметы, оставляли на стенах пометки мелом, на простые вопросы прохожих давали абсурдные ответы. В первой половине 1944 г. они встречались в разных частях Нью-Йорка пять раз: то на улицах, то в кинотеатрах, то в немногочисленных ресторанах. В Лондоне не оказалось достаточно подробных карт Нью-Йорка, и тогда я заказал их в США. Я тщательно изучал карты в поисках указанных Фуксом мест. Иногда название улицы или упоминание близлежащего парка стимулировали его память, и мы узнавали новые подробности.

В июле 1944 г., перед тем как Фукса неожиданно перевели в Лос-Аламос, он сказал своей сестре Кристель, что его, возможно, будут искать через нее. Вскоре после этого Гоулд появился у Хайнеманов и впервые спросил о Фуксе. В тот раз Кристель сказала Гоулду, что Фукс приедет к ним около Рождества и тогда его можно будет застать.

Когда прошла примерно половина наших встреч, я сообщил Фуксу о признании Гоулда и сказал ему, что сравниваю их показания. Они совпадали почти во всех деталях.

Но в одном пункте их показания все-таки расходились. Фукс утверждал, что он не передавал информацию Гарри Гоулду в доме у Кристель в Кембридже: в ее доме состоялось лишь краткое свидание, а на следующий день они встретились вне дома, на берегу реки. Во время этой встречи он передал

чрезвычайно важный документ: в нем содержался отчет о его собственных исследованиях, а также результаты, полученные учеными и техниками в Лос-Аламосе. Гоулд довольно подробно рассказал о своей поездке в Кембридж, но говорил, что встреча была только одна – в доме Кристель. Фукс настаивал на двух встречах и держался за эту версию, даже когда я прямо сказал ему, что Гоулд помнит лишь одну встречу в Кембридже.

Я понимал, что Фукс лжет, желая уберечь сестру от возможного обвинения в пособничестве его шпионской деятельности.

И вот на нашей предпоследней встрече я попробовал вынудить его сознаться во лжи. Отвечая на мои вопросы, он шаг за шагом вспоминал все подробности встречи в доме Хайнманов. Кто открыл дверь? Где был сам Клаус, когда Кристель открыла дверь ипустила Гоулда? Когда он спустился из своей комнаты? Что было потом? По ходу нашей беседы Клетгу, Скардону и даже Фуксу стало ясно, что я все понимаю: он лжет. И тем не менее, он отказался это признать. Думаю, это был единственный случай за время наших встреч, когда он так и не сказал всей правды.

Я использовал свои свежеприобретенные, хотя и весьма ограниченные, научные знания, чтобы выяснить у Фукса, какую именно информацию он передал русским через Гоулда. Во время первых встреч в Нью-Йорке он передал:

- рукописи 13 из 19 собственных работ о принципах газовой диффузии и о других принципах, имеющих ключевое значение;

- общие сведения относительно мембран, используемых для разделения изотопов, и состав спеченного никелевого порошка для раздельного хранения доз расщепляемого материала;

- общие сведения о Манхеттенском проекте: объем работ, их продвижение, отведенное на них время, поставленные эксперименты;

- данные и характеристики всех физиков, которых он знал по Манхеттенскому проекту;

- информацию о работе на установке в Оук-Ридже (штат Теннесси).

К их встрече в Кембридже Фукс приготовил для Гоулда специальный документ, где

- излагались принципы детонации атомной бомбы: какой метод был избран и почему;

- говорилось о принципах устройства системы линз и о необходимом количестве взрывчатого вещества;

- подробно обсуждался принцип направленного взрыва, последние достижения ученых в Лос-Аламосе;

- приводились подробности относительно плутония-240, многоточечной детонации, времени и последовательности создания атомной бомбы, о необходимости инициирующего взрывчатого вещества.

Я спросил Фукса, ускорила ли эта информация работу русских над атомной бомбой и если да, то как он мог об этом узнать. По мнению Фукса, его информация позволила русским продвинуться вперед на несколько лет. Он судил об этом по вопросам, которые задавали ему в 1945 г., когда он вернулся в Лондон и возобновил контакты с советской разведкой: эти вопросы показывали, что в советских исследованиях достигнут огромный прогресс. В одну из последних встреч Фукс сделал для нас копию чертежа, который он дал Гоулду в июне 1945 г. в Нью-Мексико – это была схема атомной бомбы и ее компонентов с указанием всех существенных размеров. Посмотрев на этот рисунок несколько лет спустя, Филипп Моррисон – один из физиков, работавших над бомбой – сказал, что содержащейся там информации специалисту было бы достаточно для создания атомного устройства.

Вернувшись в Англию, Фукс продолжал передавать русским информацию, касающуюся работы над бомбой, в частности то, что он узнавал на англо-американских конференциях, где обсуждалась водородная бомба.

Ко 2 июня мы подготовили шесть с половиной страниц машинописного текста – это был краткий рассказ о шпионской деятельности Фукса, который он

должен был подписать. Прочтя этот документ, Фукс изменил два слова и от руки дописал фразу о том, что встречи в Бостоне проходили без участия его сестры и ее мужа. После этого он расписался на каждой странице.

В конце я спросил Фукса, был ли он с нами вполне откровенен и что он в связи с этим чувствует. Он сказал, что его признание было полным и он надеется хоть в самой малой мере компенсировать этим свою прежнюю деятельность.

Накануне нашего отъезда Клегг, Симперман и я были приглашены в унылый конференц-зал MI-5 для беседы с сэром Перси Силлитоу. Мы ожидали, что это будет формальная встреча, приветствие и прощание одновременно, — любезность со стороны сэра Перси, которого не было в Англии, когда мы прибыли в Лондон.

Но именно любезности-то там и не было. Представив нам руководящих сотрудников MI-5, сэр Перси очень вежливо, в сдержанной английской манере, заявил, что они крайне недовольны Гувером и тем, как ФБР провело дело Фукса. Он повторил, что когда глава Отдела по делам о шпионаже Лиш Уитсон без приглашения явился в Лондон, сотрудники MI-5 сделали все от них зависящее, чтобы добиться для него разрешения встретиться с Фуксом. Разумеется, жаль, что это не удалось, но главное, — сказал сэр Перси, — было то, что из посланий Гувера к нему следовало, что Гувер не верит в искренность попыток MI-5 помочь Уитсону. И сэр Перси был оскорблен таким отношением Гувера к MI-5. Далее, сэр Перси был возмущен поднятым в печати шумом по поводу ареста Гарри Гоулда: журналисты намекали, что ФБР сделало то, что было не по силам MI-5.

Сэр Перси перечислил все нанесенные англичанам обиды, не выражая при этом раздражения или иных чувств, но серьезность его намерений не вызвала ни малейших сомнений.

Клегг ответил на это гораздо лучше, чем я мог себе представить. Он упомянул, что англичане получили сведения о Фуксе именно от ФБР, поэтому было странно, что разрешения на встречу с Фуксом нам пришлось дожидаться несколько месяцев. Клегг выразил сожаление по поводу того, что сэр Перси неверно истолковал послания Гувера и пообещал обсудить этот вопрос с директором. Клегг также подчеркнул, что во время пребывания в Лондоне мы не делали никаких заявлений для печати и, конечно же, никогда не говорили, что ФБР совершило то, чего не удалось MI-5. Он напомнил сэру Перси, что ФБР и MI-5 не контролируют печать ни в США, ни в Англии. В заключение Клегг спросил, — вежливо, но твердо, — как, по мнению сэра Перси, ФБР могло бы повлиять на прессу.

Встреча завершилась, сэр Перси поднялся и пожал всем руки. Я стоял последним, и он сказал мне, подмигнув: «Привет, Боб!» и пожал руку. Этим он хотел показать, что его критика не относилась ко мне.

В штаб-квартире мы с Клеггом составили на 51 странице сжатый и связный отчет о наших встречах с Клаусом Фуксом. В свое время это был важный документ, а сейчас он представляет собой большую ценность для историков.

Было начало июня 1950 г. Через месяц начнется корейская война. Многие у нас — в том числе военные высокого ранга — считали, что Китай, СССР и Корея не начали бы эту войну, если бы русские не располагали готовой атомной бомбой. Мы нашли Клауса Фукса и Гарри Гоулда, которые украли главные секреты этой бомбы, и они во всем сознались. Сколько же их коллег мы теперь сможем обнаружить? Объем информации, которая поступила в нашу штаб-квартиру в ходе расследования множества дел, возникших в связи с признанием Гоулда, был колоссален. Новые факты подтверждали наши предположения о размерах агентурной сети МГБ на территории США.

Вскоре нам предстояло узнать о том, что НКГБ—МГБ делал в нашей стране в годы войны и сразу после ее окончания. ●

ПРИЗНАНИЕ КЛАУСА ФУКСА

Военное министерство, 27 января 1950 г.

Заявление Эмиля Юлиуса Клауса Фукса, 17 Хиллсайд, Харуэлл, графство Беркшир:

Я являюсь исполняющим обязанности научного руководителя Центра исследований по атомной энергии в Харуэлле.

Я родился в Руссельсхайме (Германия. — *Ред.*) 29 декабря 1911 г. Мой отец был пастором, и я провел очень счастливое детство. Мне кажется, что наиболее выдающейся чертой моего отца было то, что он всегда поступал так, как считал правильным, и он всегда учил нас идти своим путем, даже если и не разделял нашего выбора. Он часто вступал в конфликты, поскольку действовал в соответствии с велениями совести, даже когда он расходился с общепринятыми взглядами. Например, он стал первым пастором, вступившим в Социал-демократическую партию. В школьные годы я не очень интересовался политикой, разве что был вовлечен в нее против воли, потому что все другие ученики, конечно, знали, кем был мой отец. Думаю, что единственный политический акт, который я совершил в школе, имел место во время празднеств в связи с принятием Веймарской конституции. В школе тоже праздновали, и снаружи были вывешены флаги Веймарской республики, а внутри большая группа учеников появилась с имперскими значками. Я взял значок с цветами республики и нацепил его на грудь. Конечно, его немедленно сорвали.

Поступив в Лейпцигский университет, я вступил в СДПГ и принял участие в организации студенческой группы СДПГ. Вскоре я оказался в оппозиции к официальной политике СДПГ, например, по вопросу о перевооружении ВМС, когда СДПГ выступила в поддержку программы строительства броненосцев. У меня были споры с коммунистами, но я всегда презирал их, потому что было ясно, что они принимают официальную политику своей партии, даже если они с ней не согласны. Основным пунктом разногласий было то, что на словах коммунисты выступали за единый фронт и в то же самое время обрушивались с нападка на руководителей СДПГ. Позднее я перешел в университет г. Кили. Сейчас я вспомнил, хотя, может быть, это и не так важно, что в Лейпциге я был членом *Reichsbanner* — полувоенной организации, состоявшей из членов СДПГ и Демократической партии. В этом вопросе я разошелся с отцовским мировоззрением, ибо он был пацифистом. В Киле я на первых порах оставался членом СДПГ, но разрыв наступил, когда СДПГ решила поддержать кандидатуру Гинденбурга на пост президента. Она аргументировала это тем, что если они выдвинут собственного кандидата, то голоса разделятся, и будет избран Гитлер. В частности, это приведет к потере позиций СДПГ в Пруссии, где она контролировала всю организацию полиции. Выборы проходили, по-моему, в 1932 г. Я доказывал, что мы не можем остановить Гитлера путем сотрудничества с другими буржуазными партиями, и что это может сделать только объединенный рабочий класс. В этот момент я решил открыто выступить против официальной политики партии, и предложил себя в качестве агитатора в поддержку коммунистического кандидата. Вскоре после избрания Гинденбурга Папен стал рейхсканцлером. Он разогнал избранное правительство Пруссии и назначил рейхсштатхальтера. В тот вечер мы все стихийно собрались. Я пришел в штаб-квартиру Коммунистической партии, потому что к тому времени меня уже исключили из СДПГ, но я знал, что многие мои бывшие друзья вступили в *Reichsbanner* и что они готовы сражаться за правительство Пруссии. Однако прусское правительство сдалось. Все, что оно решилось сделать, это обратиться в Верховный суд. Это полностью подорвало дух рядовых

членов СДПГ и *Reichsbanner*. Стало ясно, что в этих организациях не осталось сил, способных сопротивляться Гитлеру. Я признал, что Коммунистическая партия была права, когда боролась против лидеров СДПГ, я ошибался, осуждая ее за это. Я к этому времени уже вступил в компартию, так как чувствовал, что должен быть в какой-то организации.

Незадолго до этого я вступил также в студенческую организацию, куда входили как члены СДПГ, так и члены компартии. Эта организация вызывала недовольство СДПГ, однако никаких мер против меня не предпринималось, пока я не выступил открыто против официальной политики. Меня избрали председателем этой организации, и мы занимались пропагандой среди тех членов нацистской партии, которых мы считали людьми искренними. Нацисты решили развернуть пропагандную кампанию против высокой платы за обучение, и мы решили поймать их на слове, будучи уверенными, что мы их разоблачим. Я вел переговоры с руководителями нацистской группы в университете, предлагая организовать студенческую забастовку. Они увидели, и через несколько недель я решил, что пришло время показать, что они вовсе и не намерены этого делать. Мы выпустили листовку, объясняя, что шли переговоры, но нацисты не отнеслись к ним серьезно. Наша политика имела успех, ибо некоторым членам нашей организации удалось установить личные контакты с рядом искренних нацистов. По-видимому, нацистские лидеры это заметили, потому что через некоторое время они организовали забастовку против ректора университета. Это произошло после того, как Гитлер стал рейхсканцлером. Во время этой забастовки они призвали на помощь из города СА, которые провели перед университетом демонстрацию. Несмотря на это, я ходил туда каждый день, чтобы показать, что я их не боюсь. Один раз они пытались убить меня, но я убежал. Тот факт, что Гинденбург сделал Гитлера рейхсканцлером, был для меня, конечно, еще одним доказательством, что я был прав, выступая против официальной политики СДПГ. После пожара рейхстага я вынужден был уйти в подполье. Мне повезло: наутро после пожара я ушел из дома очень рано, чтобы успеть на берлинский поезд и попасть на конференцию нашей студенческой организации. Только по этой причине я избежал ареста. Я ясно помню, как, развернув в поезде газету, я немедленно понял значение происшедшего. Я знал, что началась подпольная борьба. Я снял с лацкана моего пиджака значок с серпом и молотом, который я носил до тех пор.

Я был готов к тому, чтобы признать, что Партия всегда права, и что в грядущей борьбе нельзя позволять себе каких-либо сомнений после того, как Партия приняла решение. Но при этом я не мог избавиться от ощущения, что мои действия против нацистов не были вполне корректными. Конечно, на конференции в Берлине, которая проходила нелегально, меня очень хвалили, но меня мучило то, что я выступил с листовками против нацистских лидеров без предупреждения, вместо того, чтобы предъявить им ультиматум: я обращаюсь к студенческой организации, если они к определенному дню не примут решения. Если бы поступить так, как поступил я, было необходимо, меня бы это не беспокоило, но никакой нужды в этом не было. Я нарушил правила честной игры. Я так и не смог разрешить своих сомнений, и этот инцидент часто приходил мне на память. Но в конце концов я пришел к выводу, что, если участвуешь в сражении, то такого рода вещи — всего лишь предрассудки, проявления слабости, с которыми следует бороться.

Все, что последовало потом, лишь утвердило меня в мыслях, к которым я пришел. Ни одна партия не голосовала против чрезвычайных полномочий, которые новый рейхстаг предоставил Гитлеру. В университетах не нашлось почти никого, кто вступился бы за исключенных по политическим причинам или расовым признакам. Оказалось, что люди, которых ты привык уважать за их порядочность, не нашли в себе сил выступить в защиту собственных идеалов и нравственных норм.

Пока я не покинул Германию, я находился в подполье. Партия приказала мне уехать, потому что, как мне сказали, я должен завершить образование: после ре-

волюции в Германии потребуются люди с техническими знаниями, чтобы принять участие в строительстве коммунистической Германии. Я уехал сначала во Францию, а потом в Англию, где учился и в то же время пытался серьезно овладеть основами марксистской философии. Идеи, которые захватили меня более всего, были мысли о том, что в прошлом люди не могли понять свою историю и характер сил, ведущих к дальнейшему развитию человеческого общества; что теперь впервые человек понял движущие силы истории и может управлять ими; следовательно, впервые человек становится поистине свободным. Я перенес эти идеи в личную сферу и верил, что я могу понять себя и сделать себя таким, каким, как мне казалось, я должен быть.

Я надолго поверил в то, что все те вещи, которые говорят о положении в России, — это намеренная ложь. Сначала у меня были сомнения по поводу внешней политики России. Было трудно понять заключение русско-германского пакта, но в конце концов я согласился, что Россия сделала это, чтобы выиграть время, что она использует его для распространения своего влияния на Балканах в противовес германскому влиянию. В конечном счете нападение Германии на Россию, казалось, подтвердило, что Россия не уклонялась от борьбы и была готова проводить свою внешнюю политику даже с риском войны с Германией. Нападение России на Финляндию было понять труднее. Однако тот факт, что Англия и Франция были готовы к интервенции в Финляндию в то время, когда они, казалось, вовсе не собирались всерьез сражаться с Германией, позволял принять объяснение, что Россия должна была подготовиться к обороне против возможного нападения империалистических сил. В конце концов я вновь признал, что мои сомнения были ошибочны, и что Партия была права.

Когда Германия напала на Францию, я был интернирован, и в течение долгого времени мне не давали никаких газет. Мы не знали, что происходит в мире, и я не был свидетелем того, как в это время сражался народ Великобритании. Я не ощущал горечи от условий своего интернирования, ибо понимал, что это было необходимо, что в такое время Англия не может себе позволить ставить на охрану интернированных своих лучших людей, но это лишало меня возможности ближе узнать подлинный характер британского народа.

Вскоре после моего освобождения меня попросили помочь проф. Пайерлсу в Бирмингеме в какой-то работе военного характера. Я принял предложение и начал работу, не понимая сначала подлинного смысла этой работы. Сомневаясь, что, если бы я знал о характере работы наперед, это повлияло бы на мои последующие действия. Когда я узнал о цели работы, я решил проинформировать об этом Россию и установил необходимые контакты через другого члена Коммунистической партии. С тех пор у меня были постоянные контакты с лицами, которые мне были совершенно неизвестны, но я знал, что любую информацию, которую я им сообщаю, они передадут русским властям. В то время я полностью доверял русской политике и был убежден, что западные союзники намеренно дали России и Германии сражаться друг с другом до взаимного уничтожения. Поэтому я без колебаний передавал всю информацию, которой располагал, хотя иногда я пытался делать упор в основном на результаты собственной работы.

В ходе этой работы у меня, естественно, установились личные дружеские связи и в связи с этим выработался свой внутренний подход. При помощи своей марксистской философии я как бы разделил сознание на два самостоятельных отделения. В одном отделении я позволял себе поддерживать дружбу, иметь личные связи, помогать людям и в личном отношении быть таким человеком, каким мне хотелось быть и каким я раньше был по отношению к моим друзьям в Коммунистической партии и среди сочувствующих ей. Я мог чувствовать себя легко и свободно и быть счастливым с другими людьми, не боясь выдать себя, ибо знал, что, как только я приближусь к опасному месту, в действие вступит другое отделение. Я мог забыть об этом втором отделении и в то же время всецело полагаться на него. В то время мне казалось, что я стал "свободным человеком", потому что в другом отделении

Клаус Фукс. Фото для пропуска
в лаборатории в Лос-Аламосе

Гарри Гоулд ("Раймонд")
в момент ареста

сознания мне удалось сделать себя полностью независимым от общества. Сейчас, бросая взгляд назад, я не могу подобрать всему этому лучшего названия, чем контролируемая шизофрения.

В послевоенный период у меня вновь возникли сомнения относительно русской политики. Невозможно указать определенные примеры, ибо теперь внутренний охран- ный механизм действовал против меня, мешая замечать факты, которые я не имел мужества видеть. Тем не менее, они все же проникали в сознание, и в конце концов я понял, что не одобряю большинство действий русского правительства и Ком- мунистической партии. Но я все еще верил, что они построят новый мир, и в один прекрасный день я приму участие в его жизни, и тогда встану и скажу, что есть вещи, которые они делают неправильно. В то время я уже не был уверен, что могу давать им всю информацию, которой располагаю. Однако становилось все более и более очевидным, что до времени, когда Россия распространит свое влияние на всю Европу, еще очень далеко, и что я, следовательно, должен решать, могу ли я в течение многих лет продолжать передавать информацию, не будучи в глубине души уверен, что поступаю правильно. Я решил, что не могу этого делать. На одну из встреч я не явился, потому что был болен. Я решил не ходить и на следующую.

Вскоре после этого мой отец сказал мне, что он, возможно, переедет в Восточ- ную зону Германии. В то время мой образ мыслей был ближе к отцовскому, чем когда бы то ни было, потому что он тоже верил, что они по крайней мере старают- ся строить новый мир. Многие вещи он, как всегда, не одобрял, но он знал, что, когда он туда приедет, он скажет об этом. Он думал, что тем самым он сможет помочь им понять, что нельзя строить новый мир, нарушая в личном поведении основные правила порядочности. Я не мог заставить себя отговорить отца от его намерения. Однако это заставило меня взглянуть в лицо обстоятельствам, затраги- вающим меня лично. Я чувствовал, что отъезд отца в Восточную зону, его письма оттуда затронут во мне какие-то струны, и не был уверен, не вернусь ли туда и сам. Думаю, что у меня не хватило мужества справиться с этим самому, и я прибег к сторонней помощи, проинформировав службу безопасности, что мой отец собирает- ся вернуться в Восточную зону. Прошло несколько месяцев, и я все более и более убеждался, что мне следует покинуть Харуэлл. Мне предъявили доказательства, что, будучи в Нью-Йорке, я выдал секретную информацию. Мне дали возможность выбора: признать это открыто и остаться в Харуэлле или уйти. Я не был достаточ- но уверен в себе, чтобы остаться в Харуэлле, и следовательно, отверг обвинения и решил, что должен покинуть Харуэлл.

К.Фукс в возрасте 21 год

К.Фукс в последние годы жизни

Лос-Аламос в 1944 г.

Атомный центр в Харуэлле
в годы войны

Однако затем мне стало ясно, что, покидая Харуэлл при таких обстоятельствах, я, во-первых, наносу тяжелый удар по самому Харуэллу, по всей работе, которую я любил, и, во-вторых, бросаю тень подозрений на людей, которых я любил, которые были моими друзьями и которые верили в то, что и я им друг. Я должен был признаться самому себе, что одной половиной своего сознания я мог относиться к людям по-товарищески, заводить дружеские связи и в то же время обманывать людей, ставя их под угрозу. Я вынужден был осознать, что контрольный механизм в моем мозгу предупреждал меня об опасности, грозящей мне самому, но он также мешал мне понять, что я делаю людям, которые близки со мною. Я понял затем, что сочетание трех идей, которое сделало меня тем, кто я есть, — ложно, более того, что каждая из этих идей ложна, и что в тебе есть определенные нормы нравственности, которыми ты не можешь пренебрегать. Что поступая определенным образом, ты должен ясно представлять себе, хорошо это или плохо. Что ты должен быть способен, прежде чем подчиниться чьему-либо авторитету, заявить о своих сомнениях и попытаться разрешить их. Я обнаружил, что я по меньшей мере стал игрушкой обстоятельств.

Я знаю, что прошлого не вернуть, и что все, что я могу сделать теперь, — это попытаться исправить нанесенный мною ущерб. Прежде всего обеспечить, чтобы Харуэлл пострадал насколько возможно мало. Я должен также по-возможности сохранить все лучшее, что было в моих отношениях с друзьями.

Именно это сейчас более всего занимает мой ум, и мне трудно сосредоточиться на других вопросах. Однако я понимаю, что мне нужно будет сообщить о масштабах выданной мной информации, и что я должен, насколько это позволяет мне моя совесть, остановить других людей, которые все еще продолжают делать то же, что делал я.

Нет никого, кого бы я знал по имени, кто занят сбором информации для русских властей. Есть люди, которых я знаю в лицо, которым я доверял жизнь, и которые мне доверяли свою, и я не знаю, смогу ли я сделать что-либо, что может в конечном счете их выдать. Они не работают по проекту, но являются посредниками между мною и русским правительством.

Сначала я думал, что все, что я сделаю, — это проинформирую русские власти, что работа над атомной бомбой продолжается. Они хотели знать больше деталей, и я согласился их доставить. Сначала я ограничивался в основном результатами моей собственной работы, но в Лос-Аламосе я сделал то, что считаю наихудшим из всего сделанного мною: я выдал информацию о принципах конструкции плутониевой бомбы. Позднее, в Харуэлле, я начал передавать информацию с разбором, но мне трудно сказать точно, что, когда и как я это делал: я испытывал внутреннюю борьбу, в которой были подъемы и спады. Последний раз я передал информацию в феврале или марте 1949 года.

Перед тем, как я присоединился к работе над проектом, большинство англичан, с которыми у меня были личные контакты, были левыми и в большей или меньшей степени находились под влиянием такой же философии, что и я. После прихода в Харуэлл я встретил англичан всякого рода, и я обнаружил во многих из них внутреннюю твердость, которая позволяет им вести достойный образ жизни. Я не знаю, откуда это происходит, я не думаю, что об этом знают они сами, но это в них есть.

Заявление мною прочитано, и я уверен в его правдивости.

(подпись)

Клаус Фукс

Заявление записано мною с разрешения Эмиля Юлиуса Клауса Фукса в Военном министерстве 27 января 1950 г. Он прочел его, сделал все поправки, которые пожелал, и проставил свои инициалы на каждой странице.

(подпись)

У.Дж.Скардон

АНТОН АНТОНОВ–ОВСЕНКО (Москва)

АТОМНЫЙ КОРОЛЬ

Данные разведки о работах западных ученых заставили Сталина уже в 1943 г. принять экстренные меры по созданию своего атомного оружия. В ту пору карьера Лаврентия Берии шла на подъем. Сталин доверял ему более всех остальных своих подручных. Вместе с ним и ведущими физиками А.Ф.Иоффе и П.Л.Капицей генсек обсуждал кандидатуры на пост научного руководителя Уранового проекта. Референту Берии генералу В.А.Махневу запомнилось высказывание Сталина: «Ближе всех к атомным делам стоят, конечно, Иоффе и Капица. Но они имеют уже мировую славу и к тому же – директора институтов. Если поручить решать такую важную проблему им, то она станет серьезной помехой в их повседневной работе. Поэтому, – продолжал Сталин, – надо подыскать талантливую и относительно молодого физика, чтобы проблему создания атомного оружия возглавил он, и чтобы решение этой задачи стало единственным делом его жизни. А мы дадим ему власть, сделаем его академиком и, конечно, будем зорко его контролировать...»¹

Имя Игоря Васильевича Курчатова впервые назвал на одном из совещаний А.Иоффе. Курчатова, работавшего в ленинградском институте у Иоффе, пригласили в Москву с единственной целью – познакомиться с этим сравнительно молодым еще ученым-атомщиком. И после первой же беседы остановили на нем свой выбор.

Тогда же для ускорения работы между членами Политбюро были распределены обязанности. Разведку рудных запасов и промышленную добычу урана взялся курировать В.Молотов. Однако уже к весне 1945 г. стало ясно, что он с поручением не справился.

Уран нужен был как воздух. Когда по окончании войны стало известно о наличии запасов урановой руды в Германии, туда выехала геологоразведочная группа в составе видных специалистов. Генерал-полковник госбезопасности Иван Серов, которому Берия поручил руководить этой операцией в Саксонии, решил разыскать и привлечь к работе немецких ученых. Однако там стояли американские войска. Покинули они вождеденный район только после категорического представления маршала Жукова.

Вопрос о разработке урановой руды в Саксонии был рассмотрен на заседании Совета Министров СССР в июне 1946 г. В город Фрайберг, где находился штаб первого отряда советских специалистов, отправилась группа ответственных работников во главе с генерал-майором Михаилом Мальцевым, видным работником лагерной системы. Он, как и Серов, был ближайшим сотрудником Берии и подчинялся лично ему, хотя формально был в распоряжении Специального комитета обороны при Совете Министров СССР. Главнокомандующего группой советских оккупационных войск в Германии маршала В.Д.Соколовского обязали оказывать Мальцеву всемерное содействие. В подчинение Мальцеву была передана отдельная бригада, оснащенная автотранспортными средствами и техническим оборудованием. Штаб бригады передислоцировали из Дрездена в город Ауге. Для конспирации было образовано акционерное общество «Висмут» под командой генерала Мальцева. Структура фирмы была такова: штаб располагался в Ауге, ему подчинялись 27 отдельных объектов. При каждом объекте имелся особый оперуполномоченный службы госбезопасности. Опергруппе МГБ подчинялась специальная горная милиция, надзиравшая за немецкими рабочими и служащими. Охрану

¹ Ю.В.Адамчук. Неопубликованная рукопись.

штаба, рудников, шахт, лабораторий, складов взрывчатки генерал Мальцев доверил пограничным войскам МГБ (двум батальонам 4-го погранполка).

На первых порах возникли трудности с использованием давно заброшенных шахт, где ранее добывали серебро и кобальт. Мало того, что все их оборудование нуждалось в ремонте и замене, – отсутствовала техническая документация. Спасла положение оперативная группа общества «Висмут». Агенты бериевского ведомства разыскивали уцелевших специалистов, и в октябре 1946 г. удалось наладить добычу урановой руды на ряде объектов.

В своих планах особое место Берия отвел немецким ученым, ранее занятым в лабораториях Reichsinstitut der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft в Берлине. Агенты разведывательной службы МГБ вывезли ведущих сотрудников этого института во главе с директором, известным физиком-атомщиком Манфредом фон Арденне. В плен попал также бывший директор Лейпцигского института физики, ученик Вернера Гейзенберга, профессор Депель. Вместе с ним – профессор Бевильгуа. Но самой ценной добычей стал, пожалуй, Нобелевский лауреат Густав Герц, которого насильно вывезли в Крым.

Бериевские агенты выискивали ученых-атомщиков в обычных истребительных лагерях по всей стране, вербовали нужных людей в лагерях для военнопленных.

Почему Берия избрал для атомного исследовательского центра Сухуми? Вероятно, не последним аргументом послужила отдаленность места от крупных городов, а благоприятный климат и южная природа должны были скрасить условия заточения германских ученых и техников, числом около двухсот. Им придали 120 советских сотрудников: часть из них – молодые физики-атомщики из университетов Москвы и Ленинграда, часть – обслуга. Начальником охраны был генерал-майор Канашвили. Его помощником – полковник Тополин.

Под лабораторию и жилье отвели значительную часть территории на холме близ моря – полтора километра в ширину и семь километров в длину – и окружили со стороны суши тридцатиметровой ширины запретной зоной. Вокруг трехэтажного здания лаборатории поставили еще один забор. Безопасность и секретность обеспечивали часовые войск МВД.

Так называемый «Сухумский проект», созданный при руководящем участии Берия, существовал еще долго после его казни. О судьбе немецких специалистов нам ничего неизвестно, надеемся, что их отпустили потом на родину.

В 1946 г. в глубине территории под прикрытием деревьев построили жилые дома с просторными квартирами и полным комфортом. Это для немецких ученых. Техникам – немецким и советским – предоставили другое здание. Там же жили офицеры охраны. Для солдат построили казарму. Очень скоро на берегу моря вырос изолированный от внешнего мира автономный городок со своими магазинами, столовыми, гаражами, починочными мастерскими, банями, пляжами, кинотеатром и парком.

Формально немецкие ученые работали по контрактам, заключенным с 1946 по 1950 гг. с высокими месячными окладами. Вспомогательный персонал был тоже отлично обеспечен. В свободное время некоторым позволяли посещать Сухуми, разумеется, в сопровождении агента в штатском. Летний отпуск они проводили, по желанию, на других курортах страны.

* * *

История советской атомной программы обросла легендами, развеять их помогут факты. Прежде всего следует уяснить, что роль немецких ученых в разработке атомного оружия была вспомогательной. Реализация отечественной программы велась на базе фундаментальных исследований в области ядерной физики, начатых в Советском Союзе задолго до Отечественной вой-

ны. Уже в 1932 г. в ЛФТИ, которым руководил академик А.Ф.Иоффе, работала лаборатория атомного ядра И.В.Курчатова. В исследованиях участвовал ряд других институтов. В 1933 г. состоялась первая Всесоюзная конференция по атомному ядру. Председатель оргкомитета – И.Курчатов. Однако в те годы ни Академия наук, ни Совнарком не придавали начатым исследованиям практического значения, хотя некоторые лаборатории, например, П.П.Кобеко и А.П.Александрова, уже выполняли оборонные задания.

Перед войной работы советских специалистов составили одну треть мировых публикаций по ядерной физике. Заметной вехой в этой области стали работы Я.Б.Зельдовича и Ю.Б.Харитона, которые в 1940 г. первыми в мире доказали возможность осуществления цепной реакции деления урана. Вслед за ними Г.Н.Флеров и К.А.Петржак, при непосредственном участии И.Курчатова, открыли явление спонтанного деления урана. В начале войны Флеров обращается с предложением начать разработку атомной бомбы к Сталину, Кафтанову, Курчатову. После назначения последнего научным руководителем урановой проблемы при АН СССР создается Лаборатория № 2. Конкретная разработка бомбы поручена Ю.Харитону. В дело включаются Я.Зельдович, И.Кикоин, Г.Флеров.

Что касается урановой руды, то ее разведка была налажена еще в начале 30-х годов при В.Менжинском. Созданная при ОГПУ Особая экспедиция вошла в систему ГУЛага и широко использовала труд заключенных. Безвинные жертвы массового террора работали потом и на урановых рудниках и гибли. Гибли при Ягоде, при Ежове, при Берии, на Дальнем Севере, за Уралом, в Казахстане...

Один из лагунктов под кодовым названием «Мраморный» был основан в конце 1945 г. Этап выгрузили морозной ночью на тихом полустанке и пешком отправили в тайгу. На долю тех, кто выжил, пришлось строительство барачков и провололочной ограды с вышками, железнодорожной ветки к руднику и специального шоссе. К началу добычи руды пригнали новый этап – 600 человек на смену перемолотым трудом.

Упомянем еще один лагпункт из многих – в Казахстане, в 350 километрах на юго-восток от Кустаная, в Аркалыке. Отрытые подневольными рабочими глубокие шурфы показали наличие богатого месторождения урановой руды.

К началу 1945 г. там уже функционировал большой лагерь. Заключенных разбили на бригады по семь-восемь человек, на каждую бригаду – бидон воды и буханка черного хлеба в день. Двенадцатичасовая смена без выходных, холодные бараки, произвол охраны и надзирателей, террор уголовников. Жертвы исчислялись тысячами, им на смену шли из России этапы свежих «врагов».

На строительстве объектов новой отрасли производства и исследовательских лабораторий Берия проявил невиданную энергию. Он не устал лично выбирать площадки для заводов, обследовать территорию будущих жилых поселков, следить за ходом строительства. Транспортные средства, снабжение, охрану обеспечивали полковники и генералы госбезопасности. Они же следили за соблюдением секретности.

В этих условиях удавалось достигнуть невиданно высоких темпов строительства объектов при отличном качестве работ. Пример тому – создание Объединенного Института ядерных исследований (ОИЯИ) в Дубне Московской обл. Берия старался лично вникать во все детали строительства международного научного центра, начиная с проекта и кончая озеленением будущего города. Часто приезжал на строительство первого синхротрона. В рабочей силе недостатка не было: как и на многих ударных стройках, здесь использовали труд заключенных. Дубна стала городом в 1956 г., но еще десять лет спустя оставались неподалеку от коттеджей, возведенных для ученых – своих и западных, деревянные бараки бывшей зоны. Заключенные работали на бериевских объектах в разных регионах, вплоть до Дальнего Востока.

Из Дубны туда часто выезжали специалисты и всякий раз поражались образцово-четкой организации дела. По всем маршрутам командированных оперативно и безотказно обслуживали на транспорте и в гостиницах, обеспечивая максимум удобств и все условия для работы. За каждым правительственным решением по Урановому проекту следовали, без промедления практические меры. На объекты завозили все необходимые материалы, технику, сразу же приступали к строительству удобного жилья для так называемых вольных специалистов и зоны для заключенных.

* * *

Не надо думать, однако, будто Сталин, возложив ответственность за Урановый проект на Берия, устранился от непосредственного руководства этим делом. Вернувшись после Потсдамской конференции в Москву, он вызвал Курчатова и упрекнул его в излишней скромности. По мнению Сталина, для ускорения работ надо требовать гораздо больше специалистов и материалов. Ученый пояснил: «Сколько людей погибло, сколько разрушено! Страна сидит на голодном пайке, всего не хватает». Сталин ответил раздраженно: «Дитя не плачет – мать не разумеет, что ему нужно. Просите все, что угодно, отказа не будет».¹

Никто иной, как Сталин подсказал Берии принципы, на которых должна была строиться структура руководства проектом. В Академии наук решать вопросы оперативно было невозможно. Согласование деталей с министерствами отняло бы много времени. После серии совещаний выработали окончательный вариант. При Совмине СССР было создано Первое Главное управление (ПГУ), которому подчинили все задействованные в Урановый проект министерства, институты, конструкторские бюро. Назначенный начальником управления министр боеприпасов Б.Л.Ванников мог действовать совершенно самостоятельно, не обращаясь по конкретным вопросам к правительству. К тому же он возглавлял и Совет ПГУ. Заместителями Ванникова были утверждены такие крупные организаторы промышленности, как А.П.Завенягин и М.Г.Первухин, а по научной части – И.Курчатова.

Фактически ПГУ оказалось не при, а над Советом Министров, но и оно не было в действительности главным. Сталин поставил его в подчинение Специальному комитету при Государственном Комитете Обороны СССР под председательством Берии. Этот особо секретный орган обладал всей полнотой власти в разработке и производстве сверхоружия.

Такая сложная структура выглядела слишком громоздкой, однако на практике она оказалась весьма эффективной. Централизация управления, полная самостоятельность, приоритетное снабжение, ничем не ограниченное пользование людскими и материальными ресурсами, – эти факторы обеспечили разительный успех всей программы. И еще одно – страх. Под бдительным оком Лубянки, под личным руководством Лаврентия Берии ни одно ведомство, ни один человек не смели работать вполсилы.

Надо признать, что Берия лично, за редким исключением, не пользовался рычагами устрашения. Ученых-атомщиков он привлекал сказочными по тем временам материальными благами и, что для многих специалистов было главным, – перспективой исследовательской работы в новых лабораториях на переднем крае науки. Свои предложения Берия подкреплял обещанием тройных, десятикратных окладов, предоставлением прекрасных квартир, особняков, курортного лечения... Если специалист ссылался на состояние здоровья или семейные обстоятельства, Лаврентий Павлович с готовностью бросался немедленно все устроить.

На заседании спецкомитета рассматривали все вопросы, связанные с конкретными задачами дня. Официальный список членов комитета неизвестен.

¹ Ю.В.Адамчук. Неопубликованная рукопись.

На заседания, проводившиеся на Лубянке, а иногда и в Кремле, приглашали ответственных лиц, например, заместителя Курчатова И.Н.Головина и доктора наук И.И.Гуревича. В кабинете было два больших, отдельно стоящих стола. Рядом с Берией сидел генерал П.Я.Мешик, он отвечал за надежность, секретность и безусловную преданность всех занятых в системе. За вторым столом располагались Б.Ванников, М.Первухин, А.Завенягин, И.Курчатов, Н.Павлов и группа генералов. На заседаниях обсуждались проекты Постановлений Правительства, готовились документы на подпись Сталину. Специальные курьеры доставляли их в институт в особых конвертах с пометкой «Сталин».

Берия строго взыскивал с присутствующих за малейшие срывы, но до наказаний дело не доходило: все работали и за страх, и за совесть.

В 1946 г. при Лаборатории № 2 было создано специальное Конструкторское бюро. Начальником этого КБ № 11 был назначен П.М.Зернов, научным руководителем – Ю.Б.Харитон. Здесь, на базе одного из оборонных заводов, и началось конструирование первой атомной бомбы.

Секретность органично вошла в работу и жизнь всех специалистов, но Берия при каждом случае жестко напоминал о соблюдении государственной тайны. Когда 25 декабря 1946 г. Курчатов запустил в своем институте первый в Европе ядерный реактор Ф-1 (под кодовым названием «монтажные мастерские» или «монтажка»), он тотчас позвонил директору завода Е.П.Славскому:

– Ефим, пошла! Приезжай срочно...

– Игорь Васильевич, а ты руководству докладывал? – спросил Славский, приехав в институт.

– Нет еще.

– Срочно звони!

В присутствии Славского ученый позвонил Берии.

– Сколько специалистов участвовало в пуске реактора? – спросил главный куратор.

– Пять человек.

– Так вот, кроме вас и этих пяти ни одна живая душа ничего не должна знать об этом событии. Я сам приеду и посмотрю...

– Ефим, ты ничего не знаешь, – сказал Курчатов.

...Лишь через три месяца Славскому официально «стало известно» о пуске реактора.¹

Через несколько лет, когда один из уральских заводов полностью выполнил план выпуска предназначенных для Уранового проекта агрегатов и встал вопрос о ликвидации сверхсекретного предприятия, Берия приказал эвакуировать всех работников, вместе с семьями, на Дальний Север. И вот в среднем течении знаменитой Колымы появился новый поселок с двумя зонами – для заключенных и для вольных инженеров, техников и охранников во главе с генералом, переселенных с Урала. Отпустили их только после испытания отечественной атомной бомбы, в начале 1950 г.²

В те годы Берия казался неутомимым. Он не пропускал закладку заводов, приезжал к началу пуско-наладочных работ, присутствовал на всех испытаниях, иногда лично возглавлял правительственную комиссию. Так было на приемке цеха по электромагнитному разделению изотопов и цеха по переработке уранового топлива...

Разъезжал Берия в специальном поезде. Если позволяло расстояние, от объекта к станции, где останавливался Берия, экстренно прокладывали железнодорожный путь или же проводили через тайгу и болота специальную дорогу из коротких жердей для проезда автомобиля, который он возил с со-

¹ Ю.В.Адамчук. Неопубликованная рукопись.

² Сообщение инженера А.Маковцева.

бою повсюду. По этой же дороге прибывали к Лаврентию Павловичу ответственные руководители. Экстренные дорожные работы выполняли заключенные, солдаты внутренних войск МВД несли охрану. Все как обычно. Один старый железнодорожник рассказывал о том, как им хорошо жилось в те годы: «Часто ездил на своем спецпоезде Берия, и мы поэтому ежемесячно получали по две зарплаты...»¹

В поезде Берия и жил, не пользуясь в инспекционных вояжах гостиницами, а людей принимал в двух вагонах, оборудованных под конференц-зал и канцелярию.

Энергия, незаурядный талант организатора и напор, проявленные Берией в атомных хлопотах, вызывали искреннее удивление современников. Сам Курчатов, его заместители и помощники не раз говорили, что без руководящего участия Лаврентия Берии добиться успеха в столь сжатые сроки не удалось бы.

В декабре пятьдесят третьего, на заседании Особого судебного присутствия, Лаврентий Берия просил снисхождения: «Я могу еще пригодиться...» Он сослался на свой богатый опыт государственной деятельности, напомнил о руководящем участии в создании отечественного сверхоружия.

Академик А.П.Александров четко разделяет всех лиц, причастных к атомному проекту, на несколько групп. Характеризуя Игоря Курчатова как вполне компетентного ученого и ответственного организатора, он говорит, что это была прекрасная, богатейшая личность. Да, к осуществлению этого проекта правительство привлекло интеллектуальный цвет советской науки.

Что касается практических руководителей – министров и генералов, то далеко не все заслужили добрую память. Б.Ванников, Е.Славский, А.Завенягин, М.Первухин на первых порах почти ничего не понимали в атомном проекте. Однако упорный, целеустремленный труд помог им приобщиться к новому делу и с большой пользой применить свой богатый организационный опыт. Совсем иную, тормозящую роль сыграли генералы, привыкшие лишь властвовать. Для них проблема сводилась к простой формуле: «Взорвется – не взорвется?» Именно такой подход и продемонстрировал маршал (это звание он носил с июля 1945 г.) Берия, хотя в организацию самого дела он и вложил колоссальную энергию.

Ныне мы располагаем замечательными историческими документами – письмами Л.Капицы. В одном из его писем Сталину, датированном 25 ноября 1945 г., ученый дает неллицеприятную оценку всесильного фаворита. «Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом Комитете, как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках... У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо.» Капица не отказывает Берии в энергии и умении быстро ориентироваться в сложных ситуациях, но тут же отмечает чрезмерную самоуверенность, которая помешала Берии принять предложение академика помочь ему овладеть физикой. «Но для этого нужно работать, – пишет Капица, – а черкать карандашом по проектам постановлений в председательском кресле – это еще не значит руководить проблемой.»

Девять раз за последние две недели назначал Берия прием Капице и всякий раз отменял. Он хотел «поставить на место» маститого ученого. «У меня с Берия совсем ничего не получается», – с горечью заключает физик. Он предлагает Сталину вывести ученых из положения подчиненных и, оказав им полное доверие, поставить во главе государственных проектов. «Следует, чтобы все руководящие товарищи, подобные Берия, дали почувствовать своим подчиненным, что ученые в этом деле ведущая, а не подчиненная сила». Пока же Берия и прочие начальники к мнению, к возражениям ученых мало прислушиваются.

¹ Ю.В.Адамчук. Неопубликованная рукопись.

Капицу, всемирно известного ученого, положение слепого исполнителя административной воли не устраивает, он просит Сталина освободить его от участия в Особом Комитете и Техническом Совете. Он полагает, что Берия будет доволен его уходом. Подчеркнув, что это письмо не является «доносом», он просит Вождя ознакомить с ним товарища Берию.

Через несколько дней тот позвонил Петру Леонидовичу.

– Товарищ Сталин показал мне ваше письмо. Надо поговорить. Приезжайте.

– Мне с Вами говорить не о чем. Если Вы хотите поговорить со мной, то приезжайте в институт.

Пришлось Лаврентию Павловичу ехать самому. Он приподнес строптивому ученому богато инкрустированную тульскую двустволку, однако этот символический подарок, конечно же, не мог изменить мнения Капицы о шефе тайной полиции в роли куратора атомного проекта.

Мог ли мстительный, злобный соратник Сталина оставить письмо Капицы без последствий? Травить ученого он начал еще в августе сорок пятого. Верный своей привычке действовать через подставных лиц, он уже в качестве председателя Бюро Совета Министров СССР предложил назначить заместителем Капицы по Главкислороду М.К.Сукова. Последний послал на имя Сталина явно инспирированное письмо, содержащее клеветнические измышления о деятельности ученого. В этом письме-доносе нашлось место и политическим обвинениям.

После же письма Капицы Сталину интриги против ученого возобновились с новой силой. Устроитель провокаций решился на срыв важнейших работ ученого, лишь бы дискредитировать его в глазах руководителей государства. Исполнителем злой воли на сей раз выступил профессор И.П.Усюкин. Еще недавно, в феврале 1945 г., он выдвигал работу Капицы «Установки высокой производительности для получения жидкого кислорода» на соискание Сталинской премии. А четыре месяца спустя этот же эксперт оценивает результаты деятельности Капицы как порочные и предлагает использовать немецкие установки и западную технологию. О своем резко отрицательном отношении к турбокислородным установкам Капицы эксперт Усюкин известил также ЦК партии.

Пораженный его беспринципностью, Петр Леонидович жалуется Сталину на действия экспертных комиссий, которые, не посмотрев даже установку и не пригласив к участию в заседаниях руководителя проекта, дали неблагоприятные отзывы. При этом председатели этих комиссий – ни Первухин, ни Сабуров, ни Малышев – ни разу не выслушали объяснений академика Капицы.

У Берии были причины ненавидеть ученого. К естественному для него чувству ненависти примешивался еще и страх за свою шкуру. 4 апреля 1946 года Сталин послал Капице письмо, в котором тепло отозвался о письме академика и высказал пожелание побеседовать с ним. Если такая встреча состоится, Петр Леонидович не преминет сообщить генсеку о художествах главного куратора атомного проекта. Надо предупредить зарвавшегося академика, уничтожить его, и дело с концом. Летом 1946 г. начальник тыла вооруженных сил СССР генерал А.В.Хрулев оказался свидетелем знаменательной беседы в кабинете Вождя. Берия настаивал на аресте Капицы, Сталин ему в этой малости решительно отказал: «Я его тебе сниму, но ты его не трогай».

Всего одна фраза, а в ней – самая суть взаимодействия двух уголовников.

Семь лет продолжалась опала замечательного ученого и патриота. Он стал затворником на своей подмосковной даче. Вместо созданного им Института физических проблем – изба на Николиной Горе, в которой и разместилась его лаборатория. Опала была снята с Петра Леонидовича лишь в августе 1953 г., после ареста его личного врага Берии.

О «невыносимом отношении Берия к науке и ученым» Петр Капица писал Н.С.Хрущеву в сентябре 1955 г. Ученый отошел от атомного проекта из-за Берии, а тот распустил слух, будто академик Капица отказался участвовать в создании бомбы в силу своих пацифистских убеждений. В письме Хрущеву Капица упоминает также о мерах, принятых Берией, чтобы погубить «кислородную проблему». Решение ее, благодаря злонамеренным действиям хозяина Лубянки, задержалось на много лет.

Как все это согласовать с положительными отзывами ученых-атомщиков о Лаврентии Берии как умелом, энергичном организаторе? Он был не так уж прост, и с помощью одной черной краски его достоверный портрет не воссоздать.

* * *

Работа американских ученых над атомным проектом вызвала острое внимание Главного разведывательного управления (ГРУ) Министерства обороны. Формально начальник ГРУ Ф.Ф.Кузнецов подчинялся своему министру, но эту область разведки контролировал и направлял все тот же незаменимый Берия.

Военному атташе в Канаде полковнику Н.Заботину удалось организовать две группы осведомителей – канадцев и англичан. Самыми ценными оказались Д.Лунан, И.Гальперин («Бэкон») и Аллан Нанн Мэй («Алек»). Им удалось не только установить местонахождение завода по изготовлению атомной бомбы в США, но и передать советской разведке образцы урана. Однако значительный ущерб их усилиям нанес Игорь Гузенко, шифровальщик советского посольства в Канаде. Он выдал канадскому правительству, участнику урановых исследований, важные секреты советской разведки. Последовали провалы.

Лица, ответственные за атомную политику США, явно недооценивали научно-технический потенциал СССР. Для того, чтобы догнать США, «Соведам, в самом лучшем случае, потребуется до пятнадцати лет», – заявил генерал Гровс специальной комиссии конгресса. Роберт Оппенгеймер, отец первой атомной бомбы, был настроен не столь благодушно, но и он не мог предположить, что советские ученые преодолеют отставание всего за четыре года. Но они сделали невозможное.

29 августа 1949 г. в 7 часов утра под Семипалатинском была взорвана первая советская атомная бомба. Председатель Государственной Комиссии Лаврентий Берия провел последние сутки перед испытанием без сна, обошел все объекты; полигон с командным пунктом и двумя пунктами наблюдения, зал сборки с распределительными щитами, манипуляторами. Он присутствовал при окончательной сборке и проводил первенца к лифту перед подъемом на стальную вышку.

То, что произошло в то осеннее утро на левом берегу Иртыша, в 70 километрах ниже Семипалатинска, детально описано Н.Головиным в его книге об И.Курчатове.

Берия появился на командном пункте, расположенном в десяти километрах от башни, когда уже начался отсчет времени. Курчатов, меривший большими шагами пол укрытия, останавливается рядом с Флеровым. Остается пятнадцать минут, десять... И вдруг:

– А ничего у вас, Игорь Васильевич, не получится!

– Что вы, Лаврентий Павлович! Обязательно получится!

Курчатов углубляется в наблюдение фона нейтронов, и только помрачневшее лицо выдает его состояние.

Когда раздался взрыв – точно в расчетную секунду – Курчатов бросился наружу, взбежал на земельный вал с криком: «Она! Она!..» Его вернули в укрытие. К Игорю Васильевичу подошел Берия, обнял и расцеловал:

– Было бы большим несчастьем, если б не вышло!

За два года до этих событий американцы испытали свою бомбу в Атлантике, пригласив на атолл Бикини советских ученых-наблюдателей М.Г.Мещерякова и Д.В.Скобеля. Их сопровождал сотрудник тайного ведомства некий полковник Александров. Теперь Лаврентию Павловичу важно было узнать мнение свидетелей того испытания. Он позвонил на наблюдательный пункт, где находился Мещеряков.

– Михаил Григорьевич! Похоже на американский? Очень? Мы не сплеховали? Курчатов нам не втирает очки? Все так же? Хорошо! Значит, можно докладывать Сталину, что испытание прошло успешно? Хорошо, хорошо!

Берия дал команду генералу, дежурившему у телефона, тотчас же соединить его со Сталиным по ВЧ. В Москве взял трубку А.Поскребышев.

– Иосиф Виссарионович ушел спать.

– Очень важно, все равно позовите его.

Через несколько минут ответил сонный голос:

– Чего тебе?

– Товарищ Сталин, все успешно. Взрыв такой же, как у американцев...

– Я уже знаю, – ответил Сталин. И положил трубку.

Берия взорвался, набросился с кулаками на побледневшего генерала.

– Вы и здесь суете мне палки в колеса, предатели! Сотру в порошок!

Неужто генерал осмелился сам, по собственной инициативе, сообщить Сталину о результатах испытания? Конечно же, нет. Хозяин остался верен себе, приставив к главному куратору своих людей. И Берия знал об этом.

Испытание бомбы было по указанию Берии заснято на киноплёнку. Однако кинофильм, отразивший от начала до конца процесс испытания, не видел никто, кроме узкого круга специалистов. Не был он показан ни одному члену Политбюро, кроме, разумеется, генсека. В.Молотов жаловался в 1953 г., уже после ареста Берии: «Он даже нам не показал этот фильм...»¹

Был в обслуге Сталина киномеханик, которому и Берия оказывал личное доверие. Лаврентий Павлович вызвал его в просмотровый зал, где сидел один, совершенно один, и поманил пальцем:

– Ты знаешь, что с тобой случится, если хоть одна живая душа услышит от тебя об этом фильме?

– Знаю, товарищ Берия.

– Ну, тогда начинай.²

В том, что взрыв под Семипалатинском очень скоро перестал быть тайной для западных держав, винить некого. Утечка такой информации несомненно входила в планы Сталина и Берии. Не обошлось без ложного сообщения ТАСС от 25 сентября 1949 г. о том, что якобы в СССР на строительстве одного объекта были произведены взрывные работы. Что же касается атомного оружия, то им страна располагает с 1949 г...

Вождь внимательно следил за ходом подготовки испытаний, ему не терпелось своими глазами взглянуть на бомбу. Летом 1949 г. он приказал привезти к нему в Кремль плутониевый заряд. Один из генералов, сопровождавших Курчатова, рассказал позднее, как это происходило.

– А это не муляж? – спросил Сталин Курчатова, указав на небольшое никелированное полушарие.

– Нет, Иосиф Виссарионович. Положите руку на заряд и вы убедитесь в том, что он выделяет тепло.

Сталин так и сделал и удивленно покачал головой.

– Игорь Васильевич, а почему бы этот заряд не разделить на две части и не сделать две бомбы?

– Нельзя, Иосиф Виссарионович. Есть такое физическое понятие, как кри-

¹ А.Микоян. Устное сообщение.

² А.Кончаловский-Михалков. Устное сообщение.

тическая масса. Она ставит предел: если плутония по весу будет меньше критической массы, бомба просто не взорвется.

Сталин долго ходил по кабинету, наконец остановился.

– А вы здесь не ошибаетесь, Игорь Васильевич? Я так думаю: критическая масса все же понятие не физическое, а диалектическое...

Курчатов обладал гибким умом.

– К сожалению, Иосиф Виссарионович, уровень знаний сегодняшней науки еще недостаточен и уменьшать критическую массу мы еще не можем, но, естественно, будем работать в этом направлении.¹

И еще одна памятная беседа Сталина с Курчатовым. Она состоялась в начале сентября, перед испытанием первой бомбы. Сталин был заметно озабочен.

– Вот испытаем бомбу, Игорь Васильевич, а американцы пронюхают о том, что у нас еще не наработано сырье для второго заряда, и попрут на нас. А нам нечем будет ответить...

– Постараемся подготовить сырье, Иосиф Виссарионович, – ответил Курчатов.

Времени оставалось в обрез, но ко дню взрыва первой бомбы второй плутониевый заряд был изготовлен.

Итак, Советский Союз стал второй атомной державой. Люди, совершившие этот подвиг – ученые, инженеры, техники, мастера, организаторы, – заслужили награды. Но как определить долю участия каждого? Как эта проблема разрешилась в кабинете Берия, Курчатов рассказал позднее, не скрывая горькой усмешки. «Я несколько дней ходил озадаченный. На очередной встрече с Берией в его ведомстве он спросил, почему это я хмурюсь, когда дело сделано. Когда я рассказал, Берия подумал и вытащил из своего хранилища какое-то номерное дело, в котором оказались списки всех участвовавших в проекте – по всем ведомствам. Против каждой фамилии была представлена мера наказания (от расстрела до стольких-то лет лагерей) на тот случай, если бы бомба не взорвалась – в строгом соответствии со степенью важности выполняемых работ.

– Так вот, – смеясь, сказал Берия, – по этим спискам мы никого не пропустим и, одновременно, легко и оперативно определим меру вознаграждения каждому.

Так и было сделано. Ордена, медали, денежные премии, подарки, льготы, почетные звания щедрым дождем пролились на тружеников атомной программы, создателей советского сверхоружия. В числе новых Героев Социалистического труда и лауреатов Сталинской премии – Курчатов, Флеров, Харитон, Щелкин, Алферов...

Сталин был щедр. Однако, что случилось бы с лауреатами в случае неудачи, пусть временной? Но это уже были заботы Лаврентия Берии. ●

¹ Ю.В.Адамчук. Неопубликованная рукопись.

ПЕРЕД СТАЛИНСКИМ МАВЗОЛЕЕМ

Статья была опубликована в декабрьском (1989 г.) выпуске журнала «Daedalus», престижного ежеквартальника Американской Академии Наук и Искусств. Она сразу же привлекла к себе внимание, совершенно необычное для такого рода публикаций. Блистательная по стилю статья написана с редким для западной советологии пониманием обстановки в России.

Спустя короткое время в «New York Times», где был помещен сокращенный вариант статьи, появилось обиженное письмо В.Симонова, отрекомендовавшего политическим обозревателем АПН. Отдавая должное таланту автора, он называет его «могильщиком перестройки», а его позицию – «комбинацией правого экстремизма и наивности».

Статья печатается с сокращениями.

*Самое опасное время для плохого правительства, –
когда правительство начинает реформировать себя.*

Алексис де Токвиль о Тюрго и Людовике XVI

I.

Советский эксперимент с построением социализма оказался величайшей утопией века. Семьдесят с лишним лет он внушал надежду одним, ужас – другим, но у всех вызывал непреодолимый интерес. И хотя интерес этот никогда не ослабевал, настоящая эйфория началась весной 1985 г., когда Михаил Горбачев начал перестройку. Модернистская живопись, достойная Парижа 1905 г., рок-концерт или статья в газете, раскрывающая мрачные тайны советского прошлого, давно известные всему миру, вызывали восторг, если сообщения о них поступали из Москвы. Консерваторы вроде Маргарет Тэтчер или либералы типа Г.-Д.Геншера соревновались с американскими советологами либерального направления, наперебой восхваляя горбачевскую перестройку. Хотя после семидесяти лет выяснилось, что дорога к сияющим вершинам будущего лежит отнюдь не через Москву, дорога ко всеобщему миру, как оказалось, проходит именно там. Ну а кто будет возражать против мира на Земле! Но не одним лишь вздохом облегчения объясняется эйфория от перестройки: болезненная идеологическая привязанность к Москве не ослабла и через семьдесят лет. Правые надеются, что коммунизм все-таки способен отвергнуть свои зловещие тоталитарные методы и перерасти в своего рода рыночную демократию. Левым хочется, чтобы эксперимент не провалился полностью (чтобы не доставлять радости правым), а советский социализм приобрел бы физиономию, похожую на человеческую. Поэтому знатоков советской проблемы всех политических оттенков мучают одними и теми же вопросами: как вы расцениваете шансы перестройки? Удержится ли Горбачев? Должны ли мы помогать ему?

Вопросы эти, однако, предполагают ответы с разной идеологической интонацией. Для большинства на Западе горбачевские реформы означают, что со сталинизмом и холодной войной покончено и побеждающая на Востоке демократия положила конец конфликту века. Для меньшей, но достаточно весомой группы холодная война закончилась победой Запада, впереди глобальный триумф капитализма, конец коммунизма и вообще «конец истории». Третья группа, еще недавно многочисленная, но быстро тающая, утверждает, что коммунизм остается коммунизмом, несмотря на все обаяние Горбачева, а гласность – не что иное как игра, призванная стимулировать западную экономическую помощь до тех пор, пока Москва не восстановит свои силы и не возобновит привычную политику экспансионизма.

Отношение к перестройке у представителей первой и второй групп основано на предположении, что наши разногласия с Востоком позади, что мы можем, наконец,

занияться собственными делами, поскольку разделу Европы положен конец, а Советский Союз вот-вот войдет в международное сообщество. Станным образом восторги «горбофилов» и злорадство «горбофобов» слились в предвкушении счастливой развязки пятидесятилетнего глобального конфликта. Совершенно ясно, что мы подходим к концу исторической эпохи. Нельзя, однако, с уверенностью сказать, что мы входим в век более простой, в мир более открытый: распадающиеся сверхдержавы не исчезают тихо в ночи. Неясно даже, правильно ли мы ставим вопросы, задумываясь о Горбачеве и его перестройке. Западная советология, заботливо опекаемая в течение четырех десятилетий, не сделала ничего, чтобы подготовить нас к неожиданностям последних лет.

Вопрос о шансах Горбачева на успех, которым задаются на Западе, практически неуместен. Его следовало бы сформулировать так: почему на семидесятом году революции, которой предстояло положить конец всем революциям вообще, Горбачев заявляет, что советский социализм срочно требует перестройки, причем в самой своей основе? Почему необходимы столь решительные меры? И, наконец, что было достигнуто в течение пяти лет лихорадочной деятельности?

Попытка ответить на вопрос о шансах Горбачева на выживание привела к тому, что мы сосредоточились на личностях и текущей политике, на Горбачеве и его «консервативных» оппонентах, на «перестройке», «гласности» и «демократизации». Именно этим объясняется культ Горбачева на Западе. Но если посягательство на основы системы в самом деле стоит на повестке дня в Советском Союзе, нам следует сосредоточиться на ее глубинных структурах и институтах. А все это, как Горбачев постоянно напоминает нам, было создано шестьдесят лет назад, в годы сталинского «великого перелома». Горбачев, короче говоря, ставит под вопрос самую основу советского строя. Перестройка, следовательно, не просто частичное изменение здоровой в своей основе системы, а проявление ее глубокого кризиса.

II.

Западная советология в течение двадцати с лишним лет концентрировала свои усилия на изучении истоков «устойчивости» советского «зрелого индустриального общества», обладающего потенциалом для «развития плюрализма». Именно поэтому мы оказались совершенно не подготовлены к нынешнему кризису не только в Советском Союзе, но и вообще в коммунистическом мире. Вместо того, чтобы всерьез принять заявления советских властей, что они строят социализм, западные советологи широко использовали терминологию и категории, извлеченные из реалий капиталистического мира. Приоритеты тоталитарного общества были искусственно перемещены с идеологии и политики на экономику, и в результате политическая «суперструктура» Советского Союза стала выглядеть логическим продолжением «социальной базы». Эта инверсия действительной роли государства и общества придала советскому миру нормальный, почти прозаический западный характер. Ключом к пониманию советской истории стала «модернизация» через «урбанизацию» и «всеобщее образование». Хотя они осуществлялись насильственно и без учета затрат, конечный результат предполагался тот же, что и на Западе. Революционный процесс представлялся в виде схемы «террор — прогресс — социальная мобильность». Если следовать этой надуманной модели, горбачевская перестройка завершает переход Советского Союза в новую стадию, гуманизируя его, уменьшая централизацию и роль административных структур. Именно таковы были ожидания, когда в 1986 г. новая программа партии (ныне забытая) увидела свет. Понадобились острые национальные конфликты 1988 г. и общий экономический кризис 1989 г., чтобы похоронить эти фантазии.

III.

Понять Горбачева и его перестройку невозможно, не понимая происхождения советской системы. Утопия, из которой она родилась, никогда не была реализована,

но это не столь важно. Важно то, что усилия построить утопию приводят к созданию чудовищной антиреальности, к перевернутому миру. Утопию, на которой основана советская система, можно назвать всеобъемлющим революционным социализмом. Это понятие нельзя смешивать ни с простым равенством (хотя именно оно обычно имеется в виду под таким расплывчатым термином, как социализм), ни с социальной демократией, которая вполне совместима со смешанной экономикой и конституционным правительством. Всеобъемлющий революционный социализм в марксистской традиции означает полную противоположность капитализму. Отмена частной собственности означает, что продукт этой собственности – прибыль и средство реализации этого продукта – рынок – тоже отменяются. Собственность, прибыль – и рынок «дегуманизируют» человека и фетишизируют плоды его труда, превращая их в товар. Всемирно-историческая миссия пролетариата заключалась в том, чтобы совершить социальную революцию, вывести человечество из «предистории» в бесклассовое общество. Все это должно было произойти согласно неумолимой логике истории, инструментом которой является классовая борьба. Поскольку логика истории, на которую уповал Маркс, в России не сработала, Ленину пришлось создать «партию нового типа», которой предстояло «перевернуть всю Россию». Утопии подобного рода имеют шансы на успех только в экстремальных условиях кризиса, подобного тому, который разразился в России в 1917 г.

Большевистской утопии противостояла реальность в форме экономической разрухи и гражданской войны. Под давлением этих обстоятельств родилась первая в мире форма «не-капитализма» – военный коммунизм. Военный коммунизм позволил большевикам одержать победу над белыми. Он же, однако, явился причиной одной из тяжелейших катастроф XX века. Помимо колоссальных людских потерь, к 1921 г. промышленное производство практически прекратилось, деньги исчезли, и торговля уступила место товарному обмену. Частично эта примитивизация была следствием шести лет войны, однако в значительно большей мере она была вызвана идеологическим сумасбродством и некомпетентностью большевиков, с фанатической жестокостью продолжавших свою политику после окончания войны.

IV.

Частичное возвращение к рынку при нэпе было успешным в смысле оживления экономики страны, но не вело к социализму. Это противоречие вызывало в прошлом бесконечные споры о том, был ли «суровый» коммунизм времен войны и при Сталине нормой или отклонением от нее. Или же норма – «терпимый» коммунизм нэпа, и он, следовательно, является моделью для горбачевской перестройки. И, наконец, какая из этих разновидностей коммунизма – законный наследник Ленина и Октября? Все это можно свести к классическому вопросу: был ли Сталин необходим?

К концу 20-х годов стало ясно, что стране необходима интенсивная индустриализация и крупные капиталовложения, чтобы заменить изношенное и не обновлявшееся с 1913 г. промышленное оборудование и устаревшие заводы. Этот императив получил громкое название «программы построения социализма». По мнению Бухарина, переход на индустриальные рельсы должен был совершиться в союзе с крестьянством и через посредство рыночного механизма. Тем не менее в 1927 г. оказалось необходимым поднять цены на промышленные товары. Реакция крестьянства была такова, что пришлось ввести карточную систему в городах в тот момент, когда план индустриализации начал претворяться в жизнь. Перед партией стоял выбор: либо следовать бухаринскому курсу и капитулировать перед крестьянством, что в конце концов привело бы к потере монополии на власть, либо вернуться к методам военного коммунизма, но уже в форме колхозов. Генеральный секретарь ВКП(б) избрал последний путь – единственный, гарантирующий монополию на власть. Это вполне соответствовало идеям как Ленина, так и Троцкого. Ленин никогда не подвергал сомнению право партии на абсолютную власть. Троцкисты, в свою очередь, всегда поддерживали Сталина, когда он сталкивался с сопротивлением крестьян-

ства. Бухарин охотно принял новую «генеральную линию» и верой и правдой служил Сталину еще семь лет. Для всех партийцев «партийность» значила больше, чем любая экономическая программа или отношение к крестьянству.

Так что вопрос: «Был ли необходим Сталин?» нужно дополнить: «Для чего необходим?» Если иметь в виду индустриализацию России, то ответ должен быть отрицательным. Но если разговор идет об индустриализации в форме, совместимой с монополией партии на власть, тогда ответом будет «да». Только сталинскими методами можно было ликвидировать крестьянскую угрозу. Реальным выбором в 1929 г. было либо сделать то, что сделал Сталин, либо проститься с утопией. «Великий перелом» родился из политических, а не экономических соображений. То, что именно Сталин руководил его осуществлением, несомненно, сделало «перелом» более жестоким, дорогостоящим и параноидным, чем это было необходимо. Но власть Сталина была вовсе не проявлением его натуры, а скорее результатом целого ряда обстоятельств: наличия монолитной партии, действующей на основе «демократического централизма», и господства мифа о неизбежности социализма. Партия отчаянно нуждалась в вожде. Троцкий, да и любой другой из безжалостных комиссаров гражданской войны могли выступить в этой роли с тем же успехом, что и Сталин.

V.

Строительство социализма велось на манер военной операции и проходило на двух фронтах. На «сельскохозяйственном фронте» между 1929 и 1935 гг. русские крестьяне были загнаны в колхозы и превращены в рабов государства. Погибло от 6 до 11 млн. человек (несомненно, с развитием гласности эти цифры будут расти). Более 30 млн. крестьян были вынуждены уйти в города. Русское крестьянство и по сей день остается деморализованным, пассивным, приверженным к пьянству, подозрительным к власти и неинициативным. Надежда на более продуктивное сельское хозяйство не оправдалась, но достигнутый контроль над деревней избавил режим от капризов рынка и, самое главное, уничтожил крестьянство как часть гражданского общества.

На индустриальном фронте операции проводились под лозунгом «нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики». Результаты, особенно вначале, были впечатляющими: 20% прироста производства (хотя западные специалисты оценивали его в 12–14% в год). Более поздние подсчеты, подтвержденные разоблачениями периода гласности, дают умеренную цифру 4–6%. Уместно вспомнить, что премьер-министр граф Витте в 1890-х гг. добился куда более значительного промышленного роста (8%), используя гораздо более мягкие методы, не говоря уже о послевоенной Японии (16–18%).

Хуже того, рост промышленного производства был чрезвычайно однобоким: росла только тяжелая индустрия, воспроизводящая себя. Даже когда во времена Хрущева СССР стал второй индустриальной державой мира, этот статус был сугубо количественным. Почти все советские промышленные товары были устаревшими, низкого качества и пользовались спросом только на внутреннем рынке. СССР никогда не был великой индустриальной державой и тем более – современным обществом. Но иллюзию разделяли не только редакторы наших главных газет, но и такие выдающиеся экономисты, как Джон Гэлбрейт и даже Василий Леонтьев. В действительности СССР и в лучшие времена представлял из себя грандиозный военно-промышленный комплекс и государство-партию.

VI.

Система, строительство которой Сталин завершил в 1939 г., просуществовала четыре десятилетия, прежде чем ей был предъявлен счет за столь долгую «жизнь во лжи». Но в 1939 г. сталинское сооружение было еще весьма нестойким, и вождь, зная это, всячески старался избежать испытания войной. Тем не менее, когда час пришел, СССР выстоял, хотя и не благодаря системе. Огромные размеры страны,

ошибки Гитлера – все это сыграло свою роль. На каком-то этапе, однако, военная структура государства-партии доказала свою эффективность в перебазировании промышленности, мобилизации экономики и организации ответного удара.

Именно эта запоздалая победа сделала Советский Союз великой державой. Нелепая игра вылилась в успех мирового масштаба. Успех этот был объяснен превосходством социализма и использован для оправдания страданий и жертв 30-х годов. Партия больше не была крохотной армией оккупантов, навязанной сопротивляющемуся населению. Она превратилась в костяк советской имперской нации. Численность ее увеличилась до 7 млн. в конце войны, а затем и до 19 млн. при Брежневе. Когда же была создана «зона безопасности» империи в Восточной Европе, маршал Сталин стал фигурой всемирно-исторического масштаба. В своей стране он был «отцом народов», за рубежом для левых героем, противостоящим американскому империализму, для правых – врагом номер один.

Успех следовал за успехом. В 1949 г. Сталин получил атомную бомбу. Хрущев торжествовал по поводу запуска первого спутника и первого полета человека в космос. Брежнев вмешивался в дела Третьего мира, посылал атомные подлодки ко всем континентам и в конце концов достиг ядерного паритета с США. Россия оседлала мир как сверхдержава. После 1968 г., когда Запад буквально сотрясало из-за вьетнамской катастрофы, двух нефтяных шоков и свержения шаха Ирана, «равновесие сил», как выражались советские деятели, определенно сдвигалось в «пользу социализма». В действительности, однако, мир заблуждался. Запад оценивал СССР только по показателям экстенсивного экономического роста. Советы «эффективно» оперировали огромными массами людей и капитала в крупномасштабных проектах, не считаясь с затратами. Такая «техника» приемлема только для решения сравнительно простых количественных задач, вроде строительства объектов тяжелой промышленности или концентрации ресурсов во время войны. В 30-х гг. Советы создали грубую, но все же работающую имитацию экономики; они восстановили ее после войны, затем, после смерти Сталина, воспроизводили ту же модель семь или восемь раз. В это же время передовые страны Запада демонтировали свои Бирмингемы и Эссены, перегнали Советы сначала в электронике, а затем в компьютерах. Так что к концу 70-х гг., когда Россия достигла пика своего международного могущества, она представляла собой гигантское социалистическое железоделательное предприятие. К этому моменту страна уже исчерпала дешевые природные ресурсы и людские резервы. Великая экспансия 30-х гг. была возможна только потому, что евразийский материк хранил колоссальные запасы сырья. Эти запасы были растрочены впустую. К 1980 г., когда резервы были исчерпаны, появились зоны экологических катастроф, вроде пересыхающего Арала или умирающего озера Байкал. К этому времени изменилась и демографическая ситуация: резкий прирост населения, наблюдавшийся в конце XIX – начале XX века, прекратился. Колоссальный людской резервуар оказался иссушен сталинскими экспериментами, а отвратительные жилищные условия в городах никак не способствовали росту населения, особенно в центральной России.

Изжил себя и метод управления советским экономическим мастодонтом. Система, где все национализировано, а рынок и реальные цены под запретом, требует командных методов управления. Эта система работала более или менее эффективно на первых стадиях индустриализации и во время войны. Сталин и Хрущев еще могли с ее помощью получить ядерное оружие и баллистические ракеты. Однако метод, устраивавший полуграмотных комиссаров гражданской войны вроде Орджоникидзе, не может работать в мире высокой технологии и сложных многосторонних связей. Метод «штурма и натиска», использованный большевиками, чтобы построить социализм, превратился в тормоз, препятствующий развитию и модернизации. Госплан, Госснаб и специализированные министерства, число которых при Брежневе выросло до семидесяти, олицетворяют окостеневшие приемы экстенсивного экономического развития. Сотни тысяч бюрократов окопались в колхозной системе. По подсчетам самого Горбачева, армия функционеров насчитывает 18 млн. человек. К 1979 г. рост производства в Советском Союзе упал почти до нуля и остается на этом уровне все последнее десятилетие.

VII.

Преемникам Сталина приходится бороться с окаменевшей системой всеобъемлющего социализма. Они делали и делают это по шаблону, в котором удивительным образом перемежаются прогрессивные реформы и методы прошлого.

Хрущев ликвидировал Берию, ограничил власть политической полиции и сократил размеры ГУЛага. Он был, вероятно, последним убежденным ленинцем среди советских лидеров. Он верил, что система, если ею только правильно руководить, может поддерживать мощь государства и воплотить в жизнь утопию коммунизма. Еще более смелым, чем ликвидация Берию, было публичное разоблачение сталинских преступлений. Но очень скоро Хрущев обнаружил, что десталинизация имеет внутреннюю логику, не подчиняющуюся его контролю. Десталинизация лишила систему «законных» основ и открыла плотину, сдерживавшую напор недовольства. Это, в свою очередь, спровоцировало реакцию аппарата. Хрущев принял вызов, развязав руки творческой интеллигенции.

Идеологический кризис, вызванный хрущевской оттепелью, осложнился тем, что Хрущев одновременно начал экспериментировать с основами режима. Он децентрализовал экономику, организовав региональные совнархозы, пытался расколоть партию на две, сделав одну ответственной за сельское хозяйство, а другую – за промышленность. И самое главное, попробовал ограничить срок пребывания чиновников на высоких партийных постах. В октябре 1964 г. Хрущев был низложен теми самыми людьми, чьи жизни он спас, устроив Берию и его подручных. Но остановив террор, он одновременно утратил единственное свое оружие против аппарата, обеспечив аппаратчикам гарантию их личной безопасности и пожизненное пребывание в номенклатуре.

Брежнев и его союзники сделали правильный выбор: привилегии высшей касты – святы. Эта политика положила начало геронтократии, возглавляемой самим Брежневым, а также Сусловым, Андроповым и Черненко. Их долголетие усугубило склероз всех аспектов советской жизни.

Под руководством кремлевских старцев Советский Союз пережил восемнадцать лет застоя. Прежде всего была приостановлена десталинизация как слишком опасная для устоев системы. Умеренные экономические реформы Косыгина были заданы руками министерств и ведомств. Рабочий класс, привыкший к куцей, но всеобъемлющей системе социального обеспечения и развращенный уравниловкой, трудился с минимальной отдачей за минимальное вознаграждение. На более высоком социальном уровне находились деятели «черной», или «второй», экономики, которая оказалась необходимой для функционирования экономики официальной. Этот феномен привел к появлению мафии, включавшей милицию, руководителей предприятий и партию. И наконец, КГБ, возрожденный Андроповым, «заялся» талантливейшими людьми России, озабоченными ее будущим и пытавшимися что-то сделать ради этого будущего. Как следствие, примерно с середины 70-х гг. великий миф окончательно поблек в глазах народа, превратившись в Великую Ложь, о которой никто не осмеливался говорить открыто.

К началу восьмидесятых годов, по мере того как один правящий старец за другим укладывался на покой у Кремлевской стены, глубокое разочарование овладело народом. Находясь в зените своего международного влияния, система сама по себе превратилась в гигантский мавзолей Сталина.

VIII.

Исторический фон и сама структура системы требовали реформатора, подобного Геркулесу. Но допускала ли логика системы появление людей, способных решить эту задачу, обладающих масштабностью и исторической проницательностью? В этом-то и заключена драма горбачевской эпохи.

Болезни советской системы начали впервые проявляться на поверхности в 1983 году при Андропове. Глава КГБ намного лучше своих коллег по Политбюро знал о

положении в стране. Он предпринял необычный шаг: собрал специалистов, в том числе экономистов и социологов из Академии наук, с тем чтобы обсудить с ними возможные меры по спасению системы. Горбачев, его протеже, принял участие в этом совещании. В результате на свет появился доклад социолога Т.Заславской, которая доказала, что советская система центрального планирования больше не работает и что советское общество раздирается острыми противоречиями между интересами правящих и управляемых. Чтобы выжить, необходима радикальная реформа. Документ просочился в западную прессу и явился первым сигналом конца периода застоя. Горбачев, став генсеком, вначале пытался копировать Андропова, хотя молодым лидером руководило более острое чувство кризиса. Умеренные и подконтрольные верхам экономические реформы, составлявшие вначале содержание перестройки, под влиянием событий быстро превратились в «радикальные реформы», затем в «революционные изменения». К этому вскоре добавилось «новое мышление», означавшее пересмотр внешней политики, потом «ускорение», «гласность» и «демократизация» – для внутреннего потребления. Именно в этой исторической последовательности нужно рассматривать ход перестройки.

В апреле 1985 г., когда Горбачев начал перестройку, он имел в виду сравнительно ограниченную цель: ускорить производство, причем теми же методами, которые намеревался использовать Андропов. Хотя Заславская и Аганбегян были переведены в Москву, основной подход остался прежним: увеличить производительность классическими административными методами поощрения и реорганизации. Первой неудачей Горбачева была антиалкогольная кампания 1986 г., второй – кампания под названием «контроль качества». Горбачев перегруппировывал министерства и увольнял людей в масштабах, невиданных со времен Сталина. С осени 1986 г. кадровые перемены прекратились, настолько сильным было сопротивление аппарата. В попытке сломить сопротивление аппаратчиков Горбачев обратился к гласности. Он понимал, что динамичная экономика не может быть создана людьми пассивными, изолированными от современного мира, не понимающими положения внутри страны и просто невежественными. Гласность, таким образом, должна была встряхнуть народ и побудить «творческую интеллигенцию» требовать реформ от сопротивляющегося аппарата. Звонок в Горький и освобождение Сахарова должны были послужить сигналом и гарантией безопасности для сторонников перемен. В течение последующих 18 месяцев либеральная интеллигенция охотно пользовалась возможностью критиковать ошибки прошлого, тем более что это был единственный способ выявить порочность настоящего.

Во время «взрыва» гласности Горбачев и его сторонники сами стали более радикальными благодаря сопротивлению со стороны «консерваторов» – старых коммунистов во главе с Лигачевым. Консерваторы утверждали, что критика основ системы либеральной интеллигенцией приведет к подрыву институтов и ценностей, благодаря которым был построен социализм и выиграна Отечественная война, и в результате – к гибели страны. Горбачев и его сторонники отвечали, что ситуация зашла так далеко, что альтернативы перестройке нет: продолжение застоя приведет к разрушению экономики, потере статуса супердержавы и неизбежной гибели системы. Яковлев сказал об этом в начале 1989 г. еще яснее, чем сам Горбачев: «У нас в запасе не более 2–3 лет, чтобы доказать, что ленинский социализм жизнеспособен». Таким образом, в 1987–88 гг. кампания перестройки приобрела характер отчаянной гонки со временем, а уже в 1989 г. были налицо признаки смертельного кризиса, напоминающего по своему размеру катастрофические 1921, 1932 и 1941 годы.

Поток разоблачений и в самом деле привел к тем последствиям, о которых говорили консерваторы. Каждое новое преступление или катастрофа, вынесенные на свет, в значительно большей степени способствовали падению престижа системы, чем стимулировали людей на новые жертвы и усилия. Не только Сталин и Брежнев были свергнуты со своих пьедесталов, оказались затронуты и самые основы строя, экономическая теория Маркса и политическая практика Ленина. В разгар разброда, вызванного гласностью, система получила удар с неожиданной стороны. Руководство знало об экономических проблемах, но из-за своего примитивного русоцент-

ризма не подозревало, что перед ним стоит не менее тяжелая проблема национальных окраин. Массовые забастовки в Армении в феврале 1988 г. по поводу Нагорного Карабаха явились полной неожиданностью для нового руководства. Вскоре автономистские и даже сепаратистские выступления распространились на Прибалтику, Грузию, Азербайджан, а в 1989 г. — на жизненно важную Украину. Националистические движения обрели форму народных фронтов, объединивших все социальные слои против партийного аппарата (а в Прибалтике практически подмяв его под себя), что напоминало двоевластие, существовавшее в 1917 г. между рабочими Советами и Временным правительством. Причиной этого внезапного взрыва был тот же процесс развенчания мифов, который подрывал все советские институты. Утверждения, что партия-государство является «федерацией», были, вероятно, наиболее грубой формой Великой Лжи, поскольку все окраинные республики фактически были завоеваны Россией начиная с 1920 г.

При появлении новой опасности консерваторы (коммунисты старой формации) удвоили свои усилия, чтобы сохранить контроль над аппаратом. Благодаря жесткой партийной дисциплине лишь отдельные эпизоды этой бескровной войны в партии выплеснулись наружу. Наиболее ярким эпизодом стало изгнание Бориса Ельцина осенью 1987 г. и опубликование национал-коммунистического манифеста, известного как «письмо Нины Андреевой». В ответ на это давление генсек сделал третий и наиболее революционный шаг: он начал демократизацию. Впервые упомянутая в начале 1987 г., демократизация означала возможность выдвижения нескольких кандидатов на выборах и ограничение срока пребывания на всех постах в партии и государственном аппарате. Эта политика была опробована впервые во время созыва партконференции (по существу, мини-съезда) в июне 1988 г. в попытке получить большинство, необходимое для продолжения экономических реформ. Однако и этот шаг, как и гласность, не принес положительных результатов. На конференции сторонники реформ оказались в меньшинстве. В то же время прямые телевизионные передачи, продемонстрировавшие отсутствие единства в некогда монолитной партии, способствовали политизации малоактивных слоев населения.

Потерпев неудачу в попытке оживить партию, Горбачев попытался использовать иерархическую систему Советов. Воскресив лозунг 1917 года «Вся власть Советам», он хотел вернуть к политической жизни обе части двойной администрации, в которой вся власть со времен Ленина принадлежала одной лишь партии. Мотивы его действий были двоякими: восстановление ленинских идей, участие широких слоев населения в перестройке, но главное — он пытался прибрать к рукам силу, потенциальные возможности которой сравнимы с возможностями партийного аппарата. Ему нужен был независимый инструмент для осуществления программы экономических реформ. Эта попытка обойти старую гвардию с фланга напомнила многим тактику Сталина в его борьбе с основным течением в партии.

Второй раунд демократизации принес еще больше нежелательных результатов, чем первый. Это стало ясно в марте 1989 г., во время выборов в Совет народных депутатов, задачей которого было создать сильную президентскую власть для Горбачева и избрать контролируемый им Верховный Совет. Неожиданным результатом выборов было не просто поражение аппарата, к чему Горбачев и стремился, а сокрушительный удар по партии в целом. Впервые за семьдесят лет население получило возможность сказать «нет» официальным кандидатам и не упустило возможности сделать это, по крайней мере в больших городах. Соотношение сил в стране радикально изменилось: партия, которая раньше внушала людям страх, теперь сама начала бояться народа. Горбачев был избран президентом и, таким образом, обеспечил себе защиту от возможного заговора в партии. Он также добился избрания Верховного Совета, в послушности которого мог быть уверен. Однако поведение Горбачева во время выборов способствовало падению его популярности, и без того низкой из-за экономических трудностей и вспышек национализма. Он показал себя не более чем умелым аппаратчиком. Более того, либеральные депутаты, хоть и были в меньшинстве, задавали тон на заседаниях и выносили на обсуждение социальные язвы страны: нищету, отвратительное здравоохранение, растущую преступность,

экологические катастрофы, коррупцию в партии, нетронутую империю КГБ. Результатом съезда стала, как выразился один депутат, «демистификация власти». Изначально демагогический лозунг Горбачева «Вся власть – народу» неожиданно стал приобретать реальное содержание. Появилась организованная левая оппозиция в лице Межрегиональной группы во главе с такими фигурами, как Сахаров, Ельцин, Афанасьев, экономист Попов. Эта в общем совершенно лояльная оппозиция, тем не менее, настаивала на том, что настоящая перестройка даже не начиналась. Больше того, эта группа отвергла табу на коммунизм и потребовала положить конец ведущей роли партии. Одновременно съезд политизировал население России и Украины примерно до того уровня, который наблюдался в периферийных республиках. А так как съезд не предложил никаких мер устранения тех социальных болезней, которые он же сам выставил на обозрение, население стало брать закон в собственные руки. Страну захлестнула волна самоорганизующихся народных фронтов и самостоятельных профсоюзов. В некоторых районах, по мнению радикалов, создалось двоевластие, наиболее наглядным проявлением которого были забастовки шахтеров в июле 1989 г.

IX.

Что было достигнуто в экономической сфере, пока происходили все эти события? Практически ничего, а если быть точным – меры, которые были приняты, привели к дальнейшему ухудшению ситуации. Горбачевская экономическая программа до сих пор развивалась по двум главным направлениям. Первое – создание «кооперативов», а по-существу – частных предприятий в сфере обслуживания. Но влияние кооперативов оказалось смехотворным, поскольку стоимость их услуг была несоизмерима со средней 200-рублевой зарплатой. На крупных предприятиях возникло враждебное отношение населения к экономической реформе в целом. Люди считали, что любое проявление свободного рынка идет на пользу «спекулянтам» и привилегированным слоям. Такая реакция полностью соответствует идеям социалистического равенства, вбивавшимся в головы десятилетиями. Больше того, кооперативы раздражали государственную бюрократию, чьей монополии они угрожали.

Вторым компонентом горбачевской экономической реформы был закон о государственных предприятиях. Его внедрение значительно снизило бы роль Госплана и центральных министерств: собственные интересы предприятий позволили бы скорректировать директивы, спущенные сверху. В сущности это была попытка вернуться к духу нэпа и политике хозрасчета, попытка использовать полумеры «мягкого коммунизма». Усилия в этом направлении предпринимались на протяжении всей советской истории, от Бухарина и академика Варги до Косыгина, но никогда не реализовались, поскольку угрожали «ведущей роли» партийного аппарата. Молчаливое сопротивление аппаратчиков сделало этот закон мертвой буквой: промышленность была на 90% загружена «госзаказами». В других областях горбачевская экономическая перестройка тоже оказалась бесплодной. Сам Горбачев часто говорил о необходимости долговременной аренды земли (до 50 лет), но эти предложения ни к чему не привели, отчасти из-за сопротивления колхозной бюрократии, отчасти потому, что крестьянство уже пережило столько реформ, что не верило обещаниям власти соблюдать условия аренды.

Горбачев оказался в значительно более тяжелом положении, чем его предшественники – реформаторы коммунизма. У него больше нет тех возможностей, какие были у Ленина в 1921 г., в начале нэпа, или у Дэн Сяопина, возродившего с помощью свободного рынка сельское хозяйство и ремесла. Русское крестьянство, составляющее сейчас только 35% населения и непропорционально «постаревшее», слишком малочисленно и деморализовано шестью десятилетиями коллективизации, чтобы как-то реагировать на реформы типа нэпа. Поэтому Горбачев был вынужден начать перестройку с промышленности, где переход к рынку более сложен, чем в сельском хозяйстве.

Другое препятствие – финансы и политика цен. Низкие розничные цены, полная занятость, убыточные предприятия – все это поддерживалось огромными государ-

ственными субсидиями. Их нельзя отменить, не порождая инфляцию, чреватую социальным взрывом. Но пока эти субсидии не отменены или, по крайней мере, существенно не урезаны, экономика не может оперировать реальными ценами. А это означает, что плановая система не может быть «разбавлена» рынком или частным предпринимательством. Точно так же без этого невозможны конвертируемый рубль и включение России в международную валютную систему. Без сдвигов в укреплении рубля возрождение экономики невозможно. Так что выбор у Горбачева невелик: либо застой субсидируемой экономики, либо социальные беспорядки из-за введения реальных цен.

Перестройке грозят и другие неприятности. В частности, вся инфраструктура и средства производства, созданные десятилетиями экстенсивного развития, приходят в полную негодность. Железные дороги, основная транспортная система страны, находятся в катастрофическом состоянии. Гигантские металлургические заводы устарели и убыточны. Изношенное оборудование в сочетании с преступной небрежностью приводят к необычно высокому числу несчастных случаев (от Чернобыля до взрыва поезда в июне 1989 г.).

Нужно, наконец, иметь товары в торговой сети. При нынешней скудости все, что попадает в магазины, либо передается государственным предприятиям для их работников, либо уходит на черный рынок. Однако без широкого импорта заполнить полки магазинов невозможно, так как десятилетия бесполезных вложений и субсидирования (и печатания денег для этого) создали огромный дефицит бюджета и инфляцию, «обнаруженные» правительством только в конце 1988 г. В результате переход от рубля к доллару или к меновой торговле уже идет полным ходом. В таких условиях реальные цены и самофинансирование совершенно невозможны, и командно-административная система сохранится, чтобы поддерживать видимость порядка. Даже обсуждение возможности перехода к системе открытого рынка откладывается. Практически вся перестройка экономики застопорилась с начала 1988 г.

В результате четырех лет перестройки половинчатые реформы расшатали старые экономические структуры, но не создали новых. В этом отношении перестройка напоминает нерешительные меры, принятые в Восточной Европе в 80-х гг. И все-таки, несмотря на очевидный провал этих попыток, Горбачев намеревается вырастить искусственный гибрид «рыночного социализма».

Нынешняя обстановка перестройки напоминает нэп, направленный в обратную сторону. В период нэпа остатки предреволюционной экономики последовательно ликвидировались растущей силой государства-партии. Упорное сопротивление этой деградирующей, но все еще массовой структуры нарождающемуся рынку составляет суть горбачевской перестройки. Опыт показывает, что резкий переход от рыночной экономики к административно-командной вполне возможен, однако обратный процесс сопряжен с невероятными трудностями. В то же время провал экономической перестройки совпал с неудержимым ростом гласности, демократизации и политизации населения.

Перестройка рискует быть остановлена растущим разрывом между летящей вверх кривой гражданских свобод и положением в экономике, приближающимся к катастрофе.

Поздней осенью 1989 г. Москва была полна слухами о перевороте. Другие слухи, более правдоподобные, указывали на неизбежность введения особого положения. Общее впечатление было таково, будто общество сползает к хаосу. Страх перед авторитетом государства испарился летом, после съезда, а с ним, казалось, исчезла способность управлять.

Ну а что же Горбачев, личность, на которую Запад сконцентрировал свое внимание и надежды? Для внешнего мира он — решительный лидер, ниспровергатель основ, особенно в международных делах. Из Москвы, однако, он смотрится скорее как человек, едва поспевающий за событиями, а не управляющий ими, неспособный выработать устойчивую позицию по двум наиболее важным проблемам: экономике и национальному вопросу. Он представляется прекрасным тактиком, чувствующим

себя свободно только во внутривластном маневрировании. Он действует так, как будто все экономические неурядицы могут быть решены политическими средствами. Он, кажется, не в состоянии решить, то ли он глава государства, то ли лидер оппозиции. По выражению одного советского комментатора, Горбачев пытается быть и Лютером, и папой в одно и то же время. Однако в такой противоречивой ситуации, при всей своей политической смелости, он может оказаться не более чем шаманом советизма.

Х.

Теперь ясно, что 1989 г. войдет в историю как год начала смертельного кризиса коммунизма, год второго великого перелома, но не в восходящей, а в нисходящей фазе утопии. Ясно, что перестройка и гласность, как ни привлекательны их цели, только усилили кризис той системы, которую предназначены были излечить. И произошло это потому, что, как и любая форма «терпимого» коммунизма, они противоречат логике системы. Внутреннее противоречие перестройки заключается в том, что Горбачев пытается построить «терпимый» коммунизм с помощью структур старого, жесткого коммунизма. Орудие горбачевских реформ – партия – является основной причиной советских бед. Какой же выход из этого противоречия? «Страна находится на перепутье, – заметил один советский реформатор после июньского съезда. – Теперь мы можем пойти либо по пути Китая, либо – Польши и Венгрии».

Китайский путь означает относительное процветание рынка в условиях подавления политических свобод. Репрессии вполне возможны и в России, однако процветание в обозримом будущем исключено. Польско-венгерский вариант означает подлинную демократию, внедряемую на фоне экономического хаоса, который грозит новому конституционному порядку. В России экономическая разруха зашла еще дальше, чем в Польше и Венгрии, но истинная демократия, в противоположность «демократизации», не стоит даже на повестке дня. Русский вариант, похоже, может объединить худшие черты китайского и центральноевропейского сценария: упадок экономики при неизменно ведущей роли партии.

В самом деле, все три варианта коммунистических реформ приводят в тупик. В этом отличие ленинского тоталитаризма от обычной авторитарной власти. Когда польские радикалы в начале 80-х гг. искали модель для перехода к демократии, они пришли к выводу, что ни Испания после Франко, ни Чили после Пиночета не могут служить образцом для их страны. Испания и Чили смогли совершить переход, поскольку авторитарна была только политическая система, а экономика, социальная структура и идеология не были унифицированы. И, конечно, там существовала рыночная экономика, так что когда политической тирании был положен конец, гражданское общество, которое не было разрушено, могло выйти на свет Божий. Ленинские же режимы, пришедшие в упадок, по-видимому, способны лишь распадаться, как в Польше, Венгрии и Восточной Германии, или спрятаться под защиту штыков, как это произошло в Китае. Но независимо от того, распадаются они или опаиваются в последнем отчаянном усилии выжить, эти режимы оставляют после себя экономические и социальные развалины, вряд ли способные служить фундаментом «нормального общества».

XI.

Печальный конец утопии обусловлен природой структур, которые она создала, находясь у власти. Немыслимое предприятие Ленина и Сталина могло существовать, поскольку людские и материальные ресурсы, которыми система питалась, сохраняли свою жизнеспособность. Видимость материального успеха способствовала укреплению ее монопольного положения. Но когда эти условия меняются, воля компартий править ослабевает, а привычка народов жить в страхе исчезает. Чтобы спасти партию-государство, становится необходимым изменить курс, для чего и служат перестройка и гласность. Это, однако, бледные заменители рынка и демократии, полу-

меры, неспособные оживить гражданские силы, сопоставимые с партией. Задача эта так же безнадежна, как построение квадратуры круга. Если цель реформ – введение рыночной экономики и частной собственности, тогда партийное руководство становится излишним. Если многопартийность, выборы и закон являются политическими целями реформы, тогда двойная администрация партии-государства становится избыточной, более того – вредной.

Коммунистическая партия не есть партия в нормальном смысле, она несовместима со свободными выборами и правительством, меняющимся в соответствии с законом. Коммунистическая партия, напротив, есть организация, присвоившая себе монополию на власть. Если она терпит другие партии, то лишь как средство для достижения своих целей. Точно так же двойная партийно-государственная машина не есть нормальный государственный аппарат, а специальный инструмент, созданный партией, чтобы проводить ее политику. Такое государство, следовательно, не может перейти к нормальному правлению путем простой легализации других партий. Социалистическое же планирование не является альтернативной формой организации экономики. Это пренебрежение экономикой, умерщвление особой сферы человеческой активности путем ее подчинения политике и идеологическим императивам. Именно это иррациональное смещение закреплено священными принципами ведущей роли партии.

Ведущая роль партии, в сущности, несовместима со всеми объявленными целями реформ, будь то гласность, демократизация или многопартийные выборы. Все эти реформы допускают наличие третьего пути, некоего убежища между социализмом и капитализмом. Но среднего между большевизмом и конституционным правительством нет. Введение рынка и демократизация ведут к возрождению гражданского общества, которое требует власти закона. Однако цивилизованное общество, управляемое законом, несовместимо с сохранением руководящей роли партии. Так что в какой-то момент будет достигнут предел, когда реформы потребуют ликвидации ведущей роли партии и всех структур, ею созданных. И Россия, и Центральная Европа достигли этой черты. Ложная проблема переделки ленинизма уступает место реальной задаче демонтажа системы, исхода из коммунизма. Перестройка – не решение задачи, а только приближение к ней. Милован Джилас предвидел это, когда сказал: коммунизм не преобразует себя, он распадается.

XII.

Сколь сложен исход из коммунизма, видно на примере Польши, где правительство «Солидарности» прокламировало переход к рыночной экономике, ликвидацию номенклатуры, устранение коммунистического влияния в армии, полиции и гражданской администрации. Все это означает фактический конец не только ведущей роли партии, но и коммунистической системы как таковой.

Но пока что все государственные структуры остаются в руках партии, и новое правительство проводит очень осторожную десоветизацию из боязни вызвать «бункерную реакцию» в двухмиллионной партии. В то же время официальные профсоюзы демагогически «защищают права рабочих», используя социалистические рефлекс, привитые десятилетиями советизма. Стефан Кисилевский, старейший и блистательнейший критик польского коммунизма, считает, что десоветизация ментальности поляков и польских институтов в обстановке нестабильности займет не менее двадцати лет. Так что при всем нашем восхищении и изумлении по поводу наиболее удивительных примеров саморазрушения коммунизма, вроде падения Берлинской стены и революции в Праге, мы не должны думать, что структуры, укреплявшиеся в течение десятилетий, можно изменить несколькими декретами. Исход из коммунизма не может идти с той же революционной быстротой, что и предшествующие ему события.

Наиболее трудным случаем будет Советский Союз. Там, в отличие от Центральной Европы, вопрос о демонтаже коммунизма еще не поставлен даже Межрегиональной группой депутатов. Россия, в конце концов, живет при коммунизме 70 лет, а не 45. Кроме того, партия здесь не была привнесена извне, а является националь-

ным образованием с глубокими корнями. Наконец, эта национально-имперская партия имеет в своем распоряжении военную машину великой державы. Ясно, что Горбачев пытается умерить глобальный экспансионизм брежневской эры. Ясно также, что Москва смирилась с неизбежностью финляндизации Центральной Европы, а возможно даже с какой-то формой кооперации с Западной Германией, чтобы оживить разрушенную экономику этого региона. Тем не менее советский военный бюджет не сокращен сколько-нибудь значительно, модернизация советского арсенала не приостановлена. А эти обстоятельства лишь укрепляют роль КПСС

ХIII.

Вернемся теперь к вопросу, с которого мы начали: может ли Горбачев достичь успеха? Должны ли мы помочь ему? Согласно официальной позиции Соединенных Штатов, выраженной президентом Бушем, Горбачев – подлинный реформатор, и «все мы желаем успеха перестройке», что означает, по меньшей мере, моральную поддержку. Но чтобы ответить на эти вопросы, мы должны, так же как и в случае с вопросом о необходимости Сталина, перефразировать их. Достижеть успеха в чем? Помочь сделать что?

Если успех перестройки означает для нас появление коммунистической системы, которая экономически эффективна и демократична, тогда ответ должен быть отрицательным: события последних семидесяти лет показывают, что основные структуры ленинской системы столкнулись с непреодолимыми трудностями в конце 70-х гг. Противоречия перестройки свидетельствуют, что система не может быть перестроена или улучшена, что ее удел – либо застой, либо длительный демонтаж с заменой плановой экономики на рыночную. В первом случае любая помощь, которую Запад может оказать, будет бесполезна, и мы не сможем спасти Горбачева. Наша помощь будет противоречить интересам советского населения и пойдет во вред международной стабильности. Подобно западным кредитам Гереку и польской партии-государству в 70-х гг., помощь советскому правительству только продлит страдания людей, причастных к этой трагедии.

Если же под успехом перестройки мы понимаем переход от партии-государства и административно-командной экономики к демократии и рынку, то и в этом случае, к сожалению, ответ должен быть отрицательным. Прежде всего, такой переход не является целью горбачевской перестройки; она направлена на сохранение того, что можно спасти путем полумер, уступок экономической действительности и человеческой природе, уступок, которые постоянно пересматриваются по мере того, как все новые и новые составляющие системы приходят в негодность, а власть тщетно импровизирует в надежде найти чудодейственные средства. Второе и более важное обстоятельство – такой переход означал бы конец ведущей роли партии и, следовательно, самоликвидацию коммунизма, чего Горбачев явно не хочет.

Тем не менее советская система постепенно приходит в упадок под влиянием событий и независимо от намерений руководства. Именно здесь Запад может играть конструктивную роль, прежде всего путем снижения обоюдного бремени вооружений при должном внимании к вопросам безопасности. Это могло бы облегчить советский кризис, хотя и не устранил его причины. Горбачев явно показал, что стремится к разоружению, в то же время не давая советскому отступлению превратиться в беспорядочное бегство.

Второе. Хотя западная помощь не должна идти на поддержку государственного сектора, она может быть использована для развития параллельных структур частного сектора, действующих на принципах свободного рынка. Развитие такого рыночного, а затем и политического плюрализма может принять форму свободных экономических зон, оперирующих на условиях Международного валютного фонда в таких районах, как, например, Прибалтика, Армения или Дальний Восток. Такой параллельный сектор, вероятно, со своей собственной конвертируемой валютой, мог бы постепенно распространиться на весь Советский Союз.

Фактически это тот подход, который правительство Мазовецкого пытается использовать в Польше. Но то, что Горбачев готов принять для внешней части импе-

рии, гораздо труднее осуществить внутри Советского Союза, так как иностранные вложения будут ущемлять национальный суверенитет. Поэтому западные вложения должны делаться без фанфар, вещающих о превосходстве капитализма, и с должным уважением к советской национальной гордости. Целью Запада должно быть изменение советских реалий, а не вывесок.

И все-таки, хотя Советский Союз и начал движение из коммунизма, этот процесс будет долгим и болезненным. Вместо прямого движения по направлению к «общему европейскому дому», страну ждет усугубление кризиса. Отчаянная попытка предотвратить разрушение системы дестабилизирующими реформами может вызвать реакцию военных, которая так пугает московских либералов. И кто знает, Горбачев может оказаться достаточно проворным, чтобы стать собственным преемником или, если перестройка кончится еще одним 18 брюмера, превратиться в советского Бонапарта. Горбачева трудно заменить, поскольку его международная репутация – главное достояние Советского Союза; однако он не сможет позволить себе быть очень жестким Бонапартом, так как стал заложником собственной международной политики.

Очевидно, ни одна из этих перспектив не выглядит ободряющей, и ни одну из них Запад не примет охотно. Однако лучше смотреть реалистически на подлинные возможности Востока, чем увлекаться фантазиями о Горбачеве – демиурге, творце демократии или мечтать о немедленном решении исторических конфликтов. Мы не должны забывать, что коммунизм, катастрофически неудачливый во всем, оказался непревзойденным лишь в одном: в изобретательности и упорстве в борьбе за власть. Переход советского мира к нормальному состоянию будет долгим. Партия, ныне прихорашивающаяся с помощью румян гласности и демократизации, будет до последнего издыхания душить в своих объятиях народы, которые она обманывала многие десятилетия. ●

Игорь ГРИШИН
(Ленинград)

**ДОМ,
В КОТОРОМ Я ЖИВУ**

Пэм ВУДОЛЛ (Англия)

ПЕРЕМЕНА КУРСА

Заметки о шведской экономике

В последнее время в нашей стране все чаще говорят о «скандинавской модели», как об образце, по которому можно было бы построить реформированную советскую экономику. На I Съезде народных депутатов СССР Чингиз Айтматов, например, назвал Швецию в числе стран, где, по его мнению, построен подлинный социализм.

Шведская экономика представляет сейчас для распадающейся советской экономики недосягаемый идеал. Это, действительно, система, которая может дать нам множество полезных уроков. Поэтому мы сочли нужным опубликовать профессиональный анализ шведской экономики, в котором рассматриваются как положительные, так и слабые стороны этой модели: для извлечения практических уроков это важнее рекламных восторгов.

Читатель, несомненно, отметит то обстоятельство, что отрицательные стороны шведской модели связаны чаще всего как раз с ее наиболее «социалистическими» элементами. Поучительное наблюдение.

Швецию — страну, долгое время вызывавшую восхищение мощью своей экономики и царившим в обществе согласием, — сегодня потрясает экономический и политический кризис. По стране прокатилась волна забастовок с требованием значительного повышения заработной платы. Инфляция в этом году грозит достигнуть 8-процентного уровня, быстро растет дефицит текущих статей платежного баланса, процентные ставки составляют 16%, а показатели объема производства свидетельствуют о застое. Не значит ли это, что знаменитая шведская модель потерпела крах?

Экономические либералы давно предупреждали о том, что в шведской экономике налицо все предпосылки для экономического паралича: налоги, самые высокие среди промышленно развитых стран, самая щедрая система социального обеспечения, самая маленькая дифференциация в заработной плате и самые многочисленные профсоюзы. И все же в течение многих лет Швеция процветала, обеспечивая высокий уровень жизни, низкую безработицу, оставаясь государством всеобщего благосостояния с множеством сильных, динамичных корпораций.

Секрет успеха заключался в оригинальной четырехчастной шведской модели. В сфере производства социал-демократы полагались на капиталистическую модель экономики, предоставляя не бюрократам, а рыночным силам определять судьбу предприятий. Этот принцип сочетался с активной политикой на рынке труда, позволявшей рабочим быстро переходить из застойных отраслей в процветающие, а также с регулированием заработной платы путем централизованных переговоров, с тем, чтобы ее размеры соответствовали возможностям экономики. Четвертым компонентом шведской модели была всеохватывающая система социального обеспечения.

Экономика страны успешно развивалась в рамках этой модели до 70-х годов, когда произошло резкое снижение конкурентоспособности промышленных предприятий Швеции. Пытаясь приостановить сокращение численности рабочих мест, несоциалистические правительства 1976–82 гг. допускали все те ошибки, которые типичны для социалистических правительств, но которые удавалось избежать шведским социал-демократам. Промышленность наращивала субсидии, расширяла программы развития государственного сектора. Последствия нетрудно было предвидеть: стремительно увеличился дефицит бюджета и внешнего платежного баланса, подскочил уровень инфляции.

Когда в 1982 г. социал-демократы получили в наследство такую расстроенную экономику, новый министр финансов Фельдт отверг и метод стимулирования экономики с целью создания рабочих мест, как кейнсианский, и тактику борьбы с инфляцией посредством безработицы в стиле Маргарет Тэтчер. Он выбрал «третий путь» – одновременное сокращение уровней инфляции и безработицы. Крона была девальвирована на 16%, а бюджетный дефицит по отношению к валовому внутреннему продукту, составлявший 13% в 1982 г., был ликвидирован, так что к 1988 г. образовалось превышение доходов над расходами в размере 1% ВВП. Выбор, казалось, себя оправдал: экспорт процветал, а уровни безработицы и инфляции снизились. Шведская модель опять была в моде.

Теперь кажется, что девальвация, как это ни печально, принесла только временное облегчение. С 1985 г. ВВП рос в среднем на 2,3%, что значительно ниже среднего темпа роста ВВП по странам, входящим в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), – 3,5%. По прогнозам специалистов рост ВВП в 1990 и 1991 гг. составит всего 1–1,5%. Большой рост заработной платы и вялый подъем производительности труда привели к высокой инфляции и подорвали конкурентоспособность шведской промышленности на мировом рынке, вернув ее на уровень, предшествовавший девальвации 1982 года. Ожидается, что к 1991 г. доля дефицита текущих статей платежного баланса ВВП возрастет до 4%. «Третий путь» потерпел неудачу: страна оказалась на грани экономического кризиса, очень похожего на кризис конца 1970-х гг.

Что же случилось? Первая причина – это шведская политика полной занятости или даже поддержания избытка рабочих мест – политика, подогревающая инфляцию. При нынешнем уровне безработицы (1,5%) темпы роста инфляции уже не могут быть устойчивыми.

Однако тот факт, что экономика стала перегреваться всего при 2% роста, указывает на вторую проблему – негибкость системы ассигнований. Ослабление побудительных мотивов в результате налоговой политики подорвало производительность труда и усилило дефицит рабочей силы. В течение двух десятилетий Швеция была на одном из последних мест в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по показателям экономического роста, в результате чего валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения (с учетом разницы в покупательной способности) упал ниже среднего уровня ОЭСР.

Замораживание цен и заработной платы не решило бы ни одной из этих проблем; опыт показывает, что никакая политика регулирования доходов не дает желаемых результатов. Единственный способ, с помощью которого можно было бы охладить перегретую экономику, – ужесточение фискальной политики и допущение роста безработицы, способной выпустить пар на рынке труда. Справедливости ради следует признать, что Фельдт пытался закрутить гайки, но предложенные им меры были заблокированы оппозиционными партиями.

Однако даже Фельдт отказывался от роста уровня безработицы как меры борьбы с инфляцией. Он полагал, что сможет приостановить рост расходов с помощью расширения премиальной системы и повышения производительности труда, пытаясь подтолкнуть шведскую экономику программой радикальных реформ в духе «свободного рынка». Он отменил государственное регулирование финансов и отбросил тактику контроля над иностранной валютой – тактику, которая в течение полувека изолировала Швецию от международных рынков. Еще внушительнее оказалась налоговая реформа, которая должна полностью завершиться к январю следующего года и призвана заставить шведов усерднее работать и экономить.

На посту министра финансов Фельдт пробыл дольше, чем кто-либо из его коллег в странах ОЭСР. И партия, и шведская экономика потеряли в его лице

опытного и решительного борца за либерализацию шведской экономики. За последний год пребывания на посту министра он был вымотан усилившимися нападками в своей партии, в особенности со стороны профсоюзных лидеров, боявшихся, как бы он не отошел от социалистических принципов и не превратил социал-демократическую партию в партию крупного бизнеса.

Если социал-демократическая партия и впредь хочет оставаться политической силой, то ей следует, в известном смысле, пересмотреть свои взгляды, чтобы быть готовой к решению новых задач, которые стоят перед шведской экономикой в 90-е годы. В частности, ей нельзя не считаться со следующими моментами.

Во всем мире рыночная экономика одерживает верх над плановой экономикой. Швеции теперь предстоит подумать, как предоставить большую свободу действий рыночным силам в своей экономике.

С ростом интеграции мировых рынков Швеция больше не может, например, проводить налоговую политику, сильно отличающуюся от налоговой политики в других странах, как и не может себе позволить уровень инфляции, значительно превышающий ее уровень в других странах. Тем самым весьма ограничивается возможность поддерживать специфику шведской модели.

Налоговые поступления в Швеции достигли своего потолка, так что назревшие проблемы уже не могут решаться за счет государственной казны. Впредь улучшение социального обслуживания должно будет покрываться за счет лучшего использования имеющихся возможностей.

Признавать необходимость перемен – это не значит отрицать достигнутые в рамках шведской модели успехи. Это значит понимать, что в новом экономическом климате ей нужны наряды помоднее.

Пытаясь либерализовать экономику, социал-демократы в то же время привязали себе к ногам по свинцовой гире. Первая – энергетическая политика, согласно которой Швеция должна закрыть все ядерные реакторы, хотя они и производят половину потребляемой в стране электроэнергии. Вторая – отказ от членства в ЕЭС с его внутренним рынком. От таких решений может серьезно пострадать промышленность Швеции.

Все это примеры того, как часто шведы забывают об относительном спаде своей экономики, о переменах в мировой экономической ситуации и по-прежнему полагают, что шведскую модель можно приспособить к чему угодно, что можно добиться результатов, невозможных для других стран. Они полагают, что можно сочетать незначительный уровень безработицы с низким уровнем инфляции, что можно оставаться вне ЕЭС, оставляя за собой все экономические выгоды, что можно исключить ядерную энергетику и при этом не нанести ущерба промышленному производству. Однако гигантские шведские корпорации не верят в волшебные сказки. Уже теперь, озабоченные расходами на заработную плату и неопределенностью затрат на энергетику, как и неясностью перспективы членства Швеции в ЕЭС, шведские компании предпочитают делать капиталовложения за рубежом, а не в Швеции. Тем самым они обеспечивают себе дальнейшее процветание. Можно ли сказать то же самое о шведской экономике?

Шведская модель начинает стареть

На первый взгляд кажется поразительным, что шведский рынок труда вообще способен функционировать сколько-нибудь эффективно. Самая маленькая в Европе дифференциация в заработной плате, самые высокие налоги и пособия по безработице и самое активное членство в профсоюзах – все это скорее выглядит рецептом для создания высокой безработицы при жесткой структуре занятости. Однако шведская модель рынка труда была разработана профсоюзными экономистами в конце 40-х гг. как раз для обеспечения незначительного уровня безработицы при низких темпах роста

инфляции. И это удалось: в течение последних тридцати лет уровень безработицы в стране не превышал 1,5%, и до конца 80-х гг. средние темпы роста инфляции оставались несколько ниже среднеевропейских.

Похоже, однако, что шведская модель начинает устаревать. С начала 80-х годов затраты на заработную плату росли в Швеции быстрее, чем у ее торговых партнеров. В 1989 г. заработная плата повысилась в среднем на 10%, что в два раза превысило среднеевропейский показатель. Нынешний год начался с волны забастовок банковских служащих и работников сферы коммунальных услуг, требовавших 15% прибавки к зарплате. В ответ на забастовки правительство предложило пакет соглашений, которыми предусматривалось не только замораживание цен и заработной платы, но и такая, совершенно не характерная для Швеции, крайняя мера, как запрет на забастовки. Встретившись с яростным сопротивлением профсоюзов, правительство было вынуждено отказаться от своих предложений.

Инфляция в результате роста заработной платы явно становится самой крупной экономической проблемой для Швеции. Может быть, шведскую модель можно как-то исправить?

В этой модели функционирование рынка труда сначала определялось тремя чертами – так называемой «солидаристской» политикой в вопросах заработной платы, направленной на ограничение дифференциации в оплате труда; активной политикой в сфере занятости, позволявшей оказавшимся без работы найти себе новое место, и централизованными переговорами о ставках заработной платы. Солидаристская политика в области заработной платы исходно основывалась на идее равной оплаты за равный труд, независимо от доходов предприятия. Здравый смысл подсказывает, что малые различия в оплате труда должны подавлять динамику рыночных сил, однако создатели шведской модели доказывали, что эти малые различия на самом деле ускоряют переход от малоэффективных отраслей к высокоэффективным посредством выкорчевывания нерентабельных предприятий и создания режима благоприятствования для рентабельных.

К сожалению, профсоюзы слишком увлеклись солидаристской тактикой и довели ее до уравниловки, устранив различия в оплате труда не только внутри отдельных профессий, но и между разными профессиями и уровнями квалификации – разница в заработной плате квалифицированных и неквалифицированных рабочих упала с 54% в 1960-х годах до 25% в 1980-х. Пропала заинтересованность в повышении квалификации, и затруднилась задача поощрения рабочих. Если также принять во внимание жесткую систему прогрессивного налога, тогда различия в чистых доходах оказываются еще незначительнее: в прошлом году, например, министр приносил домой, после уплаты налогов, всего в два раза больше денег, чем простой рабочий; в 1939 году их труд оплачивался в отношении 8:1.

Вторая, безусловно, самая важная черта шведской модели – активная политика в сфере занятости, способствующая переходу рабочих из застойных отраслей в преуспевающие. Вместо того, чтобы выплачивать рабочим пособия, эта политика содействует возврату их на работу. Регулируемая правительством общенациональная биржа труда помогает безработным найти себе место; программы переподготовки и подъемные для переходящих на новую работу делают рынок труда динамичнее; временные программы государственного сектора и субсидии на комплектование кадрами частных предприятий создают новые рабочие места. Некоторые критики утверждают, что это всего лишь скрытая безработица, но если даже включить в число нетрудоустроенных всех, кто попадает под эти программы, то общий показатель безработицы и тогда не достигнет 5%, то есть останется значительно ниже среднего уровня безработицы в странах ЕЭС – 10%. Однако истинная суть предпринимаемых мер в другом – в удержании рабочей силы на рынке труда, в увеличении шансов для безработного получить работу и тем самым – в

предотвращении застойной безработицы. Чем дольше человек без работы, тем труднее ему устроиться, так что он уже с меньшим рвением ведет поиски. В самом деле, выбывая из сферы занятости, рабочая сила уже не оказывает давления на фонды заработной платы. Поэтому, ликвидировав застойную безработицу, шведская экономика позволила сократить общий уровень безработицы без сильного увеличения темпов роста инфляции. Только у 8% безработных в Швеции срок незанятости превышает год, тогда как в странах ЕЭС таких безработных половина.

Правда, мероприятия в сфере занятости обходятся шведскому правительству почти в 2% ВВП, то есть больше, чем в других странах, но зато, благодаря сдерживанию безработицы, затраты на пособия безработным значительно ниже, чем в любой другой стране. Безработным в Швеции не так легко вытягивать деньги из казны. Одна из важных составляющих успеха – сочетание политики пряника (обещание переподготовки и работы) и кнута. Хотя Швеция и предоставляет своим безработным самые щедрые в мире пособия, она также предусматривает строгие правила для их получения. Пособия не бессрочны. Они могут выплачиваться максимум 300 дней, а строгие проверки, которые проводятся для подтверждения фактической нетрудоустроенности, отбивают у некоторых охоту к иждивенчеству за государственный счет. Если получатель пособия отказывается от переподготовки или предложенной работы, то выплата пособия может быть немедленно прекращена.

Третья составляющая шведской модели – централизованные переговоры о ставках заработной платы. Обычно шведская система переговоров считается одной из самых централизованных в ОЭСР. В Швеции самое высокое членство в профсоюзах, которые охватывают 90% «синих воротничков» (рабочих) и 80% «белых» (служащих). До начала 80-х годов LO, конфедерация профсоюзов рабочих, вела переговоры о заработной плате с SAF, союзом работодателей, и устанавливала нормы для остальных рабочих. Централизованные переговоры играли существенную роль в проведении солидаристской политики в вопросах заработной платы, однако еще важнее то, что они были призваны сдерживать совокупный рост заработной платы, соотнося его с возможностями экономики. В отличие от переговоров на уровне отдельных фирмы, LO должна была считаться с более широким воздействием повышения заработной платы на конкурентоспособность данного предприятия на мировом рынке и на наличие рабочих мест, что в свою очередь способствовало сдерживанию роста заработной платы.

Однако в 80-е гг. система централизованных переговоров расстроилась. В стране всегда имели место значительные отклонения фактической заработной платы от расчетных ставок, так как переговоры на местах вели к надбавкам к установленным на общенациональном уровне нормам. А в последнее время на долю таких отклонений приходилось больше половины совокупного роста заработной платы. Вдобавок ко всему в этом году LO и SAF в очередной раз не смогли договориться о единых общенациональных нормах, так как профсоюзы, невзирая на ухудшающееся экономическое положение, не желают сдерживать рост заработной платы.

В последние годы резко увеличился уровень материальных вознаграждений в новых формах, усилив связь между доходами компаний и оплатой труда. В результате стало распадаться традиционное единство рабочих в вопросах оплаты. Соглашения, ставящие оплату труда в прямую зависимость от производительности труда, участие в прибылях и введение конвертируемых залоговых акций (работники могут на выгодных условиях приобретать акции своих предприятий) – эти явления распространяются с быстротой молнии. Больше половины фирм, зарегистрированных на бирже Стокгольма, выпустили конвертируемые акции, на которые подписались около 40% рабочих, имеющих право на их приобретение, и 70% служащих.

Однако возврат к идиллии 50-х и 60-х годов, когда LO и SAF определяли темпы роста заработной платы, невозможен. Сегодня профсоюзы служащих государственного сектора полностью покончили с этой идиллией. На переговорах об оплате труда все больше спорят об относительной оплате, а профсоюзы госсектора стали очень сильными. Чтобы централизованные переговоры достигли своей цели, нужно, чтобы ставки заработной платы устанавливались сектором, чувствительным к конкуренции на мировом рынке, а лишь затем распространялись на другие отрасли. Вместо этого с увеличением роста рабочих мест в государственном секторе (35% рабочей силы) лидерство в решении вопросов заработной платы частично переместилось именно в этот защищенный сектор, где большой рост заработной платы не ведет к сокращению рабочих мест, то есть сдерживающий фактор роста отсутствует. В этих условиях централизованные переговоры оказываются непригодными.

Если Швеция не сможет вернуться к централизованным переговорам, то ей, чем топтаться в преддверии экономического ада, имеет смысл пойти по пути полной децентрализации в политике заработной платы. Переговоры о размерах заработной платы должны быть ограничены рамками компаний, где оплата труда полностью определяется размерами прибыли, местным спросом и предложением. Это усилит влияние мировых рынков на процесс установления заработной платы и тем самым будет сдерживать ее рост. При этом увеличится дифференциация в оплате труда между регионами и профессиями, что позволит ликвидировать острый дефицит квалифицированной рабочей силы в отдельных районах.

У хозяев мелких и средних предприятий нет сильного стремления к децентрализации. Они полагают, что при таком низком уровне безработицы возникнет полная неразбериха – то и дело будут выдвигаться новые требования. Приходится признать, что на самом деле Швеции мешает ее приверженность идее полной занятости. Несомненно, Швеции с ее активной политикой в сфере занятости удается лучше балансировать между безработицей и инфляцией, чем большинству стран. Она снизила уровень безработицы, совместимый с устойчивыми темпами роста инфляции. В течение последних двадцати лет почти во всех других странах этот уровень повышался. Так что те, кто утверждает, будто шведская модель развалилась, ошибаются.

Активная политика на рынке труда – а она является куда более важным компонентом в шведской модели, чем солидаристская политика в области заработной платы и централизованные переговоры – до сих пор живет и здравствует. Но Швеция не сумела удержать счастливое равновесие между безработицей и инфляцией и загнала уровень безработицы за черту, ниже которой устойчивые темпы роста инфляции уже невозможны. Проводя последовательную политику предотвращения безработицы посредством девальвации и создания рабочих мест в государственном секторе, начиная с 70-х гг., правительства Швеции фактически устранили угрозу безработицы. Но благодаря этой практике исчезли стимулы к сдерживанию роста заработной платы. Уйти от выбора между инфляцией и безработицей не удастся даже Швеции.

Стоило бы ужесточить фискальную политику и допустить более высокие темпы роста безработицы. Как свидетельствует анализ, проведенный ОЭСР, заработная плата в Швеции настолько чувствительна к уровню безработицы, что даже 2,5% последней (а сейчас безработица – 1,5%) было бы достаточно, чтобы довести уровень инфляции до существующего у основных торговых партнеров Швеции. Такая цена показала бы незначительной кому угодно, но только не Швеции.

Сократятся ли налоги?

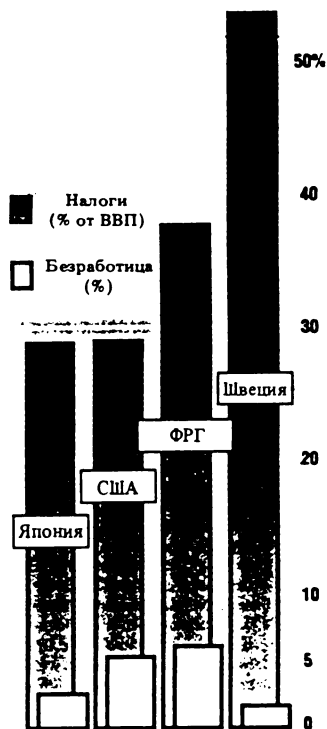
Лихорадка налоговых реформ пронеслась по всему миру и в прошлом году добралась до Швеции – самого большого сборщика налогов. В 1989 г. потолок

индивидуального подоходного налога (72%) был здесь самым высоким в мире.

Шведская система подоходных налогов не только стала неэффективной, отбив у многих всякое желание работать и экономить, но и мало способствовала осуществлению принципа социального равенства, в чем исходно состояла ее задача. Хотя на бумаге налоги и получались резко прогрессивными, система оставляла множество лазеек для желающих разбогатеть: можно было, например, занимать деньги и вместо того, чтобы платить налоги по высоким ставкам, выплачивать сравнительно низкие ссудные проценты, а деньги вкладывать в предприятия, освобожденные от уплаты налогов, или фонды, облагаемые незначительными налогами, скажем, в жилищное строительство. Хотя различия между чистыми трудовыми доходами были невелики, имущественное неравенство в Швеции последние годы росло, благодаря доходам от прироста капитала на фондовой бирже (налоги с прироста меньше, чем с заработной платы), а также за счет уклонения от уплаты налогов — явления весьма распространенного. Миф о том, будто в Швеции нельзя разбогатеть, лишен всяких оснований — в Стокгольме на одного человека приходится больше роскошных автомобилей, чем в любом другом городе мира. Что действительно стало здесь невозможным, так это разбогатеть честным трудом.

Чрезвычайно высокая ставка предельного подоходного налога в 72% (а в начале 80-х гг. она была 80%!) стала причиной эмиграции некоторых финансистов с большими доходами и теннисных звезд. У тех же, кто остался дома, высокие налоговые ставки подрывали стимул к труду и бережливости, разрушали лютеранскую этику, благодаря которой Швеция стала богатой страной. Ставка предельного подоходного налога квалифицированного промышленного рабочего, зарабатывавшего всего 160 000 шведских крон (25 тыс. долларов) в год, достигала примерно 60% процентов. Нет ничего странного в том, что шведы работают меньше, чем любой другой народ. Шведские врачи работают в среднем 1600 часов в год, тогда как врачи в США — 2800. Им выгоднее остаться дома и самим покрасить стены, нежели отрабатывать сверхурочные часы, чтобы нанять высокооплачиваемого маляра, обязанного платить налог.

Предполагается, что «налоговая реформа века» будет осуществляться в два этапа в 1990 и 1991 гг. Если реформы будут осуществлены в полном объеме, то к январю 1991 г. 85% рабочих, зарабатывающих менее 180 тыс. крон в год (29 тыс. долларов), будут освобождены от подоходного налога государству и будут платить в среднем только 30% местного налога. Более высокие доходы будут облагаться подоходным налогом по единой ставке, составляющей 20%, чтобы потолок общего предельного налога (включая местные налоги) не превышали 50%. После вычета налогов каждый швед будет приносить домой больше денег, но для этого потребуются более жесткие ограничения на налоговые скидки, более высокие налоги на дополнительные выплаты и распространение налога на добавленную стоимость на ряд товаров и услуг, которые до сих пор налогами не облагались. Должны быть также повышены налоги на рост рыночной стоимости капитала. Это должно регулировать стремление к займам и помогать росту коэффициента личных сбережений.

Правительство социал-демократов утверждает, что перераспределительный эффект реформ будет незначительным. Общая сумма налогов для большинства семей останется прежней. Исключения составят самые бедные и самые богатые. Малооплачиваемые ничего не выгадают от снижения налоговых ставок, потому что они и сейчас платят небольшой налог, зато им придется после реформ выплачивать больше косвенных налогов. Для помощи этой социальной группе планируется увеличить размеры пособий для многодетных семей. Так что по-настоящему пострадают только самые богатые – тяжелые налоги лягут на их дополнительные прибыли и доходы от прироста капитала.

Реформа коснется и налогов, взимаемых с корпораций. При полной ее реализации налоговая ставка для корпораций будет к 1991 г. составлять 30% против нынешних 57%. В то же время ряд налоговых льгот для компаний будет ликвидирован. Налоги для большинства крупных фирм останутся в конечном счете такими же, как и прежде. Мелкие фирмы, которые до реформы не могли в полной мере воспользоваться налоговыми льготами за инвестирование капитала и процентными скидками, поправят теперь свое положение.

Такие перемены послужат более эффективному распределению капитала между фирмами. Однако большинство шведских компаний интересуют не столько изменения ставок налога на корпорации, сколько реформы индивидуальных подоходных налогов, которые, по их расчетам, помогут увеличить заинтересованность рабочих и сократят дефицит рабочей силы. Работодатели жалуются, что рабочих практически невозможно заставить работать сверхурочно, потому что они предпочитают иметь свободное время, а не дополнительную плату за сверхурочные работы. Различные исследования указывают на то, что сокращение налоговых ставок может повысить «предложение рабочей силы» на 5–10%, так как у рабочих появится интерес к увеличению рабочего времени. Что еще важнее, налоговая реформа повлияет больше всего на группы квалифицированных работников, в которых существует наибольшая потребность. Для старшей медсестры, например, будет весьма ощутимо сокращение ставки предельного налога вдвое – примерно с 60 до 30%.

Предложенный пакет реформ – это только начало. Однако всеобщее бремя налогов может быть уменьшено только после снижения государственных расходов, а сделать это одним махом не удастся.

Неладно что-то в государстве всеобщего благосостояния

Следующим важным шагом на пути реформ могли бы стать реформы государственного сектора. Швеция обладает самой щедрой системой социального обеспечения и, что неизбежно, самой дорогостоящей. Государственные расходы доходят до 61% валового внутреннего продукта – меньше, чем в 1982 г. (68%), но по-прежнему больше, чем в любой другой стране ОЭСР.

Ближайшая задача правительства – остановить рост расходов. В 1990 г. их росту будут способствовать три фактора. Во-первых, демографическое старение приведет к увеличению затрат на пенсии и здравоохранение, во-вторых, работники государственного сектора требуют значительных добавок к заработной плате, которая в течение последующих двух лет будет отставать от частного сектора, и в-третьих, и это беспокоит больше всего, уже дает о себе знать кризис качества в сфере коммунальных услуг.

Сокращение государственных расходов, начиная с 1982 г., тяжело сказалось на инвестиционных программах, а социальная инфраструктура в отдельных городах просто разваливается. Возникла серьезная нехватка кадров в системе образования, здравоохранении и полиции. Участились жалобы на нехватку учреждений для детей дошкольного возраста, а чтобы сделать операцию на бедренной кости или снять катаракту, можно прождать больше

двух лет в очереди. Правда, по сравнению, скажем, с Лондоном, кажется, что система коммунальных услуг в стране функционирует довольно успешно. В Швеции гораздо больше детских садов, в школах на одного учителя приходится меньше учеников, чем в других странах, а здравоохранение во многих отношениях остается лучшим в мире, о чем свидетельствуют наименьшая детская смертность и самая высокая продолжительность жизни по сравнению со странами ЕЭС. Но для шведских избирателей эти доводы лишены смысла: они на себе ощущают, что обслуживание становится хуже.

В прошлом опросы общественного мнения показывали, что население оказывает широкую поддержку системе государственного обеспечения. Большинство шведов считало, что высокие налоги – справедливая цена, которую нужно платить за услуги и выгоды социального обеспечения. Это может навести на мысль, что если высоким государственным расходам будут соответствовать высокие налоговые ставки, то проблем не будет. Швеции до сих пор не приходилось испытывать взрывов возмущения средних слоев, как это случалось в других странах, потому что уровень коммунального обслуживания был высоким, а различия в чистых доходах незначительными. Но в последнее время с ухудшением качества услуг, ростом доходов и имущественным расслоением настроения начинают меняться.

Программа социал-демократов на 90-е гг. недвусмысленно отвергает приватизацию. Но среди всего прочего предлагается разграничить ответственность за производство и за финансирование. Например, правительство могло бы финансировать не сами больницы, а местные органы управления, чтобы те, учитывая качество медицинского обслуживания, распределяли деньги среди конкурирующих клиник. Такая мера будет способствовать повышению качества обслуживания и сокращению государственных расходов.

А.Линдбек, возглавляющий кафедру мировой экономики Стокгольмского университета, отвергает эту идею, которая, по его мнению, похожа на гласность без перестройки. Конкуренция между бюрократами, говорит он, – это уже не конкуренция. Единственный эффективный способ повысить качество услуг – дать свободный выход на рынок услуг с неизбежной конкуренцией со стороны частного сектора. Будет ли и впредь старая гвардия «консерваторов» в социал-демократической партии блокировать подобные идеи? Возможно. Время, правда, уже не то. Три года назад радикальная налоговая реформа и отмена контроля над валютой казались немыслимыми. Однако любое правительство, которое попытается провести реформу государственного сектора, обречет себя на нелегкую борьбу: не менее 55% избирателей находятся в финансовой зависимости от государственного сектора – и рабочие, и пенсионеры, и безработные, живущие на пособие.

Высокие расходы на социальное обеспечение – это только одна сторона проблемы. Есть и другая: щедрые социальные выплаты убивают всякий стимул к работе. Для страны типична картина, когда в любой из рабочих дней каждый четвертый работник отсутствует на рабочем месте. Около 10% работников больны, а 15% остаются дома с детьми, находятся в учебном или очередном отпуске, либо просто не выходят на работу по одной из тысячи причин, дающих им право на невыход. Ничего удивительного, что нехватка рабочей силы в Швеции носит характер эпидемии.

За последние 50 лет численность рабочей силы в Швеции выросла на 30%, однако общее количество отработанных часов упало на 15%. В Швеции рабочая неделя составляла 40 часов, то есть 1800 рабочих часов в год, – одна из самых больших норм рабочего времени в мире, – однако фактически шведы работают всего только 1482 часа в год, то есть меньше, чем в любой другой стране ОЭСР. Отчасти это объясняется высокой степенью участия в общественном труде: около 82% шведов трудоспособного возраста работает, тогда как в ФРГ и Франции – 60%, а в Великобритании – 70%. Работает и 86% женщин с малолетними детьми, тогда как в Великобритании – всего

28%. Многие из них работают неполный рабочий день или же вынуждены не выходить на работу из-за ухода за ребенком, то есть среднее число отработанных часов у них еще меньше.

Нильс Лундгрэн, главный экономист РКbanken, второго по величине банка Швеции, предлагает иначе посмотреть на эти цифры: женщины, которые в других странах могут отсутствовать на работе 100% рабочего времени, в Швеции отсутствуют, скажем, 50%. Если общее количество фактически отработанного рабочего времени в Швеции разделить не на общее число работников, а на число людей в возрасте от 16 до 64 лет, то окажется, что в среднем шведы работают больше, чем их французские, западногерманские или английские собратья.

Хотя так называемая «лень» шведов, может быть, отчасти объясняется более высоким процентом участия населения в общественном труде, невыходы на работу поощряются еще и щедрой системой льгот социального обеспечения и правилами для получения родителями отпусков по уходу за детьми, а также учебных отпусков. Ни одна другая страна не относится так благосклонно к работающим родителям, как Швеция. Отец и мать могут по-своему распределить между собой 15-месячный отпуск, на который они имеют право, когда у них рождается ребенок. Первые 12 месяцев оплачиваются системой социального страхования из расчета 90% средней заработной платы, а остальные три месяца — по единой ставке. Родители также имеют право на 60 дней оплачиваемого отпуска в год по уходу за больным ребенком младше 12 лет.

Если заболевает сам работник, то с первого дня болезни за ним полностью сохраняется средняя заработная плата. На первую неделю болезни справка от врача не требуется, и нет ограничений на количество дней в году, которые могут быть оплачены по болезни. На самом деле благодаря системе выплат по болезни сменные рабочие могут порой иметь более высокий чистый доход, оставаясь дома. Поэтому нет ничего странного в том, что шведские рабочие, которые и с виду здоровее рабочих в других странах, и живут в среднем дольше, считают себя самыми больными.

В 1983 г. шведский рабочий не выходил на работу по болезни в среднем 18 дней, а в 1988 г. — уже 26. Средний рабочий в машиностроении болел 29 дней, намного больше своих коллег в любой другой стране, в частности, значительно больше, чем в Великобритании (11 дней) и Западной Германии (18 дней). Такое положение дел не только обходится правительству в копейку за счет выплат пособий по болезни, но и нарушается нормальный ход производства. Наниматель никогда точно не знает, сколько рабочих выйдет сегодня на работу, и нанимает больше людей, чем нужно. Невыходы на работу — фактор, о котором непременно упоминает шведский бизнесмен, переводящий свое предприятие за границу.

Шведская система пособий по болезни намного больше подвержена злоупотреблениям, чем в других странах. Нет не только ограничений на общее количество дней, оплачиваемых по болезни, но и прямого контроля со стороны работодателя: пособия выдаются не самой фирмой, как в Америке, а системой социального страхования. С заявлениями о выплате пособия рабочие обращаются в безымянные конторы социального страхования, причем нередко им достаточно просто набрать номер телефона и сообщить о своем требовании автоответчику. По результатам одного исследования оказалось, что 10% рабочих, обратившихся за получением пособий, на самом деле продолжали работать на основной или дополнительной работе. Из-за больших трудностей, которые испытывает шведский рынок рабочей силы, можно не бояться потерять место, если даже регулярно отлынивать от работы.

Для борьбы с прогулами и уменьшения дефицита рабочих рук правительство социал-демократов планировало возложить ответственность за выплату пособий за первые две недели болезни на нанимателей. Тогда фирмы были

бы заинтересованы в контроле за выдачей пособий, да и рабочие, наверное, не стали бы обманывать свою фирму так, как они обманывают государство. В эксперименте, поставленном объединением предпринимателей, прогулы сократились на четверть, когда фирмы сами стали выдавать пособия по болезням.

«Больные» каким-то чудом выздоровели.

Быть или не быть новым промышленным гигантам?

Швеция обладает непропорционально большим для своей маленькой экономики числом крупных преуспевающих компаний, — больше, чем Италия, Испания и Голландия. Многие шведские фирмы, например, «Electrolux» (бытовые электроприборы) и SKF (шарикоподшипники), являются мировыми лидерами в производстве изделий своего ассортимента. И все же слишком многие из них сосредоточены в традиционных отраслях промышленности, таких как производство стали, целлюлозы и бумаги, тяжелое машиностроение. Швеция слишком медлит с переходом к современным отраслям промышленности.

Большинство промышленных гигантов Швеции возникло еще в конце прошлого века и держалось на изобилии природных ресурсов страны, таких как древесина и железная руда, и на шведских открытиях, вроде саморегулирующихся подшипников и молочного сепаратора («Alfa Laval»). Хотя новые отрасли промышленности, например, фармацевтическая и биотехнология, развивались в течение последних лет довольно успешно, на долю изделий новейшей технологии по-прежнему приходится малая доля от общего объема производства.

Доля изделий новейшей технологии в общем объеме шведского экспорта составляет только две трети от такого же среднего показателя для промышленно развитых стран. Проблема вроде бы не в недостатке научных исследований и опытных разработок: на них приходится примерно 3% валового внутреннего продукта — один из самых высоких показателей в ОЭСР. Возможно, дело частично в том, что крупные многонациональные компании базируют научные исследования и опытные разработки в Швеции, в то время как огромную долю своей продукции выпускают за рубежом. Но в целом шведские исследования малоэффективны в деле производства и экспорта новых товаров.

Следует, правда, иметь в виду устаревший метод классификации промышленности. Руне Андерссон, президент «Trelleborg», одной из самых быстрорастущих компаний Швеции, считает, что хотя телефон и является изделием новейшей технологии, сборка его требует относительно неквалифицированного труда. Наоборот, производство бумаги, традиционно считающейся простым продуктом, нуждается в самых последних достижениях технологии. Швеция успешно использует передовую технологию производства в так называемых традиционных отраслях. Шведские фирмы — в числе ведущих по использованию компьютеров в проектировании и на производстве; по количеству роботов на одного рабочего Швеция занимает второе место в мире после Японии. Эта высокая степень автоматизации позволила шведской доле промышленных изделий на мировом рынке вырасти к 80 гг. на одну пятую.

Сила шведского предпринимательства — в опыте международного маркетинга и управления большими компаниями. «Electrolux», например, называют лучшей школой предпринимательства в Европе. Так как шведские фирмы быстро переросли маленький внутренний рынок, они стали смотреть на весь мир как на своего клиента и гибко реагировать на вкусы разных стран. Около 80–90% сбыта больших фирм приходится на границу, растет их производство вне пределов страны, где находится более половины рабочей силы 20 ведущих фирм. «Electrolux», например, в течение последних 15 лет стал мировым лидером по выпуску электробытовых приборов.

В то время, как большой бизнес процветает, маленькие компании, похоже, возникают в Швеции с трудом. Возможно, основная причина гибели маленьких фирм кроется в том, что против них действует налоговая система. Старая ставка налога с доходов корпорации (57% в прошлом году) была по международным стандартам высокой, но щедрые скидки на инвестиции и на процентные уплаты урезали фактическую налоговую ставку для большинства крупных фирм до 20%. Беда в том, что прибыль маленьких фирм оказывалась недостаточно высокой, чтобы можно было в полной мере воспользоваться льготами, поэтому, вклады в большие компании, относительно вкладов в маленькие, были фактически субсидированы. Гигантские фирмы легко разрастались, а младенцам трудно было хотя бы встать на ноги.

Но что еще хуже, в то время как шведская модель, ни перед чем не отставая, пытается сделать рынок труда мобильным, налоговая система препятствует перераспределению капитала между секторами. Нераспределенная прибыль облагается налогом значительно меньше, чем распределенная, из-за «резервов на инвестиции», которые позволяют фирмам избежать уплаты налогов откладыванием денег на будущие инвестиции. В сочетании с налогами на доходы от прироста капитала, которые ниже, чем на дивиденды, это приводит к тому, что капитал замыкается в больших фирмах.

Новые предприятия столкнулись с трудностями в финансировании. Высокие ставки подоходного налога и нерасположенность шведов к риску (воспитанная социальным страхованием общества всеобщего благосостояния, охватывающим всю жизнь от колыбели до могилы) никак не содействуют открытию фирм с рискованным вложением капитала: зачем рисковать за столь малое вознаграждение?

Запланированные реформы, призванные сократить налоговые ставки и ликвидировать инвестиционные резервы имели бы своим результатом лучшее распределение капитала и облегчили бы учреждение новых компаний. Но налоговая система не единственный барьер на пути передвижения капитала.

В 1988 г. парламентская комиссия изучила процесс концентрации собственности на акции в приблизительно 100 крупнейших зарегистрированных компаниях. Процент акций, находящихся в руках одного крупнейшего владельца в каждой компании вырос, в среднем, с 20% в 1978 г. до 29% в 1985. Как ни парадоксально, численность индивидуальных собственников акций одновременно возросла с 14% всего взрослого населения до примерно 50% — самая высокая доля из всех промышленно развитых стран. Но это преимущественно мелкие владельцы акций.

Более того, большинство шведских компаний выпускает акции с правом на два голоса, поэтому полномочия по голосованию еще более концентрированы, чем собственность на акции. Средняя доля акций основного владельца, дающих право голоса, в 100 крупнейших компаниях выросла в течение 7 лет с 34 до 47%, а почти в половине компаний крупнейший владелец акций контролирует теперь большинство голосов.

Горстка инвесторов контролирует сейчас большую часть шведского бизнеса. Самым могущественным является семейство Валленбергов, которое прямо или косвенно контролирует бизнес, на долю которого приходится более трети стоимостей стокегольмской биржи, в том числе «Ericsson», «Electrolux» и «Stora».

Много споров вызывает иностранная собственность в шведских компаниях. Наряду с акциями с правом на два голоса, компании выпускают также свободные и ограниченные акции. Иностранцам позволяют приобретать только свободные акции, как правило, обладающие меньшими правами при участии в голосовании. По закону, свободные акции не должны превышать 40% акционерного капитала или 20% акций, дающих право голоса. Кроме того, иностранный инвестор, желающий приобрести более 10% акций какой-либо

компании, должен обратиться к правительству за соответствующим разрешением.

В последнее время рассматривается возможность ослабления правил, касающихся иностранной собственности. Но вряд ли здесь можно ожидать больших результатов. В конечном итоге, если Швеция желает сблизиться с внутренним европейским рынком, она будет вынуждена снять свои защитные барьеры, так же как это делается в ЕЭС. Открытие границ послужит интересам самой Швеции.

Если шведы такие мастера в управлении большими компаниями, то почему они так боятся потери контроля над ними? Говорят, что они хотят, чтобы шведские фирмы оставались шведскими. И они в чем-то правы, хотя, может быть, не в том, в чем они сами полагают: те компании, которые в настоящее время думают о переводе за границу части своих операций, чтобы избежать более высоких затрат на рабочую силу и энергию, решились бы на это гораздо быстрее, если бы их владельцы жили вне Швеции. Это основание для правительственной политики контроля над расходами, но не для того, чтобы и в дальнейшем оставлять двери Швеции закрытыми для иностранцев.

Поворот назад

Шведы были в числе первых в мире «зеленых». Уже в течение многих лет они преданно защищают окружающую среду. Это, однако, не может стать оправданием беспорядочной энергетической политики, которая, пытаясь спасти среду и защитить народ, грозит закрытием ряда крупнейших отраслей промышленности.

Шведский парламент принял три решения, которые несовместимы друг с другом. Первое предусматривает закрытие всех 12 атомных электростанций к 2010 г. (первых двух уже в 1995 и 1996 гг.). Это создаст большую дыру в снабжении страны энергией. По производству на АЭС электроэнергии на душу населения Швеция занимает первое место в мире. На АЭС приходится половина потребляемой электроэнергии. По иронии судьбы производство электроэнергии на АЭС было в свое время увеличено с целью сокращения зависимости страны от импорта нефти. Электростанции, работающие на нефти, используются сегодня исключительно в периоды пиковых нагрузок.

Другая половина электроэнергии производится гидроэлектростанциями. В принципе производство здесь может быть расширено для ликвидации бреши в случае закрытия атомных электростанций, но в целях защиты окружающей среды социал-демократическое правительство приняло другое решение, запрещающее использование нетронутых рек севера Швеции. В качестве альтернативного источника энергии остались бы тогда нефть, газ и уголь, если бы не третье решение правительства: ограничить загрязнение атмосферы углекислотой уровнем 1988 г.

Трудно представить себе, каким образом можно эти нескоординированные решения примирить с обещанием социал-демократов не позволить, чтобы отказ от ядерной энергии ослабил конкурентоспособность шведской промышленности. По всей видимости придется поступиться какими-то решениями парламента.

Январская перестановка в кабинете министров стала сигналом отхода от плана раннего закрытия реакторов. Ответственность за энергию была снята с Министерства окружающей среды и возложена на Министерство промышленности, возглавляемое Руне Молином, высказывавшимся ранее против закрытия реакторов, если это повредит занятости. Но отмена парламентского решения – трудное дело. Проблема атомной энергии уже стала причиной падения двух правительств. Именно из-за нее социал-демократы вначале проиграли выборы в 1976 г., а в 1978 они смогли лишь войти в коалицию с несоциалистическими партиями. Единственная партия, открыто выступающая сегодня в защиту атомной энергии – это партия умеренных.

Ровно десять лет спустя, после референдума по атомной энергии, в Швеции по-прежнему нет заслуживающей доверия энергетической политики, способной ликвидировать потенциальный прорыв. Ни один из напрашивающихся вариантов – большая экономия энергии и переход к альтернативным источникам – не способен полностью решить проблему. Хотя Швеция по нормам расхода электроэнергии на душу населения занимает одно из первых мест в мире, это свидетельствует больше о ее неблагоприятном климате и структуре промышленности, нежели о нерациональном использовании энергии. Для новейшей технологии, используемой в производстве целлюлозы и бумаги, например, характерно повышенное потребление энергии. А что касается отопления, то по экономии энергии в этой области Швеция опережает другие страны, ее показатели теплоизоляции зданий гораздо выше.

Могут ли солнечная энергия и ветряные мельницы заменить атомные электростанции? Едва ли. Зимой в Швеции мало солнца, а для замены одного реактора потребуется 10000 ветряных мельниц мощностью в 200 киловатт. Можно было бы построить несколько электростанций на природном газе при условии сокращения выбросов углекислоты от других источников, например, автомашин. Но капитальные расходы на введение любых новых энергетических мощностей окажутся высокими.

Если правительство в ближайшее время не предложит стране удовлетворительной энергетической программы, то придется считаться с угрозой многих фирм перевести некоторые свои операции за границу. Неопределенность эта уже сейчас тормозит рост производства в Швеции. Металлургическое объединение «Gränges», например, планирует строительство нового плавильного завода не в Швеции, а в Исландии.

По предварительным оценкам чистая стоимость закрытия двух реакторов в 1995–96 гг. составит, возможно, 30 миллиардов шведских крон (48 миллиардов долларов). Может быть, существует более эффективный в смысле затрат способ защиты шведов и их окружающей среды? Швеция обладает одними из самых надежных ядерных реакторов в мире.

Нильс Линдгрэн, представитель «РКbanken», замечает, что в Швеции больше людей погибает от экономии энергии, чем могут когда-либо погибнуть от производства атомной энергии.

Европейские заботы

Более половины шведского экспорта приходится на ЕЭС, поэтому неудивительно, что третьей большой заботой руководителей шведского бизнеса (наряду с высокими затратами на рабочую силу и на энергию) являются отношения страны с ЕЭС после окончательного оформления общего рынка в 1992 г. Правительство дало ясно понять, что оно в ближайшем будущем не будет стремиться к полному членству в ЕЭС, так как это несовместимо с нейтралитетом страны в вопросах международной политики и обороны. С другой стороны, правительство стремилось к максимальному сближению с Сообществом в других областях. Согласованием существующих правил и процедур и допущением конкуренции в свою экономику оно надеялось добиться для шведских компаний равных условий на внутреннем рынке. Предприниматели, однако, боятся остаться за бором.

Швеция, подобно другим странам Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), уже осуществляет бесполошленную торговлю промышленными товарами с ЕЭС. На встрече министров в декабре прошлого года было решено приступить к обсуждению условий создания общего для ЕЭС и ЕАСТ «экономического пространства», которое допустило бы максимально свободное перемещение товаров и услуг (исключая сельскохозяйственные), капитала и рабочей силы и позволило бы принять единую политику в таких областях, как конкуренция.

Верить в возможность получения Швецией всех выгод единого рынка, не будучи его членом, значит предаваться бесплодным иллюзиям. При теперешней стратегии интеграции в ЕЭС Швеция должна будет считаться с его обязанностями и правилами, не имея при этом реального права на участие в их выработке. Уровень ежегодного роста производства Швеции будет на 1,5% выше, если она будет пользоваться равными с другими странами Сообщества правами, и если она поэтому пойдет также на полную либерализацию своей экономики. А частичная интеграция даст только частичные выгоды. Многие крупнейшие конкуренты шведских фирм базируются в ЕЭС. После 1992 г., если Швеция не станет полным членом Сообщества, ее промышленность окажется в ущемленном положении.

Однако, например, «Ericsson», телекоммуникационный гигант Швеции, не испытывает особых тревог в ожидании 1992 г. Из-за ограниченности внутреннего рынка «Ericsson» оказалась одной из нескольких крупных фирм в своей области, никогда не возлагавшей больших надежд на протекционистские барьеры. Она была вынуждена выйти за пределы внутреннего рынка и участвовать во внешней конкурентной борьбе. Сегодня фирма выпускает свою продукцию в 32 странах, в том числе в 9 странах ЕЭС, где базируется треть ее работников.

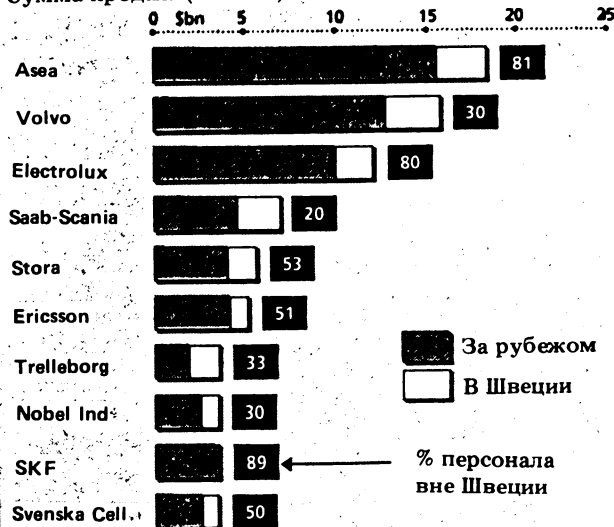
Крупные многонациональные фирмы Швеции могут оказаться для деятельности в Сообществе в более выгодном положении, нежели многие фирмы ЕЭС, потому что они уже сейчас обладают широкой сетью сбыта. Но маленькие фирмы, экспортирующие свою продукцию в страны ЕЭС, могут столкнуться с дискриминацией.

Промышленные гиганты Швеции делают вклады за границей по крайней мере в течение полувека, но в последние годы Европа буквально стала свидетелем нового нашествия викингов: шведские фирмы стремятся обезопасить свои рынки. Прямые вклады Швеции в страны Сообщества поднялись приблизительно до 30 миллиардов шведских крон, тогда как в 1984–86 гг. они составляли только 5 миллиардов; прямые вклады иностранцев в Швецию остаются маленькими. За последние несколько лет «Volvo» купила британское объединение «Leyland Bus» и стала крупнейшим производителем автобусов в Европе. «Svenska Cellulosa», целлюлозно-бумажное объединение, приобрело французскую фирму «Peaoudouse» и теперь поставляет на европейский рынок четверть общего количества подгузников и других гигиенических изделий. «ASEA», напротив, решила укрепить свою позицию посредством слияния с партнером, не входящим в ЕЭС, со швейцарской фирмой «Brown Boveri» и образовать единую компанию «ABB», крупнейшее в мире электротехническое объединение.

В последнее время многие фирмы предпочитают вкладывать капитал не дома, а за границей. Таким образом, многонациональные компании Швеции последовательно наращивают свою долю рынка, хотя доля Швеции в миро-

10 крупнейших шведских компаний

Сумма продаж (1988 г.)

вом экспорте постоянно падает. В прошлом прямые вклады за границу считались большим положительным фактором для экономики Швеции, так как от этого компании укреплялись и увеличивали свои доходы. Но в течение прошлого года все чаще можно было услышать, что шведские фирмы покидают тонущий корабль, чтобы избежать растущих затрат на рабочую силу, дефицита квалифицированного труда и более высоких расходов на энергию, а также в результате опасений насчет ЕЭС. Несколько фирм, например, «Ikea» и «Tetra Pak» перевели за границу свое главное правление, в основном из налоговых соображений. Когда их примеру последуют другие? Уменьшение инвестиций в Швеции приведет к снижению темпов роста экономики, а значит, в скором будущем и к снижению уровня жизни.

Политический нейтралитет не помешал Австрии подать заявление о приеме в ЕЭС в качестве полноправного члена. В самом деле, после перемен в Восточной Европе и потепления в отношениях между Америкой и Советским Союзом неясно, какой смысл будет вкладываться в будущем в понятие нейтралитета.

Однако членство в ЕЭС не может стать универсальным средством от всех зол, лежащих в основе шведской экономики. Если Швеция вступит в Сообщество, то ее фирмы будут перемещать свое производство в зависимости от относительных расходов, то есть в более «дешевые» страны Европы. Если затраты на рабочую силу и энергию будут и дальше расти быстрее, чем за границей, то промышленная база страны зачахнет, независимо от членства ее в ЕЭС. Подобным образом, хотя доступ европейских рабочих к шведскому рынку труда может облегчить дефицит рабочей силы, он одновременно усилит необходимость в понижении налогов и расширении дифференциации в оплате труда с целью удержания квалифицированных рабочих в Швеции. Некоторые фирмы, испытывающие трудности в найме специалистов, уже перевели за границу ряд своих подразделений, такие как отделы научных исследований и опытных разработок.

Другими словами, проблема Швеции сводится не к тому, вступит она в ЕЭС или нет, а к тому, как далеко она готова пойти по пути приведения своей экономики в соответствие с экономикой стран Сообщества. Сможет ли шведское государство всеобщего благосостояния с его приверженностью к полной занятости устоять перед лицом более глубокой интеграции? По мере того, как капитал и рабочая сила приобретают все большую мобильность в Европе, Швеция не будет впредь в состоянии проводить свою традиционную политику, невзирая на остальной мир: она не сможет позволить себе более высокие налоги (а значит и более щедрое пособие по социальному обеспечению), более узкую дифференциацию в оплате труда и более высокую инфляцию.

Это и есть самая серьезная причина, которая должна будет заставить шведскую модель привести себя в соответствие с требованиями 90-х гг. Эта модель сослужила стране в прошлом хорошую службу, а некоторые ее черты, как, например, политика на рынке труда, направленная на сокращение долгосрочной безработицы, и ныне вызывают восхищение, являясь хорошим уроком для остальной Европы. Но в других областях, по мере становления единого общеевропейского внутреннего рынка, для самостоятельной политики Швеции остается все меньше и меньше места. Если только Швеция не хочет вновь скрыться в своей скорлупе, изолирующей ее от преимуществ внутреннего европейского рынка, она должна идти по пути перемен. ●

ВОКРУГ "РУССКОЙ ИДЕИ"

В Советском Союзе идет процесс реабилитации деятелей так называемого религиозно-культурного ренессанса начала XX века, так сказать "ренессанс ренессанса". Это благое дело, коли мы имеем в виду необходимость восстановления "связи времен", разорванной культурным провалом, который вызвала большевистская революция. Тем не менее наследие классиков нашего ренессанса требует к себе критического отношения: нельзя смотреть на него как на склад неких вечных истин, с годами, как старое вино, только увеличивающих свою ценность. Культурный ренессанс был по-своему "смутным временем", сознание его деятелей отличалось спутанностью и двойственностью, нередко провокативными: в Бердяеве, к примеру, можно видеть "мистического большевика" с не меньшим основанием, чем в Николае Федорове. Трудно, а пожалуй что и невозможно, искать в духовном наследии русского ренессанса некую спасающую альтернативу. Похоже, однако, что эта отрезвляющая мысль еще не вошла в советское сознание за шумом и эйфорией упомянутой "реабилитации". Предлагаемые заметки — попытка внести необходимую, как кажется, ноту отрезвления. К сожалению, подобные попытки можно легко продолжить.

1. Обратная перспектива: Новое Средневековье

"Обратная перспектива" и "Новое средневековье" — это названия работ двух замечательных русских религиозных философов, отца Павла Флоренского и Николая Бердяева. Обе они были созданы приблизительно в одно время — в начале двадцатых годов, в эпоху глубочайшего культурного кризиса европейского человечества, кризиса, определявшегося двумя колоссальными событиями: мировой войной и русской революцией. Во внешнем текстуальном плане только работу Бердяева можно считать прямо и непосредственно относящейся к анализу общих мировоззренческих вопросов, поднятых упомянутыми событиями; трактат же о. Павла Флоренского внешне предстает как эстетический — история и теория принципа перспективы в живописи. Но и у Флоренского в глубине его построения присутствует тот же, что у Бердяева, мотив: необходимость переориентации самых основ европейского сознания в свете обозначившегося кризиса. Этот кризис, по Флоренскому, должен покончить с многовековым господством ренессансной модели мира, углубленной и теоретически обоснованной в новой европейской философии, особенно у Канта. Модель эта в двух словах — иллюзионизм и субъективизм господствовавшего в указанном временном промежутке мировоззрения. Перспектива в новоевропейской живописи — не более чем художественный эквивалент данного мировоззрения. Павел Флоренский подвергает тщательнейшему анализу принцип перспективы прежде всего для того, чтобы доказать относительность данного метода построения живописного пространства, отрицает его универсальность и, так сказать, естественность. Перспектива — не естественная реакция человеческого глаза, а результат определенной дрессировки; никакого "реализма" она, перспектива, не дает и не воспроизводит. Перспективы не было ни в египетском, ни в вавилонском искусстве, ни в архаической Греции; не было ее и в средневековом искусстве, в частности, в иконописи. Работа Флоренского и начинается с анализа так называемой обратной перспективы в древнерусских иконах, когда эстетический эффект достигается не иллюзорным размещением предметов

в пространстве — уменьшением их по мере удаления от глаза на плоскости картины, а наоборот. Более того, отец Павел показывает, что и наиболее выдающиеся работы художников Ренессанса — которые и разработали принципы перспективы — сплошь и рядом их, эти принципы, нарушают. Вот пример "Страшного суда" Микеланджело: величина фигур возрастает по мере их повышения на фреске, тогда как, согласно закону перспективы, величина эта должна уменьшаться. Это пример обратной перспективы. За этим стоит определенная философия, нацеленная на подлинную реальность: чем дальше от нас фигура, скажем, Бога, тем она больше. Это свойство реального, метафизически-религиозного пространства — и в то же время реликт средневекового мировоззрения у Микеланджело. Итак, средневековое мировоззрение, как можно понять из этого примера, имело дело с подлинной реальностью, оно было бытийно, онтологически точно. Новое же мировоззрение, идущее от Ренессанса, центром моделирования мира делает человека и присущие ему иллюзорные формы мировосприятия. Этим центром делается неподвижный человеческий глаз, коли мы говорим о перспективной живописи, а в более широком философском развороте — импрессионистический каприз так называемого гносеологического субъекта (основное понятие философии Канта). Другими словами, Средневековье имело дело с сущностями, а Новое время — лишь с явлениями, с феноменами, с тем, как объективный мир, бытие преломляется в человеческом восприятии, — и это по необходимости субъективно-иллюзорное восприятие делается в Новом времени универсальным принципом моделирования бытия.

Вот несколько высказываний о. Павла Флоренского, выводящих проблему перспективы в живописи на широкий мировоззренческий простор:

Схема истории искусств и истории просвещения вообще, как известно, начиная с эпохи Возрождения и почти до наших дней, неизменно одна и та же, и притом чрезвычайно простая. В основе ее лежит непоколебимая вера в безусловную ценность, в окончательную завершенность и, так сказать, канонизированность, вознесенность почти в область метафизическую, буржуазной цивилизации второй половины XIX века, то есть кантовская, хотя бы и не прямо от Канта берущаяся, ориентировка... Сейчас не место устанавливать или даже разъяснять связь возрожденских сладких корней с кантовскими горькими плодами. Достаточно известно, что кантианство, по пафосу своему, есть именно углубленное гуманитарно-натуралистическое жизнепонимание Возрождения, а по охвату и глубине — самосознание того исторического фона, который называет себя "новым европейским Просвещением" и не без права кичился еще недавно своим фактическим господством. Но в новейшее время мы уже научаемся понимать мнимую окончательность этого Просвещения и узнали, как научно-философски, так и исторически, а в особенности художественно, что все те пугала, которыми нас отпугивали от Средневековья, выдуманы самими же историками, что в Средневековье течет полноводная и содержательная река истинной культуры, со своею наукой, со своим искусством, со своею государственностью, вообще со всем, что принадлежит культуре, но именно со своим, и притом примыкающим к истинной античности, и предпосылки, которые считаются непреложными в жизнепонимании Нового времени, тут, как в древности..., не только не считаются непреложными, а отвергаются, не по малой сознательности, а по существу устремления воли. Пафос нового человека — избавиться от всякой реальности, чтобы "хочу" законодательствовало вновь строящейся действительностью, фантазмагорической, хотя и заключенной в разграфленные клетки. Напротив, пафос античного человека, как и человека средневекового, — это приятие, благородное признание и утверждение всяческой реальности как блага, ибо бытие — благо, а благо — бытие; пафос средневекового человека — утверждение реальности в себе и вне себя, и потому — объективность. Субъективизму нового человека свойственен иллюзионизм; напротив, нет ничего столь далекого от намерений и мыслей человека средневекового (а корни его в античности), как творчество подобию и жизнь среди подобию.

И далее, в конце работы "Обратная перспектива", Флоренский вновь обращается к художественным символам Нового времени для итоговой формулировки связи типа художественной культуры с общим стилем мировоззрения:

Художественные символы должны быть здесь перспективными потому, что это есть такой способ объединить все представления о мире, при котором мир понимается как единая, нерасторжимая и непроницаемая сеть канто-евклидовских отношений, имеющих средоточие в "я" созерцателя мира, но так, чтобы это "я" было само бездейственным и зеркальным, неким мнимым фокусом мира, иными словами, перспективность есть прием, с необходимостью вытекающий из такого мировоззрения, в котором истинною основою полуреальных вещей-представлений признается некоторая субъективность, сама лишенная реальности.

Здесь я как человек, в свое время державший в руках Канта, дерзну сделать одно замечание критического порядка в отношении трактовки кантианства Павлом Флоренским. Кантово "я" — так называемый гносеологический субъект, строящий мир согласно собственным априорным схемам чувственности и рассудка, — отнюдь не является зеркальным и бездейственным, наоборот, он всячески активен. И те опасности возрожденческого и нововременного мировоззрения, о которых говорил Флоренский, вытекают как раз из некой узурпаторской претензии этого самого "я", из повышенной его активности. Из этого центрирования бытия в действительности полагающего мир "я" и вырос волюнтаристический активизм мировоззрения Нового времени и Просвещения. Экспансия чистого разума в объективное бытие — вот едва ли не самая точная формула этого мировоззрения. В свое время русский философ Владимир Эрн написал на шумевшую статью "От Канта к Круппу", где говорилось, что пушки Круппа — это "априори германского военно-политического опыта"; здесь была подчеркнута глубинная культурно-стилевая связь традиции немецкого философствования с реальностью германской агрессивности. Но этот активизм новоевропейский можно вести не только от немцев, не только от Канта, но и от Декарта, — это, повторяем, воздух Нового времени. С другой стороны, из этой культурной атмосферы можно вывести не только крупповские пушки, но и, скажем, Гулаг и вообще большевистскую практику, сделавшую из индустриальной цивилизации — то есть в конечном счете из того же человеческого активизма — некий единоспасующий миф. (Выразительнейшим пропагандистом этого мифа был у нас Максим Горький.)

Опасность такого активизма несомненна, и сам о. Павел Флоренский умело эту тенденцию зафиксировал на самом, казалось бы, невинном примере — судьбах перспективной живописи. Но тут поднимается другой вопрос: можно ли указанный активизм понимать исключительно как негативное явление? Нет ли и других, позитивных, сторон у этого стремления новоевропейского человека увидеть в себе самом центр бытия? Наконец, доказанная как будто отцом Павлом иллюзорность той же перспективы — полностью ли она, говоря его же словами, "меонична", то есть небытийственна? Интересно, что Флоренский в своей "Обратной перспективе" отказался обсуждать вопрос: наличествует ли перспективное видение в опыте — то есть, по Канту, априорно ли оно?

Послушаем, что говорит по этому поводу другой крупный русский философ, Алексей Федорович Лосев, в книге "Эстетика Возрождения". Здесь он в основном ссылается на разработки немецкого теоретика искусства Эрвина Панофского (Panofsky).

Достижение в области перспективы, напоминает Панофский, явилось лишь конкретным выражением того, что одновременно было достигнуто в области гносеологии и натурфилософии. Именно в это время совершился решительный и явный отход от аристотелевского мировоззрения и вместо представления о замкнутом Космосе, устроенном вокруг середины — Земли как абсолютного центра, возникло понятие о бесконечности, существующей не только как божественный праобраз, но и как эмпирически-природная реальность... Был достигнут переход психофизиологического пространства в математическое, иными словами: объективация субъективного... Поэтому, продолжает Панофский, историю перспективы можно с одинаковым правом рассматривать и как триумф дистанцирующего и объективирующего чувства действительности, как упрочение и систематизацию внешнего мира — и как расширение сферы "я"... Перспектива есть некий объективный порядок, но это порядок зритель-

ного феномена... Перспективное восприятие пространства, превращая сущность в явление, по-видимому, сводит божественное до простого содержания человеческого сознания; но зато и наоборот, оно расширяет человеческое сознание до вместительности божественного.

Казалось бы, в этих словах дана лишь иная формулировка мыслей Флоренского о смещении центра бытия в человеческое сознание как характеристике мировоззрения Нового времени. Тем не менее есть здесь один существенный нюанс: в трактовке Панофского—Лосева этот человеческий активизм воспринимается уже не как начало произвола и всяческой иллюзорности, но и как системообразующий и упорядочивающий бытие фактор, как элемент объективного творчества.

Теперь нам следует поговорить о социально-политических импликациях такого воззрения на мир.

Мы видели уже, что специфическая тема перспективы в живописи была поднята П.А.Флоренским как повод для разговора о кризисе — чтобы не сказать крахе — индивидуалистической и гуманистической культуры Нового времени. Тема Средневековья как некой значимой и ценной альтернативы этой культуре звучит уже в этой работе Флоренского. Но подробно и артикулированно эта тема разработана Николаем Бердяевым в небольшой книге, так и названной: "Новое Средневековье". Она вышла в Берлине в 1924 г. Известно, что именно с перевода этого сочинения на немецкий язык началась европейская слава Бердяева, хотя круг мыслей, развитых здесь и в другой, более ранней книге Бердяева "Философия неравенства", не получил дальнейшего развития в творчестве этого мыслителя. Это пример — и блистательный пример — провокативной публицистики Бердяева, в которой, по его собственным словам, он всегда был крайне реактивен, старался самоопределяться в отталкиваниях, а не притяжениях. В принципе тип мысли "Философии неравенства" и "Нового Средневековья" — не тот, что отвечает изначальной философской интуиции Бердяева. "Новое Средневековье", скажем сразу, — блестящая о ш и б к а Бердяева — и ошибка не только против истины, но и против собственного стиля философствования.

Итак, в 1924 г. Бердяев постулировал приход эпохи Нового Средневековья как закономерную и правомочную реакцию на предшествовавший период новой истории, закончившийся, как он считал, катастрофой Мировой войны и большевистской революции. Само слово "реакция", говорит Бердяев, нельзя здесь брать в узко оценочном плане, нельзя абстрактно противопоставлять это понятие понятию так называемого прогресса. Здесь скорее следует говорить о некоем естественном, бытийном ритме — смене дня и ночи. А ночь — более глубока, чем день, она заставляет ощутить корни бытия. Есть эпохи критические и органические, дневные и ночные, секулярные и сакральные. Ныне идет эпоха ночная, органическая и сакральная: Новое Средневековье. "Новым Средневековьем, — пишет Бердяев, — я называю ритмическую смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхрационализму средневекового типа". Вот еще одно, более развернутое высказывание Бердяева:

Старый мир, который рушится и к которому не должно быть возврата, и есть мир новой истории с его рационалистическим просвещением, с его индивидуализмом и гуманизмом, с его либерализмом и демократизмом, с его блестящими национальными монархиями и империалистической политикой, с его чудовищной индустриально-капиталистической системой хозяйствования, с его могущественной техникой и внешними завоеваниями и успехами, с безудержной и безграничной похотью жизни, с его безбожием и бездушием, с разъяренной борьбой классов и социализмом как увенчанием всего пути новой истории.

Следует обратить особое внимание на трактовку Бердяевым социализма в этом контексте. Социализм большевистского, то есть тоталитарного, типа есть, по

Бердяеву, указание на изжитость путей либерально-демократического и безрелигиозного прогресса. И это не столько желанный исход данного процесса и прогресса, сколько указание на какой-то необходимый вектор дальнейшего движения, — именно, на необходимость новой религиозной ориентации. Бердяев пишет об этом, поражая и заражая своей всегдашней суггестивностью:

Если нет Бога, то нет и человека — вот что опытно обнаруживает наше время. Обнажается и разоблачается природа социализма, выявляются его последние пределы, обнажается и разоблачается, что безрелигиозности, религиозной нейтральности не существует, что религии живого Бога противоположна лишь религия Дьявола, что религии Христа противоположна лишь религия Антихриста. Нейтральное гуманистическое царство, которое хотело устроиться в срединной сфере между небом и адом, разлагается, и обнаруживается верхняя и нижняя бездна... Чтобы понять смысл русской революции, мы должны перейти от астрономии Новой истории к астрологии Средневековья. Россия — в этом своеобразии ее судьбы — никогда не могла принять целиком гуманистической культуры Нового времени, его рационалистического сознания, его формальной логики и формального права, его религиозной нейтральности, его секулярной срединности. Россия никогда не выходила окончательно из Средневековья, из сакральной эпохи, и она как-то почти непосредственно перешла от остатков старого Средневековья, от старой теократии к Новому Средневековью, к новой сатанократии.

Здесь нужно остановиться и задуматься. У Бердяева получается, что облик Нового Средневековья как бы зримо явлен в большевизме. Это религиозная наполненность строя жизни, безразлично какая: позитивная или негативная; главное — сохранение, вернее, новое создание некоей религиозного порядка напряженности, — а это во всяком случае если не лучше, то перспективнее и значительнее безрелигиозного прогресса. При этом никакой прямой симпатии к большевизму Бердяев вроде бы не высказывает (это повторится позднее и в "Истоках и смысле русского коммунизма", и в "Русской идее": Бердяев не сочувствует коммунизму, но готов говорить о его метафизической и религиозной значительности). Но в общем здесь Бердяев сам подложил мину под собственное построение, да и в целом — под свою философию, отличавшуюся всегда повышенной этической заостренностью. Здесь же, в характеристике идущего или сущего уже Нового Средневековья, Бердяев принципиально уходит от оценок, то есть утрачивает — сознательно покидает — этическую позицию. Бердяеву явно не идет заигрывание со всякого рода "органичностью", потому что сам он по природе критичен.

И в дальнейшем разворачивании концепции Нового Средневековья Бердяев выделяет — как перспективные — те черты идущей эпохи, которые, окончательно актуализовавшись, заставили не просто пожалеть об изжитой якобы "новой истории", но и всячески последнюю предпочесть (этого выбора не избежал впоследствии и сам Бердяев). Но тогда, в 24-м году, Бердяев, в поисках некоей органичности, усиливается в новых тенденциях, противостоящих индивидуализму, атомизму и формальному легализму новой истории, видеть подлинно живой процесс, знаки бытийной наполненности, нового творческого содержания. И он еще раз — как в случае с русским большевизмом — попадает пальцем в небо: усматривает такое живое содержание — в итальянском фашизме:

Государства держатся не юридическими, а социально-биологическими основами... В фашизме спонтанные общественные соединения идут на смену старому государству и берут на себя организацию власти... Фашизм, единственное творческое явление в политической жизни современной Европы, есть в такой же мере Новое Средневековье, как и коммунизм. Фашизм глубоко противоположен принципу формального легитимизма, он не хочет его знать, он есть непосредственное обнаружение воли к жизни и воли к власти, обнаружение биологической силы, а не права. Падение законного принципа власти, правового принципа монархии и демократии и замена его принципом силы, жизненной энергии спонтанных общественных групп и соединений я

условно называю Новым Средневековьем. Фашизм не знает, во имя чего он действует, но он переходит уже от юридических форм к самой жизни.

Повторяю, речь идет не об этической оценке всех этих процессов — поскольку Бердяев принципиально отказывается от такого рода оценок; дело в том, что Бердяев здесь переоценил не этическое содержание, а самую жизненность и перспективность этих процессов. И то, что в книге "Новое Средневековье" правильно, относится лишь к фактам текущей жизни, тогдашней, начала двадцатых годов, политической реальности, — но неверно в установлении длительной перспективы. Идеалы и реальности либерально-демократического прогресса оказались не только этически предпочтительней, но и жизненно сильнее органических мифов. И сегодня американец Френсис Фукуяма пишет о "конце истории"¹, усматривая этот конец именно в том непреложном факте, что все существовавшие в двадцатом веке альтернативы либерально-демократической модели вынуждены признать свое банкротство — идут на выучку к экономике, технике, идеологии тех обществ, которые продолжали непрерывно развивать традицию Нового времени и Просвещения. Тут еще можно вспомнить недавно напечатанную в Советском Союзе старую книгу Х.Ортеги-и-Гассета "Восстание масс", где, в частности, приводилась любопытная статистика, свидетельствующая, что либеральная и промышленно-техническая цивилизация обеспечили прежде всего небывалое ускорение чисто количественного прироста населения в европейских странах. "Новое Средневековье" не удалось именно как некая "органическая" эпоха. Флоренский и Бердяев в разбираемых трудах дали поистине "обратную перспективу". А Бердяев вообще выступил как реакционер в самом что ни на есть узком политическом смысле. Причина такого, не побоюсь этого слова, скандального срыва — в попытках заподозрить главенство принципа автономности, самостояния человека, несводимости его к каким-либо надчеловеческим структурам, недооценка — особенно странная у Бердяева — возможностей свободного человеческого творчества.

У Бердяева в "Новом Средневековье" мелькают мысли, всплывающие сейчас у нынешних советских почвенников, например, у публициста Михаила Антонова: о том, что хозяйство в новом средневековье будет не секулярным, а сакральным, подчиненным не количественным критериям избытка, а элементарно необходимому минимуму, что будет преодолен буржуазный принцип материального излщства, что жизнь вновь станет суровой и простой, аскетичной. Ясно, что у Антонова такие мысли появляются не в связи с Бердяевым, а как собственная реакция на неудачу экономической практики большевистского социализма: если богатство не удалось, значит, его и не надо. Но ведь кому-то и где-то удалось. Критицизм Флоренского и Бердяева, в начале двадцатых годов разуверившихся в возможностях просветительской либеральной культуры, воспроизводится в провинциальной форме российского почвенничества. Нынешним почвенникам стоило бы задуматься о несбывшихся прогнозах людей, которые, конечно же, были не им чета.

2. Незамеченный гений: Лев Толстой

Парадоксально положение Льва Толстого в русской послереволюционной — то есть советской — культуре. Величайший русский классик, значение которого невозможно оспаривать никакому идеологическому режиму, в условиях многолетнего господства коммунистических догм оказался усеченным ровно наполовину. В Советском Союзе Льва Толстого совершенно не знают как религиозного мыслителя, его религиозно-философские сочинения ни разу не переиздавались в СССР. Единственное исключение — академическое девяностотомное издание полного собрания сочинений; но это издание давно уже стало библиографической редкостью, тираж его — пять тысяч экземпляров. В стандартные двадцатитомники Толстого, периоди-

¹ Статья Фр.Фукуямы опубликована в № 1(55) нашего журнала за этот год. — *Ред.*

чески переиздаваемые, включают только две его работы этого плана: "Исповедь" и "Так что же нам делать?"; из них для характеристики религиозной мысли Толстого имеет значение в основном лишь первая. Вне советского культурного оборота оказались такие работы, как "В чем моя вера", "О жизни" или, скажем, "Критика догматического богословия" (между прочим — четырехтомное сочинение). Оценка и восприятие толстовских религиозно-философских произведений осложняются еще двумя чрезвычайно важными обстоятельствами, выходящими уже за пределы судьбы Толстого в Советском Союзе. Это, во-первых, факт отлучения Толстого от православной церкви, имевший место в 1902 году, и, во-вторых, — неадекватное, решусь я сказать, отношение к религиозно-моральной проповеди Толстого со стороны деятелей замечательной эпохи русского религиозно-культурного ренессанса начала века. Несомненно, отлучение Толстого от церкви встретило отрицательную реакцию со стороны этих деятелей; но они все же не сумели и не смогли по-настоящему защитить Толстого именно потому, что в эти годы сами шли в церковь или по крайней мере — навстречу церкви. Это следует сказать о таких мыслителях, как Флоренский, Булгаков, Бердяев. В построениях этих и многих других мыслителей того времени делались попытки ориентировать философию вокруг истины православия — прежде всего церковной истины; а Лев Толстой, как известно, был противником и острым критиком идеи церковности как таковой. Цвет зарождавшейся русской религиозной мысли, таким образом, оказался оторванным от Толстого — и даже противопоставленным ему.

Приведем один пример такой противопоставленности, — речь идет о статье Николая Бердяева "Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Льва Толстого", написанной в 1911 году. Здесь, в частности, говорится следующее:

Мироощущение и мирознание Льва Толстого вполне нехристианское и дохристианское во все периоды его жизни... Можно сказать также, что Лев Толстой весь в Ветхом Завете, в язычестве, в отчей ипостаси. Религия Льва Толстого — не новое христианство, это — ветхозаветная, дохристианская религия, предшествующая христианскому откровению о личности, откровению второй, сыновней ипостаси. Толстому так чуждо самосознание личности, как могло быть чуждо лишь человеку дохристианской эпохи. Он не чувствует единственности и неповторяемости всякого лица и тайны вечной его судьбы... Нельзя назвать христианином того, кому была чужда и отвратительна сама идея искупления, сама нужда в Спасителе, то есть чужда и отвратительна была идея Христа. Такой вражды к идее искупления, такого бичевания ее, как безнравственной, не знал еще христианский мир. В Толстом ветхозаветная религия Закона восстала против новозаветной религии Благодати, против тайны искупления. Толстой хотел превратить христианство в религию правила, закона, моральной заповеди, то есть в религию ветхозаветную, дохристианскую, не ведающую благодати, в религию, не только не ведающую искупления, но и не жаждущую искупления, как жаждал его мир языческий в последние дни свои. Толстой говорит, что лучше было бы, если бы совсем не существовало христианства как религии искупления и спасения, что тогда легче было бы исполнить волю Отца. Все религии, по его мнению, лучше религии Христа — Сына Божьего, так как все они учат, как жить, дают закон, правило, заповедь; религия же спасения переносит все с человека на Спасителя и на мистику искупления. Толстой... считает безнравственным всякое обращение к спасителю, всякую помощь в исполнении воли Отца. Для него не существует Сына, существует только Отец... он весь в Ветхом Завете и не знает Нового.

Почти все особенности религии Толстого перечислены в этой бердяевской инвективе, — но оценка, в этих словах наличествующая, не может быть названа вполне адекватной или объективной. Трудно согласиться прежде всего с тем, что это — нехристианская религия. В толстовстве как религиозном учении мы встречаемся с той рецепцией христианства, которая характерна для одной из мировых конфессий христианства — именно, для протестантизма. Не признать этого нельзя, и сам Бердяев в другом месте своей статьи пишет о том парадоксе, что Толстой, этот русский барски-мужицкий гений, проповедовал чуждую русскому на-

роду англо-саксонскую религиозность. Под "англо-саксонской религиозностью" как раз и надо понимать протестантизм. И как раз для протестантизма характерны сильные ветхозаветные реминисценции, — это религия повышенного морализма, напряженного этического поиска, вдохновляемого идеей личного спасения, лично — степенного протестантизму свойственно растворение религии в морали; и эта же черта наличествует в религии Толстого. Но эта установка порождается секуляризацией и рационализацией христианства в протестантизме, протестантским стремлением строить религию в границах разума. Отсюда же исходит антицерковность протестантизма, знаменитый его лозунг "каждый сам себе пастырь", изживание церковного культа, знаменитых христианских таинств, преодоление супранатуралистических элементов в христианстве, в частности, идеи искупления грехов человечества — и моих собственных — Спасителем Иисусом Христом. Все это мы находим и у Льва Толстого. Поэтому смело можно сказать, что в религиозном поиске Толстого русское религиозное сознание вступило на путь протестантской ревизии христианства — то есть на тот путь, который прошли ряд наций Западной Европы и Северная Америка. Может быть даже следует сказать, что русское религиозное сознание, русская религиозная идея в лице Льва Толстого начали протестантскую эволюцию на русской почве. Это был крайне интересный и, может быть, обнадеживающий процесс, в котором создалась новая и самостоятельная религиозная личность. В словах Бердяева о том, что Толстой прививает русским людям чуждый им тип религиозного сознания, звучит нота пренебрежения к великой христианской конфессии протестантизма, объясняемая, вне всякого сомнения, тогдашними личными религиозными поисками Бердяева, его стремлением стать сыном православной церкви, — если угодно, и тогдашней интеллектуальной модой, которую сам же Бердяев — спроецировав ее на о. Павла Флоренского — назвал стилизацией православия.

И остается открытым вопрос, насколько чужд именно русскому сознанию протестантский уклон в христианстве. Но прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, приведем ряд высказываний самого Льва Толстого — из его книг "Исповедь", "В чем моя вера", из переписки Толстого.

Я готов был принять теперь всякую веру, только бы она не требовала от меня прямого отрицания разума, которое было бы ложью... Задача человека в жизни — спасти свою душу... Смысл этот был мне ясен и близок моему сердцу. Но с этим смыслом народной веры неразрывно связано... много такого, что отталкивало меня и представлялось необъяснимым: таинства, церковные службы, посты, поклонение мощам и иконам... Я желал всеми силами души быть в состоянии слиться с народом, исполняя обрядовую сторону его веры; но я не мог этого сделать... Разум, тот, который освещает нашу жизнь и заставляет нас изменять наши поступки, есть не иллюзия, и его-то уже никак нельзя отрицать. Следование разуму для достижения блага — в этом было всегда учение всех истинных учителей человечества, и в этом все учение Христа, и его-то, то есть разум, отрицать разумом уж никак нельзя... Никто не поможет, коли сами себе не поможем. А самим и помогать нечего. Только не ждать ничего ни с неба, ни с земли, а самим перестать губить себя... Все, что нужно для псевдохристианина, — это таинства. Но таинства не делает сам верующий, а над ним его производят другие... Мне очень хотелось бы помочь вам, — пишет Толстой одному из своих корреспондентов, — в том тяжелом и опасном положении, в котором вы находитесь. Я говорю про ваше желание загипнотизировать себя в церковную веру. Это очень опасно, потому что при такой гипнотизации утрачивается самое драгоценное, что есть в человеке, — его разум... О внутреннем своем совершенствовании нельзя молиться, потому что нам дано все то, что нужно для нашего совершенствования, и прибавлять к этому ничего не нужно и нельзя... Просить Бога и придумывать средства, как совершенствоваться, можно было бы только тогда, когда бы нам были поставлены какие-либо преграды для этого дела, и мы сами не имели бы для этого сил.

Комментируя эти и подобные высказывания Толстого, Бердяев пишет, что религия Толстого есть религия самоспасения, спасения естественными и человеческими силами, что Толстой отвергает идею откровения и искупления как бессмыслицу, — и добавляет: "Почти невероятно, что такой гениальный художник и гениальный человек, такая религиозная натура, был одержим таким грубым и элементарным рационализмом, таким бесом рассудочности". Повторю еще раз: в такого рода оценках сказывалась некая насильственность и несвобода собственных бердяевских религиозных поисков, в частности, нежелание вдуматься в типологию религиозного сознания, увидеть в исканиях Толстого некий значимый общечеловеческий смысл. Эту типологию и этот смысл сумел, однако, увидеть другой русский мыслитель того же времени — поэт и теоретический вождь символизма Вячеслав Иванов. Обратимся к его статье "Лев Толстой и культура", написанной в том же 1911 году.

Вяч. Иванов произносит слова, первостепенно важные для понимания Толстого, — он говорит о толстовском западничестве. В традиционной русской антитезе западничества и славянофильства Толстой ставится Ивановым на западнический полюс. Это кажется острейшим парадоксом, когда мы вспоминаем толстовское художественное творчество. Нет в русской культуре большего славянофила, чем Толстой-художник. Более того, явление Толстого как раз и доказывает, что славянофильство — не что иное, как русский художественный гений, русское художественное мифотворчество. Тут вспоминается Розанов, сказавший, что западники лучше, чем славянофилы, издадут, прокомментируют, преподадут "Войну и мир", — но они никогда не напишут "Войну и мир". Б.М.Эйхенбаум в одной из своих книг о Толстом доказал, что философия "Войны и мира" — типично славянофильская философия. Но тут и Эйхенбаума не нужно, не нужно и философии, чтобы увидеть в Толстом коренную русскость, возведенную в перл создания, — что и есть славянофильство. Почва, быт, деторождение, замаранные пеленки, Кутузов и Платон Каратаев противопоставляются истории, культуре, Наполеону. Это и есть славянофильство — органика бытия, превращенная в миф. Это же есть источник гениальности толстовского искусства; собственно, Толстой и доказал лучше и гениальнее, чем кто-либо, что искусство есть воспроизведение этой бытийной органики. И вот Толстого-славянофила Вячеслав Иванов именует западником. Тут, конечно, не толстовское искусство, а толстовское мышление имеется в виду, толстовский тип мысли. Параллель Иванов находит самую безукоризненную, но в общем-то бросающуюся в глаза: Сократ, сократическая идея тождественности разума и добра, рационалистическая этика. Человек зол, поскольку он неразумен, добро есть знание добра, зло проистекает от невежества, а не от наклонения воли. Это основная мысль толстовской — сократической по типу — этики. Но почему, собственно говоря, Сократа (и соответственно Льва Толстого) в этом контексте нужно считать западником? Вяч.Иванов пишет:

...Западничество Толстого — не воля к слиянию с Европой... Скорее в его лице наш народный гений протягивает руку Америке. В духовном учительстве Толстого есть черты англо-саксонского проповедничества. В широких просторах Америки, где свой человек такой утвердитель жизни и вместе обесцениватель старых ценностей, как Уитмен, — свой человек и отрицатель-обесцениватель Толстой: ему нужна девственная хлебобродная почва, открытая равно для всех, свободная от исторического предания и стародавней преемственной культуры... Но если это так, то надлежит рассматривать проблему значения Толстого как проблему культуры, а не стихии.

Развертывание этой мысли Вячеслава Иванова требует очень обширной цитаты. Постараюсь резюмировать ее своими словами. Иванов говорит о том, что в жизни культуры наступает момент, когда ее цветущая полнота приходит к концу, когда умирают старые мифы, но человек остается жив — и нуждается в новой мотивировке существования. Органическая система сменяется системой критической — осо-

знанной, рациональной. Это и есть, так сказать, "запад". Но это имеет место во всех культурах: стихийное творчество, неотличимое от бытия как такового, сменяется "критикой", рациональным осознанием места человека в мире — вне зависимости его от традиции, от той же бытийной стихии, в которой культура совпадала с жизнью как таковой. Бытие сужается — сужается в собственно "культуру". И здесь человеку нужно самоопределение. Это и есть, так сказать, сократический, западный в культуре момент. Иванов далее пишет:

Если не было более реального божества вне природного творческого инстинкта жизни..., нужно было искать божественного в нормативности разумного сознания, обожествить логические способности и извлечь из человеческого самоопределения объективные нормы нравственности. Нравственностью должно было заковать хаос покинутого богами бытия. Из голода по реальному знанию стал человек моралистом. Выбирать приходилось между богатством и безумием — или оскудением и разумом: Сократ выбрал бедность и разум.

И вот в этом сравнительном анализе Вячеслав Иванов нас подводит к пониманию сокровенной сути толстовского "западничества" — как культуры, противопоставленной стихии. Русская жизнь как органический миф в Толстом достигла некой крайней точки. Переполнилась, перелилась через край. Толстой знаменует одновременно высший предел русского органического цветения — и конец такового, переход к новому движению русской жизни. Его абсолютное величие заключается в том, что он был пунктом совпадения этих двух процессов: высшей точкой прежней эпохи и началом новой. Религия Толстого, сменившая его творчество, была не менее гениальной, чем его творчество: она была культурно, исторически, национально значимой, можно сказать — судьбоносной. В религии Толстого русская жизнь, русская культура вступала на новую ступень развития.

Религиозная мысль Толстого не была понята его современниками, лучшими из его современников, цветом тогдашней русской религиозной философии. Высшие русские умы в начале века искали примирения с церковью, жаждали вхождения в церковь. На этом движении были основаны знаменитые религиозно-философские чтения, собиравшие в начале века сливки русской интеллигенции. Толстовская антицерковность в этих обстоятельствах не могла не отталкивать. Мы видели уже, как реагировал на толстовские религиозные поиски Николай Бердяев. В русской философии того времени искался некий религиозно-культурный синтез, искалось культурное обоснование мистической церковной практики, церковного мистицизма. Была сделана впечатляющая попытка преодоления плоского позитивизма, отличавшего русскую передовую мысль, — попытка слияния русского освободительного движения с вечной истиной христианства. Дмитрий Мережковский был здесь очень значим, он, собственно, и выдвинул эту идею: о метафизическом родстве революции и христианства. Сильно критиковалась практика христианства в России, так называемое "историческое православие", но сама мистическая идея церкви страшно привлекала передовые умы. В этих условиях религиозная мысль Толстого не могла прозвучать, не могла найти отклик в культурном сознании. Отталкивала толстовская антицерковность, а в церкви хотели увидеть почву для национально-культурного слияния. За всеми этими попытками осталась неслышанной революция, произведенная Толстым в русском религиозном сознании, — протестантская революция, или, уж если прибегнуть к традиционным терминам, — реформация.

Мы уже говорили о чертах толстовского реформаторства, толстовского протестантизма: религия в пределах разума, отождествление религии с моралью, антимистицизм, антицерковность. Все это можно назвать иконоборчеством, — как, собственно, и говорилось всегда, когда заходила речь о религии Толстого. Но иконоборчество — очень широкий термин, он предполагает — иногда, а в толстовском случае уж непременно — вражду к существующей культуре. Он предполагает

так называемое опрощение. И вот эта черта в религиозно-моральной проповеди Толстого как раз и нашла весьма широкое распространение в России. Откликнулась на это интеллигенция, создавшая феномен так называемого "толстовства". Настоящие знатоки и ценители Толстого отнеслись к этому движению скептически, и правильно сделали. Подлинный посыл толстовства был обращен не к интеллигенции, а к народу, — он выводил народ из традиции, из церковности к свободному религиозному поиску, к самостоятельному переживанию религиозных и моральных истин. И этот призыв был по-настоящему услышан. Необходимо сказать следующее: толстовская проповедь создала новый тип русского человека, новый тип так называемого "простого человека".

Об этом уже есть весьма впечатляющая литература (назовем хотя бы книгу Марка Поповского "Русские мужики рассказывают... Последователи Л.Н.Толстого в Советском Союзе"). Самое интересное было в том, что толстовство в народном быту создало не только новый тип сознания, но и новый стиль жизни. Создался тип совершенно нового хозяйственного человека. Оказалось, что русский крестьянин, вдохновленный идеями толстовства, хозяйствует лучше, чем просто русский крестьянин. Так называемые толстовские коммуны были в двадцатых годах наиболее совершенной формой сельскохозяйственной деятельности. В идеологии крестьян-толстовцев присутствовала мысль о моральных стимулах к труду, о необходимости труда как пути к совершенной жизни. Труд был не просто средством к существованию, но приобрел моральные мотивировки. И что было самым важным в движении толстовцев-крестьян — это их отталкивание от традиционной религиозности, от церковной практики. Строго говоря, это были сектанты. Но этот опыт показал, что сектантство, религиозная оторванность от традиции и порождает новый тип русского человека, русского крестьянина. Это нужно непременно понять, — по крайней мере задуматься: не следует ли русского человека выбить из традиции для того, чтобы он смог успешно действовать? И в этом смысле не есть ли протестант Лев Толстой не только наше прошлое, но и наше будущее? Не есть ли русский крестьянин-протестант — наше будущее?

В книге Дм.Мережковского "Толстой и Достоевский" приводится один факт из книги Толстого "Так что же нам делать?" Эта книга — описание Толстым его опыта помощи бедным. У Толстого осталось тридцать четыре рубля из благотворительного фонда, и он не знал, кому эти деньги отдать: никто их не заслуживал, ни проститутки, ни профессиональные нищие. Мережковский говорит: дайте эти деньги Достоевскому, и он сразу же найдет, кому их отдать. И тот же Мережковский по этому поводу говорит: Толстой — это человек, к которому всегда, по определению, стекались деньги, богатство, достаток, что бы он ни делал, даже если опрощался, — а Достоевский был типом человека не приобретающего, а теряющего. Вот давайте и подумаем — кто сейчас важнее для России: Толстой или Достоевский? Человек приобретающий и учащий правильной жизни — или человек, склонный к некоему метафизическому мотовству? Но это сейчас действительно риторический вопрос. Остается проблема: проблема вхождения Льва Толстого в современную русскую жизнь во всей полноте его протестантского величия. ●

Евгений БАРАБАНОВ (Москва)

ДОМ ОБЩЕГО СИРОТСТВА

I.

В третий раз ступаю я на землю Федеративной Республики Германии и в третий раз переживаю нечто, похожее на шок.

Слишком разные, слишком непохожие миры: тот, в котором я прожил всю свою жизнь, – и этот. Возможно, именно мучительной несхожестью наших миров и предопределен мой сегодняшний подступ к теме «Искусство и общество».

Слова «искусство» и «общество» принадлежат в нашей стране к разряду тех высоких и почетных слов, которые никогда не теряли своего авторитета и притягательности. Притягательности – и одновременно неизбыточной, навязчивой двусмысленности. Ведь все мы, в том числе и художник, и то, что с необходимой долей оговорок можно назвать обществом, жили сразу в двух измерениях: *официальном*, где на действительность смотрели сквозь идеологические очки *должного*, и *неофициальном*, где действительность сама собой выступала в качестве критического корректора со стороны *сущестующего*. Каждое из этих измерений находилось с другим в непримиримом конфликте, споре, противоборстве.

Вспомним: еще совсем недавно художественное произведение поэта или писателя являлось основанием для его ареста, многолетнего пребывания в лагере, высылки из страны; еще совсем недавно против двух десятков живописцев, осмелившихся выставить свои картины на отдаленном пустыре, были двинуты бульдозеры, поливальные машины, силы тайной полиции; еще совсем недавно, после негласных запретов уже подготовленных спектаклей, концертов или отснятых фильмов, доведенные до отчаяния режиссеры, композиторы, исполнители вынуждены были эмигрировать из своей страны, не имея возможности хотя бы в нескольких словах объяснить причины принятых ими решений своим согражданам. Ведь те, кто средствами машинописного «Самиздата» пытались кристаллизовать общественное мнение, – сами платили за свою общественную или нравственную инициативу годами жесточайших преследований, тюрьмы, спецпсихобольниц либо – пожизненным, а затем и посмертным изгнанием.

Социально-политическая *перестройка* последних лет значительно изменила ситуацию. Возникли независимые от государства общественные движения и организации; художники и писатели обрели право выставлять и печатать вчера еще запрещенные произведения. Приоткрылся и железный занавес: выставки современного искусства, концерты новой музыки, переводы книг, большая доступность информации, общие культурные и исследовательские программы, наконец, частные поездки за границу – все это значительно изменило духовный климат Москвы.

И все-таки даже эти благотворные перемены неспособны погасить нарастающее чувство тревоги. Сегодня, после того как отошли в прошлое страсти, кипевшие вокруг борьбы между «официальным» и «неофициальным», обнажилось нечто куда более страшное: перед нашим взором предстал тот катастрофический обвал истории, под тяжестью которого – вместе с десятками миллионов человеческих жизней! – оказались погребенными не только общество, искусство, культура с их традициями и мечтами о будущем, но и все то, что могло сделать нас их полноправными наследниками: наше достоинство, наше бесстрашие, наша честь, наконец, наша идентичность.

И вот, после потрясения всех основ, – потрясения, чудовищная неправдоподобность которого ускользает от всех попыток опознать его подлинное существо, – мы, так и не привыкшие к своему сиротству, вновь и вновь возвращаемся к одним и тем же вопросам, в тщетном усилии восстановить распавшуюся связь времен: что же в

конце концов произошло? В чем смысл того трагического опыта, к которому мы все приобщены, но который упрямо не хотим признать собственным опытом, словно речь идет о других временах и других людях? Да и что это такое – наша историчность и наша общность? И что такое искусство и общество в условиях всеобщей болтливой немоты и беспамятства? Что остается от жизни, от культуры, искусства, общества, если мы не можем найти способа отличить бывшее от несбывшегося, реальность от ее имитаций? И где искать точку опоры, если разрушена основа основ – сама наша идентичность? И если наша надежда найти дорогу к собственному дому, к самим себе – не иллюзия, не завистливая мечта сиротства, – на что мы все-таки напомним, повторяя горькие слова Анны Ахматовой:

**Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потока она,
И я своих не знаю берегов.**

Никакое серьезное продумывание этих вопросов в горизонте понимания трагического опыта моей страны не может миновать важнейшего исторического сдвига – эпохи экспансии утопического проективизма, овладевшего пространством исторически сложившихся ценностей социальной, культурной и религиозной жизни.

Речь идет о начале русской революцией тотальном разрушении «старого» мира и организованном построении «нового», *будущего мира* по чертежам и планам утопических проектов.

Это разрушение было направлено не только на какие-то отдельные формы жизни, культуры и социально-экономических отношений, но и на ту фундаментальную, архетипическую структуру человеческого бытия, которую я буду в дальнейшем называть *сферой ойкоса*.

Что такое *ойкос*?

Это – основополагающий принцип всей нашей цивилизации, основа ее идентичности, ее жизненности, ее динамики.

В буквальном смысле греческое слово *ойкос*, – так же как и древнееврейское *байт* или славянское *дом*, – это одновременно и к р о в , и с е м ь я , то есть жилище, строение, место и все, что дом составляет и дому принадлежит: семья, хозяйство, труд, быт, строительство, наследство; это также сложная структура семейных и родовых взаимосвязей, иерархия и порядок, распространяющиеся на окружающую дом пространственную среду, ее «окультуривание» и ее защита; наконец, это принцип личной идентичности (вспомним выражение: «быть как у себя дома») и даже характеристика умственных возможностей (эвфемизм интеллектуальной ущербности: «не все дома»).

Эксплицитно д о м – это также язык, свой народ, своя страна, право, честь, нравственность, память и верность заветам. Совсем обобщенно *дом*, *ойкос* – это среда обитания человека – очеловеченный м и р : *мир как жилище, дом для всей семьи человечества*.

На уровне мифологии и религии *ойкос* – это Божественная семья, управляющая домом-миром. В иудеохристианской традиции символика *ойкоса* использована для выражения присутствия абсолютного начала в человеческом мире. Вспомним: Бог-Отец, Бог-Сын, Бого-Мать. Библия называет еврейский народ *Домом Израилевым* и символически уподобляет народ сыну, дочери, невесте и т.д.

В христианской традиции ДОМ – это Дом Небесного Отца, в который человек вступает через веру в Иисуса Христа; то есть это Церковь, храм, община, где все друг другу «братья» и «сестры». Православная церковь и сегодня настаивает на понимании священника как «духовного отца», по отношению к которому все верующие его прихода являются «духовными детьми».

Не случайно в этой традиции *история* именуется «*икономией*», то есть буквально

«домостроительством»: процесс, означающий сотрудничество Бога и человека для спасения мира.

От слова *ойкос* происходят и другие фундаментальные понятия, ставшие основополагающими координатами нашей цивилизации:

экономика – буквально домоуправление: принципы, правила и законы ведения хозяйства;

экумена – обживаемое человеком пространство мира: обитаемый мир в его гуманитарном единстве и коммуникативной соотнесенности;

экология – способы обживания человеком окружающей среды.

Существенно: при всем рационалистически-секулярном характере сегодняшнего использования этих понятий мы легко попадаем в фантазмагорический мир, лишь только забываем о древних смысло-формах и живой реальности первоначальных значений. И, напротив, мы можем оказаться во власти опасных социокультурных *имитаций*, если не будем критически задумываться над тем, почему современное рационалистически-секулярное сознание так настойчиво эксплуатирует сферу мифологического, сакрального, архетипического. Один из наиболее ярких примеров – назойливость наших газет и лозунгов: «братство народов»; «братская помощь»; «единая семья народов»; «города-побратимы»; «общеевропейский дом»; «сыны советского народа»; «дочь партии»; «внучата Ильича» и т.п.

Конечно, эта маскирующая пропагандистски-идеологическая эксплуатация была бы абсолютно нефункциональна, если бы не *наличие* и *значимость* смыслообразующих и энергетических начал *сферы ойкоса* в духовном пространстве современной действительности. Наличие, подкрепленное неистощимой потребностью.

Безусловно, неустрашимое и многослойное наличие *сферы ойкоса* в структурах нашей культуры и нашего сознания, наконец, в самой ткани нашей жизни, можно назвать «м а т е р и е й» всей общеевропейской цивилизации. Именно эта «материя» и была «архе» – *первичной реальностью* всякой локальной культуры. На протяжении истории она обретала разные формы, но оставалась тождественной своей субстанции.

И вот эта-то материя и была тотально атакована и в значительной мере разрушена или подменена *утопическим проективизмом*. Это было вторжением «Другого» – новых символических значений, новых ценностей, новых ориентиров, норм, директив, правил. Такое тотальное господство «Другого» над материей – то есть господство отвлеченных схем и принудительных сверхличных принципов над живой жизнью – можно назвать *новым идеократическим патриархатом*.

Произошло то, что лучше всего может быть описано языком Жака Лакана, создателя структурного психоанализа, одного из провозвестников постмодернистской культуры. Напомню: в системе Лакана «Мать», материальное начало, с которым ребенок себя первоначально отождествляет, – есть *реальное*. Этому реальному противостоит символическое – фигура *Другого*, или *Отца*, *Закона*: область сверхличных, всеобщих, социокультурных смыслов. Разрыв с материей, всецелое, тотальное господство символического, согласно Лакану, ведет к *исчезновению субъекта*: субъект предстает как функция культуры. Не культура является атрибутом индивида, а индивид оказывается атрибутом культуры, говорящей при помощи субъекта. Сам же по себе субъект есть *ничто*, пустота, заполняемая содержанием символических матриц. Отсюда и задача «Я»: путем создания собственного образа встать на место субъекта и таким путем редактировать «речь Другого».

То, что Лакан описывает как постмодернистскую ситуацию поглощенности человека культурой, где субъект есть *ничто*, и было осуществлено с трагической необратимостью в стране тоталитарного господства *утопического проективизма*, то есть в ситуации торжества модернистского сознания.

С поразительной глубиной этот процесс прохождения через небытие, через мистическое ничто революционной ночи во имя абсолютной власти «Другого» описывает в своей прозе Андрей Платонов:

«Нам все теперь стало ничто», – объясняют свою причастность новой истине будущего его герои-коммунисты. А на вопрос, является ли один из активистов «действительно лицом», следует ответ: «Какое я тебе лицо? Я никто; у нас партия – вот лицо!»

Знаменательно: утопический проективизм, с неизбежностью переродившийся впоследствии в тиранию *идеократической действительности*, выступал под знаменем материализма и во имя материализма. Это была установка на снятие дуализма «материи» и «Другого» во имя создания новой семьи народов и нового дома. Естественно, дальше маскирующей эксплуатации мифологии дело не пошло. Для всякого зоркого взгляда, каким, например, обладал писатель Андрей Белый, было очевидно: «Победа материализма в России привела к полному исчезновению в ней всякой материи».

Умирание, опустошение *сферы ойкоса* оказалось, быть может, самым трагическим в этом процессе *исчезновения материи*. Разрушение самого места и образа обитания, разрушение структуры семьи, связей с прошлым, отречение от заветов отцов, от общечеловеческой гуманитарной солидарности, от экуменического – то есть не разделенного «железным занавесом» – единства культуры, экономической инициативы, экологического равновесия велось во имя «пользы будущего времени», говоря языком Платонова; но это будущее, сгустившееся в фигуре *Другого*, не могло принести ничего, кроме смертоносного запустения.

Старый, насчитывающий два тысячелетия истории дом был признан чужим и чуждым; там, где это было возможно, он был до основания разрушен, чтобы освободить место для строительства «нового общепролетарского дома».

Чем закончилось это эпохальное строительство, всем хорошо известно. Подлинным символом новой жизни, навязанной, извращенной мечтой о принудительном счастье, стал не «Новый дом коммунистического человека», но подчинившийся своим законам и своей судьбе, бесконечно расширяющийся, всепоглощающий *Котлован*: особое пространство *выживания*, вместе со своими кладбищами отгороженное и перегороженное рядами колючей проволоки.

Можно ли этот мир подправить, частично перестроить, сделать пригодным для достойной и человеческой жизни?

Очевидно, этот вопрос не есть вопрос *только* экономического, *только* социального, *только* правовой. То, что происходило и происходит в бескрайних пространствах Котлована, ставшего для всех нас домом общего сиротства, свидетельствует о том, что катастрофичны само содержание и образ жизни, катастрофичны сам человек и человечность.

II.

Если попытаться обозреть все то, о чем сегодня говорят со страниц советских газет, журналов, книг, с многочисленных трибун или экранов телевизоров, – то мы не найдем ни одной сферы, ни одного аспекта жизни, которые бы не были затронуты какой-то общей глубокой и разрушительной болезнью, – болезнью, которая сводит на нет подчас самые скромные надежды.

Нет, речь не идет только о прошлом. И сегодня импульсы инициативы гаснут в безмерной толще молчаливой пассивности, равнодушия, морализирования, цинизма и страха перемен. Вряд ли это случайно. И вдумываясь в смысл бывшего и происходящего, приходишь к страшному диагнозу: разрушение *«сферы ойкоса»* напрямую сопряжено с тем, что можно назвать *антропологической катастрофой*. (Слово «антропология» используется в данном случае исключительно в философском, а не в этнологическом смысле.)

Что же произошло?

В этой краткой статье я упомяну лишь три наиболее важных аспекта: *исторический, психологический и философский*.

1. В *историческом* аспекте социальный эксперимент, начавшийся с революции 1917 года, означал тотальный разрыв с традиционными ценностями и формами жизни: население всей страны потеряло частную собственность; коллективизация, раскулачивание и организованный голод изменили смысл труда крестьянина; «железный занавес» закрыл мировой горизонт, вырвал страну из истории; идеология интернационализма, маскировавшая военную агрессию и политическое манипулирование, подменила реальность экумены; «великий террор» установил новые цены человеческой жизни; партийно-государственная монополия на культуру,

на информацию, на общественную деятельность, наконец, на поиск собственных путей в науке, литературе, искусстве на долгие годы исключила возможность каких-либо альтернатив. И, что так же важно, народ был натравлен на веру своих предков, отстаивавших божественный образ человека и человеческой жизни.

2. На языке психологии смысл этого эксперимента можно описать как тотальную депривацию – отлученность населения России от наследия византийской и европейской культуры и соответствующих ее реальностям архетипических образов, веками формировавших структуру личности, семью, межличностные отношения, этические ценности, социальные ориентации, правила поведения. Подобно тому как была разрушена сфера ойкоса, тотальная депривация¹ разрушила традиционные, сформированные тысячелетним трудом христианства коллективные образы Отца (Бога), Матери (Церкви), сыновства и братства. Их подменили новые образы: отца – Вождя народов, матери – коммунистической партии, братства – солидарности в классовой, а впоследствии идеологической борьбе. Историческая неустойчивость этих имитаций (возникновение сталинизма, а затем последующая десталинизация) привела в конце концов к разрушению того, что американский психотерапевт Э.Эриксон назвал «базисным доверием». Область социально-психического подчинилась парадигмам инфантилизма; определяющими стали несовершеннолетнее «несчастное сознание», страх ответственности, чувство личной виновности перед святыней государства, потребность в патернализме, подмена этики морализированием, доверчивое простодушие и одновременно циничный скептицизм, толкающий на поиск компенсаторных удовлетворений. Психический мир нового человека оказался подобным психическому миру детского дома, коммунальной квартиры или – концлагеря.

3. Рассматривая последствия этого социального эксперимента на языке философского дискурса (прежде всего в аспекте философии культуры), мы можем обнаружить, что наряду с преобразованием социально-психического мира была разрушена и структура «когито», того самого *cogito*, которое Декарт соединил с существованием: *cogito ergo sum*. Мышление и существование потеряли необходимую онтологическую связь; мышление как поиск «начал и концов» оказалось опасной помехой для существования. Мышление стало дискретным и функциональным. На место мышления встала прагматическая изобретательность, направленная на выгрызание мелких преимуществ.

Соответственно разрушенным оказалось и «интеллигибельное пространство» – пространство, в котором работа мысли или нравственный поступок обретают безусловный умопостигаемый смысл не только для отдельной личности, но и для общества. Реальные общественные связи заменила собой *всеохватывающая идеология*, на языке которой обязано было мыслить и говорить все население страны.

Сушественно: идеология в тоталитарной системе не есть то, во что «верят» или «не верят», она не есть «система убеждений»; идеология – это то принудительное жизненное пространство, которое принимают или не принимают ценой самой жизни. И если мы вошли в это пространство, – а такое вхождение предопределено господствующим порядком вещей, всей системой, начиная с детского воспитания, – то «когито» теряет всякий смысл: язык идеологии с а м «думает» за нас, с а м – помимо нас! – задает непреодолимые оппозиции: «мы» – «они»; «свои» – «враги»; «родина» – «чужбина»; «патриот» – «отщепенец»; ортодоксия – ересь, «единственно правильное учение» – извращенное заблуждение. Смысл слова определяется через предикаты «истинный» или «ложный» («истинная демократия», «истинная свобода», «истинное равноправие» в противоположность «ложной», то есть буржуазной, свободе или демократии) и полностью растворяется во всеохватывающем идеологическом пространстве. Язык этого идеологического пространства коллективен, поднадзорен и камуфлирует себя.

Идеологию можно описать как всеохватывающую функционально-семантическую, знаковую систему, навязывающую смыслы по отношению ко всему суще-

¹ Депривация – более серьезное состояние, чем фрустрация: состояние фрустрации – когда, например, у ребенка отняли любимую игрушку; состояние депривации – когда ребенку вообще не предоставляется возможности играть.

ствующему. В этом аспекте идеологию с полным правом можно истолковать и как *гностическую систему*, и как *язык*.

В качестве гностической системы идеология есть полнота знания обо всем существующем, которое толкуется под знаком дуалистической борьбы двух начал: антагонистических классов, двух культур, двух противоборствующих систем, двух исторических эпох, двух мировоззрений и т.д.

В качестве языка идеология есть целостная система для описания этого фундаментального дуалистического разделения. При этом такого рода описание полностью исключает возможность нейтралитета или неучастия: язык идеологии всегда выступает в качестве *аксиологического письма*.

Существенно: в этом письме – литературном тексте, картине, скульптуре, театральной постановке, фильме, наконец, в любом официальном высказывании – означающее господствует над означаемым, знак – над значением. Более того: значения приписываются самому знаку. Свойствами подлинной реальности наделяется сам текст, который легко превращается в первореальность.

Соответственно, меняется и роль «чтения»: чтение словесного текста, рассмотрение картины или скульптуры, просмотр фильма становятся подтверждением должного и одновременно удостоверением социального статуса читателя и зрителя. То есть чтение знаменует функцию реализации власти тотальности над субъективностью. Там же, где субъективность еще не преодолена, ее наличие оценивается как ущербность и вина. Отсюда – неиссякаемая моралистичность идеологизированного сознания.

Таким образом, труд самоидентичности, предполагающий свободное самоосуществление, самостоятельный поиск истины, доверие к своему опыту, интеллектуальную честность, бескорыстие, независимость последовательно подменяется обязанностью принимать лишь готовую систему идентификаций. В самой же этой системе *называния (номинации)* приравниваются делам и вещам, лозунги – жизненным принципам, цитаты из отчетных докладов – сокровенной мудрости, отмеченные государственными наградами книги, картины, фильмы или роли – подлинным произведениям искусства. Так возникает мир имитаций, подмен: имитация права, памяти, истории, критического анализа, знания, научной работы, литературы, искусства.

При этом идеология осуществляет не только социальную, но и *эстетическую власть*. Эстетика – неотъемлемая «часть общепартийного дела». На разных уровнях, в том числе и на бессознательном, человек формируется как запрограммированная «машина желаний», для которой создаются специальная литература, живопись, оперы, песни, оратории, театральные постановки и кинофильмы. И хотя все это именуется «искусством реализма», в нем нет ничего от подлинной действительности: это искусство задумано как реализация запланированных заранее принудительных коллективных сновидений.

Говоря языком психоанализа, назначение идеологии состоит в том, чтобы резервировать, формировать, а затем экстерниоризировать энергию подсознательного. Одним из действенных средств такого рода манипуляций является искусство «социалистического реализма». Силами этого искусства читатель и зритель идентифицируется с массой, где идеология обретает свою собственную телесность и попадает в пространство поднадзорности. Ускользание же из этого пространства оценивается как опасное отщепенство, предполагающее субъективное чувство ущербности и виновности. Но поскольку страх и вина уже встроены в структуру власти, разоблачения и покаяния преступников, стимулированные идеологическими чистками, только усиливают могущество власти.

Естественно, «когито» мешает всей этой системе: последовательное мышление разрушает фикции общезначимости, обнажает деспотический характер языка и ставит под сомнение абсолютный характер гностических истин. Отсюда неизбежные для мыслящего человека ситуации виновности и страха, либо – ситуации сопротивления. И то, и другое неизбежно ведет к трагическому столкновению с системой власти. Так мышление оказывается опасным и ненужным для существования; место мышления занимают хитрость, изобретательность, эгоистическая практичность, необходимые для выживания.

Что все это может означать для искусства?

Здесь не место давать рецепты. Но есть точка, где вопрос об искусстве и вопрос о человеке совпадают. Эта точка – возвращение творческой способности критически различать живую реальность и ее мертвые образы.

И опыт нашего «исторического обвала» – катастрофы, не сопоставимой ни с каким Чернобылем, – заставляет с горечью признать, что человек может потерять способность различать ж и з н ь и в ы ж и в а н и е. Имитация жизни, мысли, ощущений, этики, имитация религиозной веры и имитация искусства способны обрести бесконечную власть над человеком.

Перед этой властью может оказаться бессильной и социальная, и политическая, и экономическая перестройка. Сама перестройка может оказаться имитацией.

И здесь нет для нас другого пути, кроме пробуждения чувства реальности, верности ее присутствию. И для искусства, и для общества, и для самой нашей рефлексии о них – это одновременно призыв и вызов: напоминание о том, что совершеннолетие не есть сиротство, а наша забота о подлинном масштабе человечности не может проверяться очередной идеологией, заменяющей какую-то другую идеологию.

Конечно, такое согласие на критическое различение не сделает нас неуязвимыми и недосыгаемыми. Оно не отметит нашей боли и не принесет немедленного процветания ни нашему искусству, ни нашему обществу. Но, может быть, оно поможет нам вернуть реальность смысла, цели, идентичности, реальность языка и взаимопонимания. Ибо вне этой реальности чужое и мертвое по-прежнему живут в нас. И чтобы увидеть это, есть только один путь – путь радикального и последовательного вопрошания. Путь риска, труда, готовности идти до конца. И только на этом пути горький хлеб сиротского выживания способен пресуществиться в истинный х л е б ж и з н и.

Владимир ВОЙНОВИЧ

ЦОБ-ЦОБЭ

Не знаю, как в других местах, а вот на Украине и на юге России волы когда-то были одним из самых распространенных и надежных видов транспорта. Причем было это не только в допотопные времена, при царе Горохе, а даже и на моей памяти, хотя мне лет пока что намного меньше, чем сто.

А в 1941 году, когда я попал в Ставропольский край, мне даже и девяти не было. (Ставрополь, между прочим, тогда назывался Ворошиловском, а край почему-то Орджоникидзевским.) Когда мы, эвакуированные, оказались в Ставрополе (пусть будет все-таки так), нас там три дня и три ночи держали под открытым небом на широкой и пыльной площади у вокзала. Была невероятная жара, не хватало почему-то воды, девочка-идiotка кусала свои толстые губы и высасывала из них собственную кровь, пытаясь напиться.

Здесь мы сидели, лежали и спали на своих тюках и узлах, бродили между ними, пока не стали прибывать за нами большие повозки-арбы, запряженные волами. Нас распределили посемейно, после чего обозы в две-три арбы каждый, груженные людьми и скарбом, отправились в путь. Ехали мы столько же, сколько ждали поезди, – трое суток, с остановками на ночлег и водопой.

Вроде не такое уж яркое событие, а на всю жизнь запомнились мне заросшая ковылем бескрайняя степь, скрип колес, мохнатые воловы зады, угловатые суставы задних ног, обляпанные и многослойно покрытые засохшим и свежим зеленым дерьмом. Жара стояла невероятная, люди ее не выдерживали, страдали, а волы, ничего, терпели. Терпели и шли вперед, не прибавляя шага, но и не убавляя. В середине дня дадут им пожевать сена, напоят теплой затхлой водой и опять в ярмо, опять вперед до позднего вечера, до ночевки. Пока мы доехали, в одной арбе от солнечного удара умер пожилой человек, зато в другой родилась девочка.

Мы поселились в одном из небольших, затерянных в степи хуторов, который назывался Северо-Восточный (в отличие от другого хутора, Юго-Западного). В тех местах волы были незаменимой тягловой силой. Конечно, некоторые люди, особенно колхозное и иное начальство, ездили на лошадях. Но если надо было пахать или возить что-то тяжелое, если куда-то снаряжался обоз, санный или колесный, то обычно запрягали волов.

Вот типичная картина для тех мест. Два вола, вытягивая шею, тянут арбу со стогом сена или соломы высотой с двухэтажный дом. Рядом идет погонщик, беззлбно постукивая по спинам и повторяя одно и то же: «Цоб-цобэ!»

Есть такое выражение – бессловесная скотина. Это, если в прямом смысле, именно про вола. Вол – самое работающее, неприхотливое и безропотное животное. Он ничего от своих хозяев не требует, кроме еды и воды. Больше ему ничего не нужно. Классик украинской литературы Панас Мирный написал в свое время (между прочим, в Швейцарии) роман под названием «Разве ревут волы, когда ясли полны?». Мирный, конечно, имел в виду не волов, но из самого заголовка ясно, что волам (не говоря уже о тех, кого он имел в виду) были б кормушки наполнены, а больше и потребностей нет. Причем наполнять кормушки можно чем попало. Есть сено – хорошо. Нет, сойдет и солома.

Лошадь по сравнению с волом – аристократка. Ей дают пахучее сено, клевер, а по возможности и овес. А хороший хозяин и куском рафинада побалуует. Да при этом погладит ей морду, потреплет холку, шею снизу потрет и посмотрит, как она улыбается. А еще ведь лошадь и купают, и чистят, и хвост расчесут, и гриву косичками заплетут, и челку подправят. Как-нибудь похоже обращаться с волом никому и в голову не приходит. Ну, бывает, иногда между рог почешут слегка, ему и это приятно, но смотрит он удивленно: с чего бы такая милость?

Да и запрягают вола каким-то унижительным способом. На лошадь надевают сбрую, чаще простую, а если возможно, нарядную со всякими украшениями, побрякушками, колокольчиками. Попонкой ее накрывают, расшитой узорами. У вола ничего этого нет. У него есть ярмо – две деревянных колодки, скрепленных короткими штырями-занозами. Причем вола стоит только подвести к ярму, а голову он и сам подставит.

Между прочим, даже и люди, управляющие лошадьми и волами, по-разному называются. Лошадьми в давние времена правили кучера, ямщики в каких-нибудь тоже расшитых камзолах, в расписных рукавицах, в шапках нарядных. Про людей этих даже романсы слагали, вроде «Ямщик, не гони лошадей». У волов же никаких кучеров-ямщиков, у них погонщик. В длинном зипуне, стоптанных сапогах, в дражном каком-нибудь малахае, с хворостиной в руке, сам по себе личность зачуханная и романсами не прославленная.

Впрочем, я не о погонщиках, о волах.

Преимущество вола перед лошастью состоит в том, что его никогда не бьют сильно. Не бьют, потому что это не нужно и бесполезно. Быстро он все равно не побьжит, а медленно идет без битья. Поэтому его лишь слегка постукивают палкой по костлявому хребту, но это не битье, а просто подача знака, прямо ли ему идти или пора поворачивать.

И вот, наблюдая повседневную жизнь этой скотины, видя ее бесконечную рабскую покорность судьбе и погонщику, трудно и даже невозможно себе представить, что это существо не всегда было таким, что оно было готово к сопротивлению и даже бунту.

А почему же невозможно? Ведь волы – это и есть те самые, непокорные, гордые, самолюбивые до слез быки, которые на испанских и прочих корридах сражаются до конца, не имея ни малейшего шанса на победу. Конечно, превращаясь в волов, быки утрачивают не только какие-то детали своего организма, но и лишаются некоторых свойств характера. И все же, даже оскопленные, они не сразу покоряются своим угнетателям. Они сопротивляются, они бунтуют, может быть, как никакое другое животное.

Бывает это обычно только раз в жизни, именно тогда, когда на вола впервые надевают ярмо.

Не на одного вола, конечно, а сразу на двух. Их запрягают летом в грузовые сани потяжелее, на сани накладывают груз или садятся для потехи несколько отчаянных мужиков (перед тем для храбрости изрядно принявших). Садятся для того, чтобы увеличить нагрузку. И вот тут-то как раз применяется не хилая хворостина, а кнут или, точнее, батог, длинный, туго сплетенный, тяжелый и смоченный водою, чтобы был еще тяжелее. Действуют воспитатели быстро, решительно и жестоко. Подвели волов к саням, надели обманом ярмо, волы сначала теряются, косят друг на друга недоверчивым глазом, топчутся на месте, а потом как задрожат, да как рванут. И вот тут самое время для их учебы, для обламывания рогов. Тут сразу надо протянуть одного батогом и крикнуть ему «цоб!», протянуть другого с криком «цобэ!» и повторять это без конца, стараясь удержаться в санях, а это очень непросто.

Волы, еще полные силы и ярости, несут эти сани, как легкую таратайку, кидаются из стороны в сторону, сметая что под ноги попадетсся или под полоз. Тут-то их и надо батогом да покрепче, но без мата, а только со словами (чтоб только их и запомнили) «цоб» и «цобэ». Одного изо всей силы вдоль хребта батогом: «Цоб!» А другого тем же макаром: «Цобэ!» Звереют волы, не хотят терпеть ярма, пытаются его скинуть, мотают головами, шеи выворачивают, швыряют из стороны в сторону сани, несутся по деревне, готовые растоптать, пропороть рогами все живое и неживое (кто навстречу попался, тот либо в сторону шарахается, либо на дерево взлетает, как кошка), и, кажется, сил у них столько, что никогда не успокоятся и никогда не остановятся. Но все-таки и воловья сила знает предел, уже вот бег замедлился, и дыхание шумное, и пена изо рта, а рука бьющего еще не устала. Шарах одного с захлестом промеж рог – «Цоб!», шарах другого по хребтине – «Цобэ!», и вдруг волы остановились, задергались, задрожали и оба разом рухнули на колени. А пар из ноздрей валит, а пена у губ пузырится, а глаза еще красные, но в них уже не гнев, а покорность.

И это все. Учеба закончена. Теперь только дайте волам отдохнуть, а потом поднесите ярмо, а уж головы они сами подставят. Бить их больше не надо. Не стоят они того. Да и бесполезно. Бежать все равно не будут, а шагом потащут столько, сколько осият. Идут себе тихо-мирно, только покрикивай «цоб» или «цобэ», или «цоб-цобэ», это смотря чего вы от них хотите.

А между прочим, самого главного я еще не сказал. Я не сказал того, что «цоб» и «цобэ» – это, во-первых, команды. Причем довольно простые. Если говоришь «цоб», волы поворачивают налево, «цобэ» – направо, «цоб-цобэ» – идут прямо. Во-вторых, Цоб и Цобэ это не только команды, а еще имена. У всех волов есть только два имени: Цоб и Цобэ. Если опять же сравнить с лошадьми, то тех называют обычно как-нибудь ласково и по-разному. Буран, Тюльпан, Сильвия, Сагайдак, Пулька, Крылатка, Весенняя, вот имена из нашей колхозной конюшни, которые я запомнил.

Так вот, у волов никаких таких имен не бывает. У них только или Цоб, или Цобэ, третьего не дано. И к этому пора добавить, что Цоб и Цобэ – это не только имена, а и как бы исполняемые ими функции. И положение, которое они всегда занимают. А именно: Цоб в упряжке всегда стоит справа, а Цобэ, наоборот, слева. Всегда тот справа, а этот слева, как в английском парламенте. В таком порядке все свое дело знают. Погонщик знает, что если надо повернуть налево, то следует стукнуть (не сильно) стоящего справа Цоба и сказать ему «цоб!». Тогда Цоб напрягется и толкает плечом стоящего от него слева Цобэ, тот подчиняется, и волы поворачивают налево. А если направо, то Цобэ толкает Цоба и все получается наоборот. Точный, ясный, раз и навсегда заведенный порядок. И если его соблюдать, волы ведут себя безропотно и безупречно. А вот если нарушить порядок, то уж этого могут не потерпеть.

Живя на хуторе Северо-Восточный, я ходил в школу во второй класс на хутор Юго-Западный – в семи километрах от нашего хутора, он был для нас вроде бы как столицей: там и школа, и почта, и правление колхоза, а у нас ничего. Вернее, я туда не ходил, я ездил на волах, которых нам, школьникам, выделял колхоз. Волов запрягали в просторную квадратную двуколку, и занимались этим старшие школьники, то есть четвертоклассники. Двое из них, Тарас и Дмитро, просидев в разных классах не по одному году, были уже люди вполне солидного возраста. Утром мы со-

бирались возле воловни, Тарас или Дмитро или оба вместе запрягали животных, мы забирались в повозку и – цоб-цобэ – отправлялись в путь.

И все было хорошо до тех пор, пока кому-то из наших умных возниц не пришло в голову ради шутки поменять перед дорогой из школы Цобэ и Цоба местами. Сказано – сделано. Запрягли, поехали.

Уже когда мы сядились в двуколку, было видно, что волы проявляют какое-то недовольство, нервозность. Смотрят друг на друга, перебирают ногами, мотают рогами, дрожат. Ну, сначала как-то двинулись, и вроде бы ничего. Доехали до угла школы, а там как раз поворот направо. Тарас стукнул хворостиной левого быка и говорит ему «Цобэ!». А тот не понимает, потому что он не Цобэ, а Цоб. Но его стукнули, и он пытается толкнуть того, кто стоит от него слева, а слева от него как раз никого нет. А Цобэ, слыша свое имя, пытается толкнуть того, кто стоит справа, но справа опять-таки никого. Потянули они друг друга туда-сюда, никакого поворота не получилось. Дмитро у Тараса хворостину выхватил, неправильно, говорит, управляешь, раз уж запрягли наоборот, значит наоборот надо и говорить. Хочешь повернуть направо, говори: «цоб!», хочешь налево, кричи «цобэ!». Стукнул он опять Цоба по спине и говорит ему: «Цоб!», считая, что тот теперь вправо будет толкаться. Цоб направо опять не идет и опять толкает влево того, кого слева нет. А Цобэ хотя и упирается, но настоящего сопротивления оказать не может, он привык, чтобы его толкали, а не тянули. В результате двуколка наша поворачивает не направо, а как раз налево, как и полагается при команде «цоб», но при этом делает оборот градусов на триста шестьдесят с лишним. «Вот душень! – рассердился Тарас. – Совсем скотину запутал. А ее как ни поставь, она свое дело знает». Стукнул он палкой Цобэ и сказал: «Цобэ». Цобэ сначала подчинился, пошел направо, а там никого нет, тогда нажал на Цоба, опять стали крутить налево. А направо – хоть так, хоть так – не идут. Дмитро соскочил на землю, уперся в шею Цоба двумя руками: «Цобэ! – говорит ему. – Так твою мать, Цобэ!». А Цоб свое дело знает и имя. И знает, что он не для того поставлен, чтобы толкаться вправо, а для того, чтобы толкаться влево. А Дмитро все в шею упирается. И тут Цоб не выдержал, мотнул башкой и зацепил рогами на Дмитре телогрейку. Дмитро хотел его кулаком по морде, а Цоб развернулся и, чуть Цобэ с ног не свалив, пошел на Дмитро на таран. Дмитро прыгнул в сторону, как кенгуру. Цоб хотел и дальше за ним гнаться, но тут его осилил Цобэ, и вся упряжка пошла направо. Волы двуколкой нашей чей-то плетень зацепили и частично его свалили, причем свалили с треском, и треска этого сами же испугались. А потом от всего происшедшего неурядицы и вовсе озверели и понеслись. Мне повезло, я был среди тех, кто за борт вылетел сразу. Но другие еще держались. А волы побежали по хутору не хуже самых резвых лошадей. Причем бежали зигзагами. При этом снесли угол школьной завалянки, растоптали попавшего под ноги индюка, потом повернули и устремились прямо к колхозной конторе. Бухгалтер по фамилии Рыба, как раз вышедший на крыльцо, кинулся обратно и захлопнул за собой дверь. Но испугался он зря – у самого крыльца правления волы крутанули вправо, перевернули брошенную посреди дороги сенокосилку, даже протащили ее немного с собой (потом она оторвалась), выскочили в степь и пошли по ней зигзагами, разбрасывая в разные стороны своих пассажиров. Когда двуколка перевернулась, в ней уже никого, к счастью, не было. Волы в таком перевернутом виде, подняв тучу пыли, дотащили двуколку до соломенной скирды, в которую сходу уперлись и, не понимая, как развернуться, стали бодать солому рогами. Тарас и Дмитро, до смерти перепуганные, с трудом собрали раненых и ушибленных детей, а потом осторожно приблизились к волам. Те все еще проявляли признаки агрессивности, но наши переростки были переростки деревенские. Они в арифметике и грамматике были сильны не очень, но с животными управляться умели. Они волов кое-как перепрыгали, и, удивительное дело, те опять стали тем, кем и были до этого: безропотной и покорной скотиной, которая, если не нарушать порядок, ведет себя тихо, мирно и смирно. Не без опаски мы заняли свои места в двуколке, Тарас стукнул палкой Цоба и сказал ему «цоб», а затем стукнул палкой Цобэ и сказал ему «цобэ». Волы поняли, что теперь все правильно, порядок восстановлен, каждый на своем месте, каждый при своем имени, и – пошли вперед, натягивая свои натертые шиш, мерно перебирая ногами, передними просто грязными и задними, обляпанными во много слоев навозом. ●

Люди могут представляться нам отвратительными как некие сборища — акционерные компании и нации; среди людей могут быть мошенники, дураки и убийцы; и физиономии у людей могут быть подлыми и постыдными; но человек, в идеале, так велик, так блистателен, человек — это такое благородное, такое светлое существо, что всякое позорное пятно на нем ближние неизменно торопятся прикрыть самыми дорогими своими одеждами. Идеал безупречной мужественности живет у нас в душе, в самой глубине души, так что потеря внешнего достоинства не может его затронуть; и он, этот идеал, в мучениях истекает кровью при виде человека со сломленной доблестью. При столь постыдном зрелище само благочестие не может не слать укоров допустившим позор звездам. Но царственное величие, о котором я веду здесь речь, не есть величие королей и мантий, это щедрое величие, которое не нуждается в пышном облачении. Ты сможешь увидеть, как сияет оно в руке, взмахнувшей киркой или загоняющей костыль; это величие демократии, чей свет равно падает на все ладони, исходящий от лица самого Бога. Великий, непогрешимый Бог! Средоточие и вселенский круг демократии! Его вездесущность — наше божественное равенство!

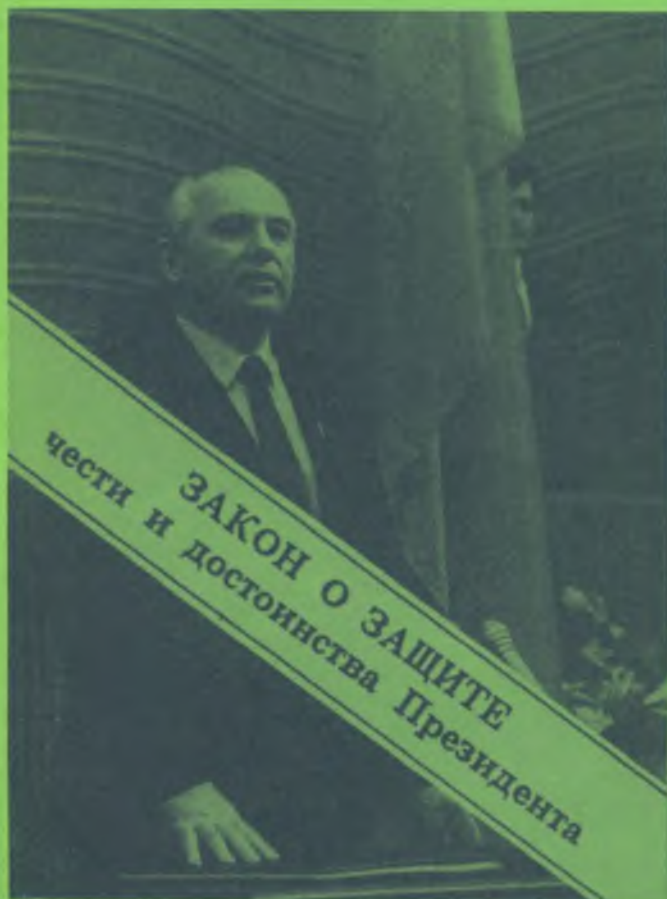
И потому, если в дальнейшем я самым последним матросам, отступникам и опщепенцам, припишу черты высокие, хотя и темные; если я оплету их трагической привлекательностью; если порой даже самый жалкий среди них и, может статься, самый униженный будет вознесен на головокружительные вершины; если мне случится коснуться руки рабочего небесным лучом; если я раскину радугу над его гибельным закатом, тогда, вопреки всем смертным критикам, заступись за меня, о беспристрастный Дух Равенства, простерший единую царственную мантию над всеми мне подобными! Заступись за меня, о великий Бог демократии, одаривший даже темноликого узника Беньяна бледной жемчужиной поэзии; Ты, одевший чеканными листами чистейшего золота обрубленную, нищую руку старого Сервантеса; Ты, подобравший на мостовой Эндрю Джэксона и швырнувший его на спину безумного скакуна; Ты, во гrome вознесший его превыше трона! Ты, во время земных своих переходов неустанно собирающий с королевских лугов отборную жатву — лучших борцов за дело Твое; заступись за меня, о Бог!

Герман Мелвилл, "Моби Дик,
или Белый кит" (1851 г.)

INTERNATIONAL
Herald Tribune
Published With The New York Times and The Washington Post

stern

Глубокоуважаемый
Михаил Сергеевич!

Желая войти в общий европей-
ский дом, неплохо знать, что в
нем иные порядки, чем в нашей
коммунальной квартире.

Примите и проч.

Редакция "Страны и мира"